

чтобы взять изъ него кровь, а я вотъ въ этомъ убѣждена. Въ Долгиновѣ убійство тогда было тоже передъ Пасхой».

Пока тянулось слѣдствіе, Адель Равичъ и ея мужъ эмигрировали въ Америку. Едва ли въ этомъ фактѣ можно видѣть что-либо особенное. Среди виленскихъ католиковъ-поляковъ, къ числу которыхъ принадлежали супруги Равичъ, отъѣздъ въ Америку очень распространенъ и представляетъ явленіе заурядное, особенно для людей бездѣтныхъ, какими были Равичъ. Но сіе событіе дало возможность валить на уѣхавшихъ Равичъ—какъ на мертвыхъ—всякую небылицу, что и было использовано въ широкихъ размѣрахъ.

Убитаго Ющинскаго завернули на первое время въ чеберяковскій коверъ—таково было одно изъ положеній самой послѣдней бразулевской версіи. Соответственно сему, Екатерина Дьяконова, придя, будто бы, 12 марта къ Чеберяковой, обратила вниманіе не только на скрывавшихся въ сосѣдней комнатѣ четырехъ «хлопцевъ», въ числѣ которыхъ былъ сидѣвшій тогда подъ стражей Лисуновъ, не только на бадію съ холодной грязной водой, въ которой Вѣрка собиралась купать своего Василя Петровича, но и на подозрительно завернутый коверъ, а затѣмъ ей, Дьяконовой, приснился сонъ, что въ коврѣ лежалъ убитый Ющинскій. Но такъ какъ предмета, завернутаго внутрь ковра, нельзя видѣть даже и во снѣ, ибо коверъ тому мѣшаетъ—то, вѣроятно, по этой причинѣ, защитникъ подсудимаго Зарудный спросилъ Дьяконову: «Свидѣтельница, вы видѣли трупъ завернутымъ въ коверъ или лежащимъ на коврѣ?» И уже предсѣдатель остановилъ тогда Заруднаго, сказавъ: «Г. защитникъ, не все ли равно, какой сонъ видѣла свидѣтельница».

Но оказалось, что рѣчь идетъ не только о снѣ. Когда допросъ Ек. Дьяконовой перешелъ къ Грузенбергу, то послѣдовали такіе вопросы и отвѣты:

Грузенбергъ. Вы были знакомы съ Аделью Равичъ?

Дьяконова. Была.

Грузенбергъ. О чемъ вы бесѣдовали съ Аделью Равичъ?

Дьяконова. Она говорила мнѣ, что знаетъ что-то страшное относительно Чеберяковой, но боится сказать, чтобы ея не выдать.

Грузенбергъ. А затѣмъ?

Дьяконова. А потомъ говорила мнѣ, что видѣла у Чеберяковой въ квартирѣ въ коврѣ завернутый трупъ Ющинскаго.

Грузенбергъ. Объ этомъ разговорѣ съ Аделью Равичъ вы говорили кому-нибудь?

Дьяконова. Нѣтъ, никому не говорила.

Грузенбергъ. Полковнику Иванову или слѣдователю?

Дьяконова. Не говорила, такъ какъ я ей дала слово, что я никогда никому не скажу.

Грузенбергъ. Значитъ, Адель Равичъ говорила, что, зайдя, она застала, *по ея мнѣнію*, трупъ завернутый въ коверъ и что боится рассказать объ этомъ?

Дьяконова. Да.

Какой удачный допросъ! Какъ своевременно сказано это «загѣмъ», послужившее какъ бы шпорами, благодаря которымъ свидѣтельница повѣдала ту страшную улику, которую она таила даже отъ слѣдователя, хотя слѣдователю чего-чего только она не рассказала. И какъ деликатно обойдена эта маленькая неприятность, что завернутаго въ коверъ вообще нельзя видѣть, ибо оно завернуто. вмѣсто того, чтобы, подобно Зарудному, ставить точки на і, здѣсь къ показанію незамѣтно добавили всего три слова: «по ея мнѣнію» — и вышло совсѣмъ хорошо. «По мнѣнію Равичъ въ коврѣ лежалъ трупъ» — это, конечно, куда правдоподобнѣе, чѣмъ утвержденіе, что Равичъ «видѣла трупъ, завернутый въ коверъ». Показаніе Дьяконовой слегка передѣлали на болѣе правдоподобный манеръ....

Но этимъ исторія съ ковромъ и съ признаніями Равичъ не кончилась. Въ числѣ свидѣтелей, слѣдователемъ не допрошенныхъ, но вызванныхъ прямо въ судъ, былъ нѣкто Вышемирскій, на котораго защита сослалась по вопросу о томъ, бывали ли дѣти Чеберяковы на заводѣ у Бейлиса. Однако, свидѣтель, ни слова не говоря по этому предмету, началъ съ совершенно иной темы:

«Равичъ мнѣ рассказывалъ, — таково показаніе Вышемирскаго, — что его жена зашла въ квартиру Чеберяковой и наткнулась на трупъ — увидѣла, что тамъ въ коврѣ былъ завернутъ мальчикъ».

Тщетно старались добиться отъ свидѣтеля, о чемъ еще, кромѣ столь ошеломляющаго признанія, шла тогда рѣчь и почему Равичъ вздумалъ пускаться въ такія откровенности. Вышемирскій пояснилъ лишь, что было это передъ отъѣздомъ Равичей въ Америку, когда Равичъ, котораго онъ зналъ давно, пришелъ къ нему прощаться. Рѣшительно ни о какихъ подробностяхъ пу-

тешествія не было тогда разговора: ни о томъ, въ какомъ городѣ Равичи сядутъ на пароходъ, ни о томъ, гдѣ именно въ Америкѣ поселятся и чѣмъ собираются тамъ заняться. По удостовѣренію Вышемирскаго, Равичъ сказалъ про трупъ мальчика, завернутый въ коверъ, и только: сказалъ и ушелъ. Единственная подробность, которую удалось выяснить перекрестнымъ допросомъ, что, согласно разсказу Равича, коверъ съ трупомъ лежалъ въ ваннѣ!

Впечатленіе отъ сего свидѣтельскаго показанія было настолько несомнѣннымъ, что защитникъ Бейлиса, Григоровичъ-Барскій, счелъ нужнымъ заявить суду: «защита не знала, что свидѣтель сообщитъ о разсказѣ Равичъ», а другой защитникъ, Маклаковъ, нашелъ не лишнимъ предложить вопросъ:

— Свидѣтель, вы сами-то повѣрили разсказу?

— Мнѣ кажется,—отвѣтилъ Вышемирскій,—для Равича не было никакого интереса сочинять.

— Не подумали вы, что онъ просто болтаетъ?

— Нѣтъ, повѣрилъ.

Выходомъ изъ положенія, столь во-время предложеннымъ, свидѣтель рѣшительно пренебрегъ и отвергъ протянутую ему такъ умѣло руку помощи...

Такимъ образомъ, послѣ его показанія, исторія съ ковромъ обрисовалась въ слѣдующемъ видѣ: когда послѣдняя «бразулевская версія», сирѣчь повѣствованіе о томъ, какъ воры убивали Андриюшу на квартирѣ Чеберяковой, обставлялась для большей убѣдительности «вещественными доказательствами», то коверъ долженъ былъ сыграть роль не менѣе существенную, чѣмъ тряпка съ вышивкой, бумага съ проколами, мѣшокъ съ упругимъ предметомъ и ванна съ мутной водой.

Въ коврѣ лежалъ первое время послѣ убійства трупъ убитаго мальчика...

Когда, однако, это заданіе начали вдвигать въ дѣло, то произошла неудача: на поставленный ребромъ вопросъ о первоисточникѣ такихъ свѣдѣній, Екатерина Дьяконова не нашла у слѣдователя иного, болѣе удовлетворительнаго объясненія, кромѣ ссылки на сонъ: свидѣтельница *приснился* Ющинскій, завернутый въ коверъ. Такъ было на предварительномъ слѣдствіи. Столь слабое мѣсто, очевидно, нуждалось въ подкрѣпленіи. И вотъ, затѣмъ, во время судебного разбирательства, Дьяконова, на вопросы Грузенберга, приводитъ, кромѣ сна, уже новую

ссылку, о которой раньше не говорила: она знает, что Ющинский былъ завернутъ въ чеберяковскій коверъ не только потому, что это ей приснилось, но и потому, что такъ ей рассказывала уѣхавшая въ Америку Адель Равичъ,—а та, молъ, видѣла сама, на яву.

Этого мало: то, что говорила Дьяконовой жена, свидѣтелю Вышемирскому повѣдалъ мужъ. Онъ, Равичъ, передъ отъѣздомъ въ Америку, признался именно въ томъ, въ чемъ призналась въ другое время и въ другомъ мѣстѣ его жена: да, Адель Равичъ видѣла мальчика, завернутаго въ чеберяковскій коверъ. Это мужъ Адели сказалъ Вышемирскому, а Вышемирскій суду, и притомъ совершенно неожиданно, ибо защита, вызвавшая на судъ дотолѣ недопрошеннаго Вышемирскаго, сама-де не знала, что Вышемирскій знаетъ о рассказѣ Равича...

Какія роковыя совпаденія и какіе вѣщіе сны! Пожалуй, даже вѣщій сонъ подсѣвайлы Кушнера о томъ, какъ «воры симулировали убійство ритуальнымъ» — остался далеко позади...

Недоразумѣніе вышло только съ ванной. Видимо, по первоначальному заданію, среди лже-уликъ и вещественныхъ лже-доказательствъ ваннѣ была отведена почти столь же крупная роль, какъ и коврѣ. Хотя нахожденіе въ кухнѣ ванной представляется явленіемъ самымъ обычнымъ, зауряднымъ. Дьяконова на ванну «обратила особенное вниманіе», но объяснить, чѣмъ именно столь невинный предметъ возбудилъ ея подозрѣніе,—свидѣтельница не сумѣла. И вотъ, на судъ приходитъ, по вызову защиты, недопрошенный ранѣе Вышемирскій, изъ сказа котораго мы начинаемъ догадываться, что недаромъ вѣщее вниманіе Дьяконовой особенно остановилось на ваннѣ: оказывается, въ ванну положили коверъ съ трупомъ мальчика! Зачѣмъ понадобилось убійцамъ прибѣгать къ такимъ манипуляціямъ,—мало понятно; но развѣ не достопримѣчательна изумительная прозорливость, обнаруженная свидѣтельницею Дьяконовой? Запечатлѣлась въ ея памяти, по какой-то неизвѣстной причинѣ, ванна—и какъ разъ про ванну повѣдалъ Вышемирскому страшную тайну уѣзжавшій въ Америку Равичъ.

Судебный слѣдователь Машкевичъ простеръ тщательность своего изслѣдованія до того, что розыскалъ пресловутый чеберяковскій коверъ и подвергъ его черезъ эксперта химико-микроскопическому анализу. Оказалось, что слѣдовъ крови коверъ не

содержитъ. Такому же анализу подверглись содранныя со стѣнъ чеберяковскіе обои, но и на нихъ кровь не обнаружена.

Едва ли кто-нибудь усумнится въ измышленности, придуманности показаній Вышемирскаго, Малицкой, Дьяконовыхъ. Но поражаетъ *комбинированность* этихъ измышленій. Они тщательно подогнаны одно къ другому, являясь какъ бы частями одного рисунка, одного узора. Этого мало: какъ умѣло приурочены къ подробностямъ вымысла такія обстоятельства дѣла, которыя можно было усвоить только подробнымъ его изученіемъ. И порочность Чеберяковой, и бумага съ проколами, и тряпка съ вышивкой, и отсутствіе находящихся въ Америкѣ Равичей— все использовано, все сплетено такъ, чтобы придать разсказу полную видимость достовѣрности, опирающейся на объективные факты.

Бороться съ этими хитросплетеніями на судѣ, не имѣя опоры въ актахъ предварительнаго слѣдствія,—было бы очень трудно. Съ другой стороны стоило судебному слѣдователю ограничиться поверхностнымъ, мало вдумчивымъ допросомъ—механическимъ записываніемъ того, о чемъ ему такъ гладко повѣствовали бы свидѣтели,—и воздвигнутое Красовскимъ зданіе осталось бы во всей красѣ. Искусственность, нелѣпости, противорѣчія, приведшія къ полному его крушенію, обнаружили только послѣ ряда глубокихъ, вдумчивыхъ вопросовъ и сопоставленій, предложенныхъ на предварительномъ слѣдствіи, попавшемъ, по обращеніи его къ дослѣдованію, въ руки Н. А. Машкевича. Здѣсь-то и постигла авторовъ послѣдней бразулевской версіи ошибка въ расчетѣ: они, какъ уже указано, имѣли полное основаніе надѣяться, что дослѣдованія совсѣмъ не будетъ и, во всякомъ случаѣ, не могли предполагать, что оное поручатъ такому слѣдователю, какъ Машкевичъ.

VI.

Махалинъ и Караевъ.

Повѣствованіе Бразуля-Брушковскаго о томъ, что Андрюшу убили воры въ квартирѣ Чеберяковой, опиралось одною своею частью на Дьяконовыхъ и Малицкую, на тѣ событія, которыя будто бы происходили у Чеберяковыхъ и названными свидѣ-

тельницами были обнаружены. Но этимъ бразулевскія улики не исчерпывались. Другая ихъ часть гласила о томъ, что видѣнное и слышанное въ квартирѣ Чеберяковой Дьяконовыми и Малицкою вполне согласуется съ тѣмъ *сознаніемъ*, которое учинилъ одинъ изъ убійць, Сингаевскій, разслѣдователямъ-добровольцамъ Махалину и Караеву.

Какъ Чеберякова въ самой рѣшительной формѣ отрицала все то, что взводили на нее Дьяконовы и Малицкая, такъ братъ Чеберяковой, Петръ Сингаевскій, по прозвищу Плисъ, заявилъ и слѣдователю, и на судѣ, что никакого убійства онъ никогда не совершалъ, никому въ немъ не сознавался, а Караевъ съ Махалинымъ взводятъ на него, Сингаевскаго, чистѣйшую небылицу.

Показаніе, данное на предварительномъ слѣдствіи Караевымъ, и, за неявкою свидѣтеля, прочтенное на судѣ, сводится къ слѣдующему:

Въ сентябрѣ 1910 года онъ отбылъ въ г. Кіевѣ тюремное заключеніе за преступленіе, предусмотрѣнное 126 ст. Угол. Улож.—принадлежность къ сообществу, поставившему цѣлью своей дѣятельности ниспроверженіе существующаго строя. По отбытіи наказанія уѣхалъ на родину, на Кавказъ, но въ февралѣ 1911 года возвратился въ Кіевъ, прожилъ тамъ почти годъ, въ январѣ 1912 года опять отправился на Кавказъ, но уже черезъ мѣсяць, въ февралѣ, сталъ получать письма отъ своего знакомаго, Махалина, съ приглашеніемъ вернуться въ Кіевъ, «но безъ указанія цѣли». «Я полагаю»,—объясняетъ Караевъ слѣдователю,—«что Махалинъ меня вызываетъ по партійнымъ дѣламъ. На вашъ вопросъ, по дѣламъ какой партіи меня, какъ я предполагалъ, вызывалъ Махалинъ, я, въ виду разъясненія Вами 722 ст. У. У. С., отказываюсь отвѣчать».

Статья 722 Устава Уголовнаго Судопроизводства гласитъ: «свидѣтель не обязанъ отвѣчать на вопросы, уличающіе его самого въ какомъ бы то ни было преступленіи».

Въ Кіевѣ Караевъ пріѣхалъ, согласно его показанію, въ первыхъ числахъ апрѣля 1912 г. и на второй же день Махалинъ ему объяснилъ, что съ нимъ желаетъ видѣться чловѣкъ, заинтересованный дѣломъ Ющинскаго. «Дня черезъ два»,—продолжаетъ свое показаніе Караевъ:—«ко мнѣ въ гостиницу Михайловскаго монастыря, гдѣ я остановился, вечеромъ явился Махалинъ въ сопровожденіи господина, назвавшася Кара-

севымъ, оказавшагося въ послѣдствіи бывшимъ Начальникомъ Сыскной Полиціи—Красовскимъ. Красовскій мнѣ сказалъ, что, по имѣющимся у него свѣдѣніямъ, я, по содержанію въ тюрьмѣ вмѣстѣ съ общеуголовными преступниками, приобрѣлъ связи съ преступнымъ міромъ, а потому онъ предлагаетъ мнѣ использовать эти связи для розысковъ по дѣлу Ющинскаго, которому, по мнѣнію Красовскаго, придаютъ совершенно неправильный характеръ—ритуальный. Такое предложеніе Красовскаго было для меня совершенно неожиданно, и я ему заявилъ, что я дамъ ему отвѣтъ дня черезъ два, обдумавъ это предложеніе и посоветовавшись съ товарищами. Я посоветовался съ товарищами, которые нашли, что дѣло Ющинскаго приобрѣло большой общественный интересъ вслѣдствіе того, что ему приданъ характеръ ритуального, почему совершенно не будетъ противорѣчить нашимъ принципамъ выясненіе этого дѣла съ возможной полнотой. Кромѣ того, у меня были еще и соображенія личнаго характера, а именно: въ прессѣ появились противъ меня инсинуаціи, будто я состою сотрудникомъ охраннаго отдѣленія и, хотя эти инсинуаціи въ той же прессѣ были въ послѣдствіи опровергнуты, но относительно моей репутаціи остался непріятный осадокъ въ средѣ товарищей, и я находилъ, что работа моя по дѣлу Ющинскаго можетъ быть подходящимъ легальнымъ случаемъ для реабилитаціи моего имени. Поэтому, дня черезъ три я объявилъ явившемуся ко мнѣ съ Махалинымъ Красовскому, что готовъ принять участіе въ розыскѣ убійцы Ющинскаго. Со времени пріѣзда сюда въ апрѣль и до настоящаго времени—18 іюля 1912 г.—я добываю себѣ средства уроками, кромѣ того, мнѣ помогаютъ мои старые товарищи, а затѣмъ у меня есть невѣста, обладающая большими средствами и оказывающая мнѣ матеріальную поддержку».

Красовскій посвятилъ его, Караева, въ нѣкоторыя детали дѣла и сказалъ, что располагаетъ основательными данными о томъ, что къ убійству причастна Вѣра Чеберякова, у которой былъ воровской притонъ; изъ этого Красовскій дѣлалъ выводъ, что убійство Ющинскаго есть дѣло воровъ. Тогда онъ, Караевъ, черезъ знакомаго парикмахера познакомился съ братомъ Чеберяковой, воровъ Сингаевскимъ, и 23 апрѣля устроилъ знакомство Сингаевскаго, по прозвищу Плиса, съ Махалинымъ, а въ бесѣды свои съ Плисомъ посвящалъ Бразуль-Брушковскаго и Красовскаго, который говорилъ что-то, въ связи съ Сингаев-

скимъ, о Рудзинскомъ и Латышевѣ, но что именно — изгладилось изъ памяти. Вслѣдъ затѣмъ, на совѣщаніи Бразуля, Красовскаго, Махалина и Караева было рѣшено дѣйствовать болѣе энергично, а для этого придуманъ такой приемъ: Караевъ долженъ былъ сказать Плису, что получилъ вѣрныя свѣдѣнія о предстоящемъ арестѣ по дѣлу Ющинскаго его, Плиса, и Чеберяковой.

24 апрѣля, зазвавъ Сингаевского въ ресторанъ, онъ, Караевъ, приступилъ къ выполненію предназначеннаго. Плисъ, будто бы, страшно заволновался и сказалъ: «пойдемъ, сегодня же пришьемъ (т. е. убьемъ) двухъ Дьяконовыхъ».

Караевъ спросилъ: «Какихъ Дьяконовыхъ?»

— «Это шмары (дѣвицы неодобрительнаго поведенія), которыя подсѣваютъ (выдаютъ)», — отвѣтилъ Сингаевскій.

«Тогда только впервые я узналъ фамилію Дьяконовыхъ» — поясняетъ слѣдователю Караевъ.

Далѣе, по его словамъ, дѣло пошло еще успѣшнѣе: онъ позвалъ Сингаевского къ себѣ въ гостиницу, чтобы тамъ все обсудить сообща съ Махалинымъ, которому, де, можно вѣрить такъ же, какъ и ему, Караеву. Плисъ согласился и тогда, въ номерѣ, обращаясь къ пришедшему туда Махалину, Караевъ, указывая на Плиса, сказалъ: «Вотъ настоящій убійца Ющинскаго и вмѣстѣ съ нимъ участвовали Вѣра Чеберякъ, Рудзинскій и Латышевъ».

— «Да, это наше дѣло», — отозвался Плисъ.

Тогда онъ, Караевъ, предложилъ подумать о мѣрахъ для спасенія Плиса и всей его компаніи, а Махалинъ замѣтилъ, что для принятія мѣръ нужно знать сущность дѣла, — рассчитывая, де, вызвать такимъ замѣчаніемъ Плиса на откровенность.

Плисъ сталъ рассказывать, что не нужно было байструка близко прятать, а слѣдовало или въ Днѣпръ спустить или повезти въ корзину по желѣзной дорогѣ и сбросить.

На вопросъ Караева, почему же дѣло было сдѣлано такъ глупо, послѣдовалъ, будто бы, отвѣтъ Плиса: «Это все министерская голова Рудзинскаго расписала такъ».

Имѣя въ виду вывѣдать у Сингаевского что-нибудь о мѣстѣ находенія вещей Ющинскаго, необнаруженныхъ при трупѣ, и желая эти вещи какъ-нибудь отъ Плиса получить, онъ, Караевъ, высказалъ ему такую мысль: если есть гдѣ-нибудь подобныя вещи, то ихъ можно подбросить какому-нибудь еврею, знако-

тому Бейлиса, а затѣмъ написать анонимное письмо о мѣстѣ нахождения вещей, но вещи, де, должны быть настоящія, не сфабрикованныя. Эта мысль, будто бы, очень понравилась Сингаевскому; онъ согласился, но, не называя вещей и не указывая, гдѣ онѣ хранятся, заявилъ, что долженъ посоветоваться съ Рудзинскимъ.

Казалось бы, еще одинъ шагъ и дѣло раскрыто: убійца попадаетъ съ вещественными доказательствами—не такими, которыя Мищукъ откопалъ на Юрковской горѣ, а настоящими, не сфабрикованными. Но тутъ-то, на самомъ «интересномъ мѣстѣ» все и оборвалось: свиданіе Плиса съ Рудзинскимъ не состоялось, а тѣмъ временемъ появились, де, преждевременныя газетныя разоблаченія, и—заканчиваетъ Караевъ: «въ глазахъ Плиса я былъ провалень».

И Красовскій, и Бразуль-Брушковскій, и Махалинъ старались всячески подкрѣпить рассказъ Караева, придать ему больше вѣры, значенія. Такъ, на примѣръ, въ показаніи Махалина находимъ пространное описаніе того, какимъ замѣчательно благороднымъ человѣкомъ былъ Караевъ и сколь безграничнымъ до вѣріемъ, авторитетомъ онъ пользовался среди преступнаго міра. Однако, когда партнерамъ Караева пришлось отъ изъясненій ему довѣрія и уваженія перейти къ изложенію событій, повторилась та же исторія, что и съ рассказомъ Дьяконовой: получилось множество противорѣчій столь острыхъ и непримиримыхъ, что не только караевское показаніе оказалось совершенно разрушеннымъ, но и обрисовался весьма отчетливо его настоящій источникъ, его подлинное происхожденіе, не имѣющее ничего общаго съ Плисомъ и плисовскими, будто бы, признаніями. Правда, на судѣ партнеры Караева старались по возможности затушевать, сгладить наиболѣе острые, опасные углы сихъ противорѣчій, но таковыя были настолько закрѣплены протоколами предварительнаго слѣдствія, что отвертѣться отъ нихъ оказалось задачею мало благодарною.

Такъ, Махалинъ воспроизвелъ судебному слѣдователю сознаніе Сингаевского въ такомъ видѣ: придя къ Караеву въ номеръ, онъ засталъ тамъ Караева и Сингаевского видимо взволнованными и спросилъ, что случилось. Тогда Караевъ попросилъ у Сингаевского позволенія рассказать, въ чемъ дѣло, ручаясь за него, Махалина, какъ за человѣка вѣрнаго, надежнаго.

Сингаевскій, хотя и неохотно, согласился.

Караевъ сказалъ, что убійство байструка, которое «шьютъ жиду Бейлису»,—«ихъ дѣло»—и при этомъ указалъ на Сингаевского. Въ послѣднее время начали до нихъ доискиваться и уже состоялось постановленіе арестовать Сингаевского, который, де, такъ нуженъ для крупной кражи, задуманной имъ, Караевымъ, вмѣстѣ съ Махалинымъ. «Послушай, Петя»,—обратился затѣмъ Караевъ къ Петру Сингаевскому, — «разскажи подробнѣе объ этомъ дѣлѣ, чтобы мы знали, какъ можно помочь».

Тогда Сингаевскій объяснилъ, что убивали у его сестры онъ, Рудзинскій, Латышевъ. Только прихватили байструка, какъ къ сестрѣ постучались и вошли двѣ шмары. «Ни насъ, ни байструка онѣ не видѣли, — продолжалъ Сингаевскій, — такъ какъ мы убѣжали въ другую комнату, а байструкъ былъ покрытъ пальто». Шмары спросили у Чеберяковой о томъ, что подъ пальто; та отвѣтила, что хлопцы принесли барахло (краденое). Когда нашли тѣло Ющинскаго, шмары догадались, но сперва молчали, а теперь начали *капать* (т. е. понемногу выдавать). У Махалина явилась тогда мысль какъ-нибудь вывѣдать отъ Сингаевского о вещахъ Ющинскаго и онъ, обращаясь къ Караеву, сказалъ: «Хорошо было бы, если бы отъ байструка остались какія-либо вещи; можно было бы ихъ сунуть какому-нибудь жиду, но непременно цадикю, тогда былъ бы у Бейлиса соучастникъ и жидамъ изъ этого дѣла не вылѣзть, а обвиненіе противъ Петьки отпало бы».

Эта мысль очень понравилась Сингаевскому, но онъ не указалъ, гдѣ вещи, а сказалъ, что нужно посоветоваться съ Рудзинскимъ. О Латышевѣ Плисъ говорилъ, какъ о «слабомъ человѣкѣ въ мокромъ дѣлѣ»¹⁾, изъ чего Махалинъ вывелъ заключеніе, что Латышевъ непосредственнаго участія въ убійствѣ не принималъ.

Подтверждая на судѣ это свое показаніе, Махалинъ добавилъ еще одну подробность: Сингаевскій, говоря о Латышевѣ, будто бы выразился, что тотъ во время убійства «поѣхалъ въ Ригу»,—т. е. его стошнило, вырвало.

Общее сопоставленіе махалинскаго разсказа съ показаніемъ Караева уже даетъ большую разницу. Тема одна, но обработка совершенно иная: ходъ передаваемого разговора, порядокъ во-

¹⁾ На воровскомъ жаргонѣ «мокрое дѣло»—убійство.

просовъ и отвѣтовъ, ихъ связь—совсѣмъ иные. Есть разнорѣчія и въ чисто фактической сторонѣ — Махалинъ, напримѣръ, показываетъ, что, перечисляя убійцъ, Сингаевскій не только называлъ Латышева, но даже говорилъ именно о немъ очень характерныя фразы (слабый человѣкъ въ мокромъ дѣлѣ и т. д.), между тѣмъ, согласно показанію Караева, Сингаевскій про Латышева ни словомъ не заикнулся: «о Латышевѣ совсѣмъ ничего не говорилъ» — такъ удостовѣряетъ Караевъ слѣдователю.

Если эти разнорѣчія еще можно объяснить, хотя и съ грѣхомъ пополамъ, естественнымъ путемъ—запамятованія, ошибокъ, неточностей, то положеніе становится вовсе безвыходнымъ при дальнѣйшихъ сопоставленіяхъ.

Такъ, Бразуль-Брушковскій сообщаетъ по сему поводу слѣдующее:

«Рѣшено было, что въ одно изъ свиданій Караевъ долженъ напоить Плиса, привести ночевать его къ себѣ на квартиру и тамъ уже осторожно завести разговоръ по дѣлу Ющинскаго. Приблизительно 18—19 апрѣля Караеву удалось привести Плиса къ себѣ на квартиру... Тамъ они посылали за пивомъ мальчика. Я пришелъ къ Махалину, жившему въ той же гостиницѣ, и Махалинъ, находившійся съ Плисомъ у Караева, вышелъ къ себѣ и передавалъ мнѣ, что Плисъ не пьянъ, а оба они опьянѣли и боятся, какъ бы не испортить дѣла. Я сейчасъ же ушелъ. На другой день Махалинъ и Караевъ мнѣ рассказывали, что... Плисъ проговорился, заявивъ, что убійство Ющинскаго—ихъ дѣло, что Ющинскаго искололъ Борисъ Рудзинскій... Плисъ тогда кромѣ Рудзинскаго никого изъ участниковъ убійства не называлъ».

Нѣчто совершенно новое и неожиданное! Разсказъ Караева и Махалина сводится въ общемъ къ тому, что Сингаевскій сразу же, съ первыхъ словъ, призналъ убійство Ющинскаго своимъ дѣломъ, между тѣмъ изъ показанія Бразуля явствуетъ иное: предварительно пришлось напаять Плиса, причемъ операція эта затянулась настолько, что начала грозить полной неудачей. Встревоженный Махалинъ, отлучась съ мѣста дѣйствій въ свой номеръ, повѣдалъ прогрессивному журналисту, поджидавшему тамъ результатовъ спаиванья, что дѣло плохо: результаты получаются обратныя—спаиваемый трезвъ, а спаиватели охмелѣли. Значитъ, повѣствованіе о томъ, какъ немедленно послѣ прихода Махалина въ караевскій номеръ нача-

лось тамъ сознание Плиса во всякомъ случаѣ невѣрно. Началось не сознание, а выпивка, притомъ настолько серьезная и продолжительная, что Бразуль, несмотря на всю свою любознательность, конца ея не дождался, ушелъ и лишь на слѣдующій день узналъ, что Плисъ «проговорился» или «полусознался», какъ значитъ въ заявленіи Бразуля отъ 6 мая 1912 г.

Еще неожиданнѣе показаніе Красовскаго. По его словамъ, когда Караевъ сказалъ Плису о готовящемся арестѣ, Плисъ вскочилъ, ударилъ кулакомъ по столу, закричалъ: «это капаютъ тѣ двѣ шмары», хотѣлъ немедленно ихъ «пришить», но тутъ Караевъ самъ заволновался, сталъ предлагать Сингаевскому цѣлый рядъ вопросовъ, чѣмъ спугнулъ Сингаевскаго и тотъ ограничился только фразой: «безъ Борьки (Рудзинскаго) я тебѣ не могу рассказать».

Тѣмъ сознание и кончилось. Сингаевскаго спугнули, и онъ рассказывать не пожелалъ... Это даже не «полусознание», не половина сознания, а дробь, гораздо болѣе мелкая; во всякомъ случаѣ, съ показаніемъ Караева и Махалина общаго очень мало.

Самымъ важнымъ, однако, является непримиримое противорѣчіе ихъ показаній съ несомнѣнными обстоятельствами дѣла. Оказывается, какъ только «байструка прихватили» и накрыли пальто, такъ появились сестры Дьяконовы и спросили Чеберякову о томъ, что подъ пальто. Она отвѣтила: «барахло». Если Сингаевскій дѣйствительно убивалъ и затѣмъ, въ порывѣ душевнаго волненія, сознавался, то ужъ, конечно, онъ описывалъ совершеніе убійства такъ, какъ оно было, и, во всякомъ случаѣ, подробностей о «шмарахъ» *выдумать* не могъ—это было бы безцѣльно, бессмысленно, прямо-таки невѣроятно.

Между тѣмъ изъ показаній Дьяконовыхъ явствуетъ, что если въ день убійства, 12 марта 1911 г., кто-нибудь изъ нихъ былъ у Чеберяковой, то лишь одна Екатерина, видѣвшая перебѣгавшихъ хлопцевъ, завернутый коверъ, ванну и т. п. Ксеніи тогда съ Екатериною не было—объ этомъ обѣ сестры заявляютъ совершенно опредѣленно.

Такимъ образомъ, сознающійся въ припадкѣ откровенности убійца воспроизводитъ обстановку убійства явно придуманную.

Между тѣмъ, обращаясь къ «бразулевской версіи», къ его заявленію отъ 6 мая 1912 года, читаемъ, что онъ можетъ указать «двухъ свидѣтельницъ, которыя зашли въ квартиру Чеберяковой непосредственно послѣ совершенія убійства».

Не приводитъ ли сіе къ умозаключенію, что первоначальный расчетъ Бразуля и Красовскаго былъ построенъ не только на Екатеринѣ, но и на Ксеніи Дьяконовой. Предполагалось, что обѣ сестры покажутъ, какъ онѣ приходили 12 марта къ Чеберяковой и видѣли тамъ рядъ подозрительныхъ лицъ и предметовъ. Но Ксенія на такое показаніе не рѣшилась и осталась Екатерина одна, да и она о «барахлѣ» ничего не показала.

Отсюда и недоразумѣніе съ сознаниемъ Сингаевскаго, который, если вѣрить Караеву и Махалину, сознался по «бразулевской версіи» даже въ той ея части, отъ которой пришлось отказаться самимъ авторамъ.

Защита Бейлиса не преминула сдѣлать попытку выйти изъ столь неприятнаго положенія: послѣ весьма продолжительнаго допроса Махалина и оглашенія тѣхъ частей его показанія, даннаго у слѣдователя, въ которыхъ свидѣтель противорѣчилъ съ тѣмъ, что онъ говорилъ на судѣ, я обратился къ присяжнымъ засѣдателямъ съ заявленіемъ, въ которомъ просилъ ихъ удержать въ памяти изъ показанія Махалина, что Сингаевскій, сознаваясь ему, сказалъ, будто бы, о приходѣ *двухъ* шмаръ.

Здѣсь защитникъ Бейлиса Карабчевскій перебилъ меня словами: «этого не оглашали».

— Да,—возразилъ я:—но лишь потому, что это было буквально воспроизведено свидѣтелемъ на судѣ. Иначе я, конечно, просилъ бы объ оглашеніи.

Меня поддержалъ Предсѣдатель, заявивъ: «Да, это свидѣтель показывалъ; я слѣдилъ за его показаніемъ».

Тогда Карабчевскій, возобновя допросъ Махалина, спросилъ его: «Относительно этихъ двухъ шмаръ, Сингаевскій вамъ говорилъ, что онѣ *одновременно* пришли?»

Махалинъ. Онъ сказалъ, что двѣ шмары постучались и застали врасплохъ.

Карабчевскій. Не говорилъ ли вамъ Красовскій о какой-нибудь Равичъ и Дьяконовой и о томъ, что 12 марта и одна и другая заходили туда?

Махалинъ. Ничего не говорилъ.

Итакъ, вотъ какой выходъ изъ положенія: двѣ шмары—это уже не Екатерина и Ксенія Дьяконовы, а Екатерина и уѣхавшая въ Америку Адель Равичъ, приходившая, молъ, къ Чеберяковой, можетъ быть, нѣсколько позже и лишенная способностей что-либо на судѣ опровергать, ибо она въ Америкѣ.

Свидѣтель, однако, не принялъ протянутой ему руки помощи и имѣлъ на то свои основанія: въ показаніи его, данномъ судебному слѣдователю, категорически сказано, что приходили *дѣтъ сестры*.

Какъ уже упомянуто, разборъ показаній Махалина и Караева даетъ, самъ по себѣ, достаточно указаній и на ихъ измышленность и на источникъ, отъ котораго измышленіе пошло, но и то, и другое становится еще гораздо болѣе очевиднымъ, если обратиться все къ тому же, крайне неприятному для разслѣдователей-добровольцевъ, вопросу: какъ, по чьему приглашенію они вступили въ дѣло, ради чего, собственно, старались и на кого пали весьма немалыя матеріальныя издержки, съ ихъ стараньями сопряженныя.

Въ отношеніи Караева все это особенно интересно, ибо, оказывается, онъ специально для розысковъ пріѣхалъ съ Кавказа по письму Махалина, имѣвшему настолько конспиративно-партийный характеръ, что даже говорить объ этой партіи значило изобличать себя въ преступленіи.

Если Бразуль взялся за разслѣдованіе съ цѣлью послужить правосудію, если Красовскій сдѣлалъ то же, дабы «реабилитировать себя» послѣ увольненія со службы начальствомъ, то и Караевъ съ Махалинымъ руководились, по ихъ словамъ, побужденіями, не менѣе идеальными. Махалинъ, согласно его показанію на судѣ, не вѣря въ возможность ритуала, «интересовался правдой, хотѣлъ найти правду», ибо передъ нимъ «вставали ужасы погромовъ», а Караевъ, кромѣ правды, искалъ еще, подобно Красовскому, и «реабилитаціи»—только область, въ которой надлежало реабилитироваться, была другая: представлялось желательнымъ разсвѣять подозрѣніе, что онъ, Караевъ,—политическій провокаторъ. Путь къ сему должно признать, впрочемъ, довольно страннымъ и своеобразнымъ: войти въ довѣріе вора предложеніемъ совершать кражи съ нимъ вмѣстѣ; напоить его пьянымъ и, ошеломивъ ложнымъ, вымышленнымъ извѣстіемъ объ опасности, выманить у опьянѣвшаго вора сознаніе, а затѣмъ постараться закрѣпить таковое предложеніемъ подбросить невинному человѣку вещественныя доказательства и написать властямъ анонимное письмо, по которому этотъ невинный человѣкъ будетъ съ поличнымъ, съ вещественными доказательствами, захваченъ,—таковы приемы, которые должны были наглядно убѣдить, что ихъ авторъ никоимъ образомъ не могъ

раньше быть провокаторомъ. Логика воистину изумительная! Казалось бы, напрашивается умозаключеніе, какъ разъ обратное: только очень опытный, искушенный провокаторъ можетъ изобрѣсти подобный способъ дѣйствій.

Любопытно и другое обстоятельство: какъ могъ человѣкъ, осужденный за принадлежность къ революціонному сообществу и до послѣдняго момента не порвавшій связей съ прежними «товарищами», — какъ онъ могъ сойтись съ бывшимъ начальникомъ сыскаго отдѣленія и начать рука объ руку съ нимъ работу по добровольному сыску.

И здѣсь матеріаль, предназначенный для того, чтобы «разъяснить», только усугубляетъ недоумѣнія.

Такъ, на примѣръ, Красовскій показываетъ по этому поводу слѣдующее: взявшись за добровольные розыски, онъ сказалъ Бразулю, что не имѣетъ *помощника*, которому могъ бы давать порученія. Бразуль отвѣтилъ, что къ нему «обращался съ предложеніемъ услугъ по розыску, какъ волонтеръ, нѣкто Махалинъ, слушатель сельско-хозяйственныхъ курсовъ». Онъ, Красовскій, рѣшилъ все-таки скрыть отъ Махалина свою настоящую фамилію, дабы не привести его въ смущеніе, и назвалъ Иваномъ Ивановичемъ Карасевымъ. Махалинъ, произведшій на Красовскаго «хорошее впечатлѣніе», предложилъ въ сотрудники Караева.

— «Караева я знаю давно»,—продолжаетъ Красовскій,— «еще по должности начальника сыскаго полиціи. Въ 1907 году у него сыскаго полиціей были обнаружены бомбы и оружіе. Онъ тогда принадлежалъ къ анархистамъ. За бомбы былъ осужденъ на 4 года въ крѣпость и наказаніе отбывалъ въ тюрьмѣ... Первая встрѣча моя съ Караевымъ въ присутствіи Махалина произошла въ номерѣ гостиницы Михайловскаго монастыря, гдѣ жилъ Караевъ. Онъ продолжалъ выдавать себя за анархиста. Меня не узналъ, хотя Махалинъ и онъ догадывались, что я не Карасевъ. Эта конспирація мною моего имени ихъ не смущала, такъ какъ они сами заинтересовались дѣломъ и видѣли въ моихъ словахъ и дѣйствіяхъ такой же интересъ къ дѣлу».

Прогрессивный журналистъ, шествующій по столамъ Короленки, Дорошевича и сводящій бывшаго начальника сыскаго полиціи подъ чужимъ именемъ съ дѣятелями, вродѣ Махалина, представляетъ, конечно, зрѣлище умиленное, но все же, если

возможно допустить, что Красовскаго не зналъ Махалинъ, то это совершенно невѣроятно въ отношеніи Караева. Сыскная полиція, во главѣ которой стоялъ тогда Красовскій, нашла въ 1907 г. у Караева по обыску бомбы, послѣ чего Караевъ долго сидѣлъ въ тюрьмѣ; неужели онъ за это время не узналъ, хотя бы въ лицо, начальника сыскной полиціи? Неужели Красовскій могъ рассчитывать на такую неосвѣдомленность чловека, «продолжавшаго выдавать себя за анархиста»?

Разумѣется, Красовскій нашелъ себѣ «помощниковъ, которымъ могъ бы давать порученія»,—инымъ путемъ, но какимъ—этого нельзя было сказать на судѣ, почему и понадобился рассказъ о Карасевѣ.

Понимая всю слабость, всю натянутость объясненія, что пріѣхавшій съ Кавказа въ Кіевъ по конспиративно-партийному письму анархистъ Караевъ вдругъ, ни съ того ни съ сего, начинаетъ заниматься сыскомъ по дѣлу Ющинскаго—Махалинъ всячески старался окопаться это мѣсто. На судѣ онъ показалъ такъ: «Я пояснилъ Караеву, что есть одно дѣло, которымъ я лично очень заинтересовался, предпринимая розыски; долгъ и совѣсть говорятъ мнѣ, что этимъ дѣломъ нужно заняться. Караевъ отнесся къ моимъ словамъ очень скверно, спросилъ, какое же дѣло, что за розыски? Я отвѣтилъ, что розыски по дѣлу Ющинскаго. Онъ страшно вспылилъ, сказалъ: «Ты мнѣ говоришь, чтобы я розыски велъ!? Какъ ты смѣешь!»—вынулъ браунингъ... Я по возможности успокоилъ его. Говорю: не волнуйся, сядь, убери браунингъ. Познакомилъ его со своимъ взглядомъ на дѣло, на то, какую злобу вносить оно въ темныя массы, когда даже сознательные элементы сомнѣваются. Вскорѣ, чуть ли не на другой день, онъ далъ мнѣ отвѣтъ, что согласенъ».

Описаніе караевского гнѣва, скоро, впрочемъ, смѣнившася на милость, очень красиво, но, къ сожалѣнію, находится въ противорѣчій съ показаніемъ Красовскаго, удостовѣряющаго, что, знакомясь черезъ Махалина съ Караевымъ и предложивъ ему заняться розыскомъ по дѣлу Ющинскаго, онъ встрѣтилъ со стороны Караева не гнѣвъ или негодованіе, а заявленіе, что надо подумать, посоветоваться; отвѣтъ можно дать завтра—послѣзавтра, когда Караевъ и выразилъ свое согласіе.

На очной ставкѣ Красовскаго съ Махалинымъ послѣдній пробовалъ объяснять это противорѣчіе такъ, что свиданій съ

Караевымъ было по вопросу объ участіи Караева въ розыскахъ не одно, а два (чего, однако, раньше Махалинъ не говорилъ). На первомъ свиданіи, гдѣ Красовскаго не было, произошли вспышки гнѣва и вытаскиваніе браунинга, а затѣмъ Махалинъ пришелъ къ Караеву второй разъ уже съ Красовскимъ, и тогда все обошлось спокойно.

Однако, во-первыхъ, выпутавшись этимъ новымъ объясненіемъ изъ противорѣчія съ Красовскимъ, Махалинъ попалъ въ полное противорѣчіе съ рассказомъ самого Караева (см. выше, стр. 99); а во-вторыхъ, тогда представляется непонятнымъ, зачѣмъ же уже рѣшенный вопросъ понадобилось подымать наново и зачѣмъ Караевъ, уже давшій Махалину свое согласіе, говоритъ теперь, что ему надо подумать.

Всѣ сіи странности приводятъ насъ вплотную къ необходимости уяснить себѣ, кто же такіе, въ сущности, эти Караевъ и Махалинъ? Каково ихъ общественное положеніе?

На предложенные мною въ этомъ направленіи вопросы Махалинъ отвѣчалъ съ видимымъ неудовольствіемъ и съ явной неохотой, однако допросомъ удалось все же выяснить, что образовательный его цензъ ограничивается первымъ классомъ Харьковскаго шестикласснаго земледѣльческаго училища. Когда Махалинъ, достигнувъ 16-лѣтняго возраста, перешелъ во второй классъ, то, въ 1907 году, былъ арестованъ «по обвиненію въ экспропріаціи» и просидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, но дѣло о немъ было прекращено.

За это время изучилъ воровской жаргонъ.

Дѣйствительно, показанія его и Караева всѣ испещрены забористыми словечками о ксивѣ, марухѣ, о томъ, какъ шмары капаютъ, байструка прихватываютъ, малины проваливаются и т. д.

Въ земледѣльческую школу послѣ этого онъ уже не возвращался, но въ 1908 году былъ снова арестованъ и просидѣлъ мѣсяца полтора. Далѣе занимался уроками (!?). «Были у меня и бесплатные уроки,—поясняетъ Махалинъ,—часто я бесѣдовалъ съ моими учениками на разныя темы и въ популярной формѣ излагалъ отвѣты на животрепещущіе вопросы, вносилъ, такъ сказать, въ ихъ сознаніе искру правды»... На вопросъ, не раздѣлялъ ли свидѣтель программы партіи социалистовъ-революціонеровъ,—онъ отвѣтить не пожелалъ. Слылъ за студента сельско-хозяйственныхъ курсовъ и носилъ соответствующую

щю тужурку, но, по его собственнымъ словамъ, посѣтилъ только пять лекцій. На мое замѣчаніе, что, значить, онъ является человѣкомъ безъ опредѣленныхъ занятій—очень обидѣлся и заявилъ, что готовится къ оперной карьерѣ: хотя въ консерваторіи или въ какой-либо опредѣленной музыкальной школѣ и не былъ, но беретъ уроки пѣнія.

Допросъ Махалина состоялся 10 и 11 октября 1913 года, а 15 октября 1913 г. въ «Новомъ Времени» за № 13504 появилась замѣтка дословно слѣдующаго содержанія:

«О Махалинѣ. Центромъ вниманія на послѣднихъ засѣданіяхъ Окружнаго Суда по дѣлу Бейлиса былъ нѣкій Махалинъ. Личность эта возбуждала вокругъ себя не мало разнорѣчивыхъ толковъ.

Изъ достовѣрныхъ источниковъ намъ сообщаютъ, что свидѣтель по дѣлу объ убійствѣ Ющинскаго состоялъ секретнымъ агентомъ Кіевскаго охраннаго отдѣленія. Онъ находился въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ завѣдующимъ политическимъ розыскомъ и давалъ свѣдѣнія изъ студенческихъ кружковъ, а также освѣщалъ дѣятельность группы кіевскихъ анархистовъ, куда онъ проникъ со спеціальною цѣлью выдавать членовъ этой организаціи.

Махалинъ, какъ намъ сообщаютъ, былъ «сотрудникомъ» Кіевскаго охраннаго отдѣленія въ теченіе года. Въ минувшемъ юнѣ мѣсяцѣ завѣдующій политическимъ розыскомъ въ Кіевѣ былъ принужденъ разстаться съ Махалинымъ, такъ какъ онъ проявилъ себя некорректнымъ въ денежныхъ расчетахъ.

Изъ тѣхъ же источниковъ сообщаютъ, что Махалинъ былъ въ сношеніяхъ съ присяжнымъ повѣреннымъ Марголинымъ, который пользовался его услугами».

Номеръ «Новаго Времени» отъ 15 октября съ приведенною замѣткою былъ полученъ въ Кіевѣ задолго до окончанія судебного слѣдствія по дѣлу Ющинскаго и до отпуска изъ залы засѣданія свидѣтелей. Слѣдствіе завершилось лишь 22 октября.

Замѣтка произвела «въ кулуарахъ» суда сенсацію и едва ли возможно допустить, чтобы она осталась неизвѣстною Махалину, еще не отпущенному изъ суда. Однако, я не знаю, чтобы онъ привлекъ «Новое Время» за клевету или, по крайней мѣрѣ, печатно выступилъ съ опроверженіемъ означенной замѣтки.

Что касается Караева, то, за неявкою этого свидѣтеля въ судъ, разспросы его о занятіяхъ, объ образѣ жизни сдѣлались

невозможными, но сей пробѣлъ оказался въ значительной мѣрѣ восполненнымъ благодаря весьма интересному письменному документу, именуемому «письмомъ Феофилактова».

Алексѣй Феофилактовъ, анархистъ, лишенный всѣхъ правъ состоянія и бѣжавшій съ поселенія изъ Сибири (отсюда его кличка «Енисейскій»), былъ задержанъ въ Кіевѣ, гдѣ онъ проживалъ подъ фамиліей Томилина, и заключенъ въ тюрьму. Когда Феофилактова выслѣдили и схватили, то на немъ былъ костюмъ, данный ему Караевымъ. Въ тюрьмѣ Феофилактовъ написалъ Караеву письмо, которое было перехвачено, осмотрѣно судебнымъ слѣдователемъ и приобщено къ дѣлу. Въ письмѣ рядъ условностей, сокращеній—однако, выяснить ихъ смыслъ путемъ сопоставленія представляется вполне возможнымъ. Во всякомъ случаѣ, когда я въ своей рѣчи на судѣ далъ отдѣльнымъ сокращеннымъ фразамъ письма опредѣленное толкованіе и настаивалъ, что иное, по общему содержанію письма, невозможно,—то опроверженій не услышалъ. Зато защита съ большой настойчивостью, энергіею возражала раньше, на судебномъ слѣдствіи, противъ моего ходатайства о прочтеніи письма, ссылаясь на препятствія формальнаго, процессуальнаго характера.

Признавъ письмо подлежащимъ прочтенію, судъ, однако, нѣкоторыя его части, въ виду ихъ революціоннаго содержанія, огласилъ, къ сожалѣнію, въ закрытомъ засѣданіи; это лишаетъ меня права теперь ихъ касаться, но и то, что было заслушано при открытыхъ дверяхъ, я полагаю, уже представляется достаточно убѣдительнымъ.

Общая схема письма такова: Феофилактовъ обвиняетъ Караева въ провокаторствѣ, въ томъ, что Караевъ дѣйствовалъ заодно съ нѣкимъ «Марой», выдавшимъ Феофилактова властямъ, а Мара—какъ удостовѣрено показаніемъ жандармскаго подполковника Иванова (о немъ ниже)—это присяжный повѣренный Маркъ Виленскій, еврей, другъ и пріятель присяжнаго повѣреннаго Марголина.

Согласно письму, Мара предложилъ Караеву заняться розысками по дѣлу Бейлиса. Неожиданнымъ препятствіемъ къ принятію такого предложенія послужилъ Феофилактовъ, который склонялъ Караева, какъ товарища-анархиста, на совсемъ иное: на участіе въ нѣкоемъ чисто революціонномъ дѣйствѣ. Разъ Караевъ, по выраженію Красовскаго, «продол-

жалъ выдавать себя за анархиста», то положеніе его получилось не изъ удобныхъ: принять «идейное» предложеніе Феофилактова, грозившее каторгой, у Караева не было ни малѣйшей охоты, а отвергнуть таковое и одновременно взяться за дѣло Бейлиса — значило окончательно «потерять лицо» среди «товарищей анархистовъ». Попытки склонить и Феофилактова на розыски по дѣлу Бейлиса окончились полной неудачей. Оставалось единственное: отдѣлаться отъ Феофилактова такъ, чтобы онъ объ этомъ не догадался. Однако Феофилактовъ оказался достаточно проницательнымъ. «Алеша устраненъ, но не одураченъ»,—пишетъ онъ въ письмѣ: по цѣлому ряду признаковъ, между прочимъ, по сочетанію арестовъ, по «той компаніи, которая сѣла», для него становится яснымъ, что онъ арестованъ не по «жандармской слѣжкѣ», а потому, что выданъ.

«Когда у меня стали требовать доказательствъ противъ васъ»,—пишетъ Караеву Феофилактовъ,—«я отказался дать ихъ. Между тѣмъ согласитесь, что ихъ было бы достаточно, чтобы укрѣпить о васъ мнѣніе, какъ о провокаторѣ.

Попытавшись убѣдить меня и получивъ рѣшительный и рѣзкій отказъ,—что долженъ былъ дѣлать Мара, чтобы предотвратить этотъ ударъ?

Попытаться убѣдить Караева.

Онъ видится съ Караевымъ.

Чѣмъ его убѣждать? ритуаль, нація, Бейлисъ, крахъ того дѣла, надъ которымъ онъ работалъ (т. е. возможность провала того революціоннаго дѣла, надъ которымъ «работали» Феофилактовъ и Караевъ). Опасность предпріятія (т. е. этого революціоннаго дѣла, предпріятія, о возможномъ крахѣ котораго только что сказано) и, наконецъ, Караеву намекали, что подарятъ 5 тысячъ рублей: значитъ и матеріальная выгода.

Согласитесь, что аргументовъ много: тутъ и идея вроде ритуала, и выгода—5 тысячъ рублей, и опасность тюрьмы (т. е. опасность, если продолжать «дѣло», надъ которымъ работаетъ «Алеша»).—И дѣйствительно нужно быть очень стойкимъ человекомъ, чтобы не отказаться (отъ этого революціоннаго дѣла).

— Я, пожалуйста, и не прочь отказаться (отъ него)—отвѣчаетъ Караевъ,—но Алеша,—онъ не отступитъ. Въдѣ онъ дѣлу Бейлиса посторонній, никакой благодарности не полу-

читъ, о націи онъ вамъ уже отвѣтилъ. Что съ нимъ подѣлаешь? Тогда Мара предлагаетъ Караеву сказать Алешу, что онъ (т. е. Караевъ) не хочетъ (больше участвовать въ этомъ революціонномъ предпріятіи).

Но Караевъ не согласенъ; тогда о немъ будутъ плохого мнѣнія. Скажутъ, что онъ трусъ, болтунъ, шантажистъ: пока требуютъ и угрожаютъ — гобится, а когда приходится дѣйствовать — не хочетъ. Нѣтъ. Караевъ не согласенъ.

Что остается Марѣ предложить? нужно Алешу убрать съ дороги. Ивановъ свой человекъ, да хотя бы и не свой, сдѣлаетъ съ удовольствіемъ.

— Нѣтъ, и на это я не согласенъ, — отвѣчаетъ Караевъ.

— Почему?

— Это значитъ, вы хотите, чтобы я выдалъ анархиста?

Начинается снова убѣжденіе идейное и т. д.: разве если бы Ал. (т. е. Алеша) былъ анархистомъ, онъ не посчитался бы съ дѣломъ Б. (т. е. Бейлиса)? Съ ритуаломъ? Націей и т. д. И, наконецъ, отъ васъ никто не требуетъ его выдавать, а только молчать.

Караевъ снова возражаетъ: «Но если Ал. (Алешу) арестуютъ — онъ меня будетъ подозрѣвать въ выдачу?!»

— Ну, что же, придется (чтобы отвлечь, разсѣять его подозрѣнія) немного посидѣть и вамъ «за знакомство, во имя націи и... пяти тысячъ».

Караевъ начинаетъ молчать.

Финалъ письма такой:

Только ваше дѣло Бейлиса является поразительнымъ нелѣпнымъ случаемъ: буржуй, жандармъ, сыщикъ и анархистъ — дружно работаютъ въ одномъ дѣлѣ. Задумывались ли вы надъ этимъ? Если нѣтъ — посмотрите, что изъ этого выходитъ».

Итакъ, два документа о двухъ разныхъ лицахъ и изъ двухъ совершенно различныхъ, чуть ли не противоположныхъ источниковъ: замѣтка «Новаго Времени» о Махалинѣ, со свѣдѣніями, происхожденія, повидимому, офиціознаго, и письмо анархиста о Караевѣ, перехваченное по обыску.

Оба документа, столь различные по своему характеру, гласятъ одно: лица, о которыхъ они повѣствуютъ, изобличаются въ провокаторской дѣятельности.

Если къ этому присоединить прошлое Караева и Махалина вообще, превосходное знаніе ими воровскаго языка, приемы, пу-

ценные въ ходъ по отношенію Сингаевского, сотрудничество съ Красовскимъ, которому нужны были «помощники», невозможность объяснить, почему и какъ они, чуть ли не анархисты, вдругъ взялись за сыскъ по дѣлу Бейлиса, — то все это даетъ показанія Караева и Махалина вполне опредѣленные очертанія и въ связи съ непримиримыми противорѣчіями, подробно разобранными, сводить эти показанія на нѣтъ, убѣждаетъ въ полной измышленности разсказа о тѣхъ признаніяхъ, которыя будто бы сдѣлалъ имъ Сингаевскій.

Караеву съ Махалинымъ также, какъ и Бразулю, и Красовскому, очень не по вутру вопросъ о томъ, на кого падали далеко не маленькіе расходы, вызываемые добровольнымъ розыскомъ. Уже въ письмѣ Феофилактова мы находимъ на этотъ счетъ указанія, весьма любопытныя, но еще болѣе опредѣленные данныя сообщилъ по сему поводу жандармскій подполковникъ Ивановъ, вызванный на судъ въ качествѣ свидѣтеля по ходатайству защиты.

«Въ дѣлахъ Кіевскаго губернскаго жандармскаго управленія», — показалъ онъ: — «имѣются безусловно достовѣрныя свѣдѣнія, что всѣ лица, принимавшія участіе въ частномъ разслѣдованіи, получали вознагражденіе. Суммами до 50 рублей завѣдывалъ Бразуль, а болѣе 50 рублей присяжный повѣренный Виленскій. Когда Бразуль ѣздилъ въ Крымъ, послѣ подачи имъ заявленія, то получилъ три тысячи. Относительно Махалина и Караева имѣю свѣдѣнія, что имъ ежемѣсячно выдавали около 50 рублей. Вообще расходы производились крупныя. Опредѣленной суммы, сколько получилъ Красовскій, не знаю, но знаю, что получилъ».

Какъ упорно твердили разслѣдователи-добровольцы, что только идейныя побужденія, только любовь къ правдѣ подвигли ихъ на розыски. Бразуль даже ссылался на пукъ ломбардныхъ квитанцій, явившихся результатомъ непосильныхъ расходовъ отъ поѣздки въ Харьковъ и отъ посѣщенія ресторановъ въ компаніи съ Вѣрой Владиміровной. Ужины съ дѣвицами Дьяконовыми обошлись Красовскому, вѣроятно, не дешевле. Выпивки Караева и Махалина съ Сингаевскимъ давали, надо полагать, нѣкоторую экономію въ качествѣ продукта, но удручали зато его количествомъ настолько, что даже вызвали негодующее замѣчаніе одного изъ разслѣдователей: «Плись пьетъ какъ лошадь». А затѣмъ поѣздка изъ Кавказа въ Кіевъ

съ послѣдующимъ проживаніемъ въ ономъ городѣ тоже стояла денегъ. Какъ деликатно обходили почтенные разслѣдователи сей щекотливый вопросъ въ отношеніи изумительно-благороднаго Караева: «давалъ въ Кіевѣ уроки, помогали старые товарищи, получалъ кое-что отъ богатой невѣсты!» И вдругъ вся эта возвышенная идиллія разрушается самымъ грубымъ и безпощаднымъ образомъ: одинъ изъ «старыхъ товарищей» начинаетъ изобличать въ провокаціи, а свидѣтель, котораго сама же защита вызвала въ судъ, устанавливаетъ не только фактъ денежныхъ воспособленій, но даже ихъ размѣръ—отъ пятидесяти до шестидесяти ежемѣсячно.

Самъ Грузенбергъ не вытерпѣлъ. Вы, можетъ быть, думаете, что онъ, въ порывѣ душевнаго волненія, потребовалъ очной ставки подполковника Иванова съ Махалинымъ, Красовскимъ, Бразулемъ, дабы тѣ могли тутъ же, на судѣ, въ глаза Иванову опровергнуть возведенную на нихъ напраслину? Нѣтъ, отъ этого Грузенбергъ благоразумно воздержался. Случилось иное: когда, по окончаніи допроса Иванова, я обратилъ вниманіе присяжныхъ засѣдателей, что свидѣтель этотъ вызванъ не прокуроромъ, не гражданскими истцами, а защитниками Бейлиса, Грузенбергъ заявилъ:

«Нѣтъ свидѣтелей отъ обвиненія или отъ защиты, есть свидѣтели честные и безчестные».

Послѣ просьбы моей занести эту выходку въ протоколъ и перерыва, объявленнаго судомъ, Предсѣдатель обратился къ Грузенбергу такъ: «Г. Грузенбергъ, я долженъ предупредить васъ, что если съ вашей стороны будутъ продолжаться такіе недопустимые выпады, я, къ сожалѣнію, буду поставленъ въ необходимость примѣнять крайнія мѣры».

— «Мое заявленіе ни къ кому лично не относилось»,—возразилъ поощренный снисходительностью Предсѣдателя Грузенбергъ.

Несомнѣнно, показаніе Иванова было полнымъ сюрризомъ для защиты. Видимо, она ожидала совершенно иного. Присяжнымъ свидѣтельскимъ показаніемъ, ничѣмъ не опровергнутымъ, было удостовѣрено существованіе спеціальнаго денежнаго фонда, кружнаго по размѣрамъ и расходуемаго съ полною планомѣрностью для цѣлей, достаточно опредѣленныхъ. Надѣятельность разслѣдователей - добровольцевъ, уже обрисовавшуюся, впро-

чемъ, съ большою рельефностью, былъ наложенъ послѣдній штрихъ.

«Вѣра Владиміровна, металлъ все сдѣлаетъ»,—такъ, по удостовѣренію Чеберяковой, говорилъ ей Бразуль.

«Буржуй, сыщикъ и анархистъ, дружно работающіе въ одномъ дѣлѣ! Задумывались ли вы надъ этимъ?»

Такъ, въ изумленіи, смѣшанномъ съ негодованіемъ, писалъ «Алеша», «устраненный, но не одураченный».

Женатый на еврейкѣ прогрессивный журналистъ, завѣдывающій «денежными выдачами до пятидесяти рублей», и два присяжныхъ повѣренныхъ—іудеевъ, изъ которыхъ одинъ завѣдывалъ денежными выдачами «свыше пятидесяти рублей», а другой принималъ видное участіе въ харьковской эпопеѣ.

Сопоставьте все это и вы получите нѣчто, превосходящее самую смѣлую фантазію....

VII.

Воры.

Сестры Дьяконовы съ одной стороны, Махалинъ и Караевъ съ другой—были главными козырями бразулевской игры. Зловѣщія, подозрительныя событія въ квартирѣ Чеберяковой, удостовѣряемыя Дьяконовыми, и согласующееся съ этими событіями сознание Сингаевского, воспроизводимое Караевымъ и Махалинымъ—таковы основныя устои добровольнаго разслѣдованія. Для всей постройки, однако, этихъ устоевъ было еще недостаточно. Понадобились сооруженія дополнительныя и вспомогательныя.

Въ области сознаний былъ выдвинутъ свидѣтель Швачко, удостовѣрившій сознание Бориса Рудзинскаго. Швачко—тотъ самый парикмахеръ, который свелъ Караева съ Сингаевскимъ. Отбывалъ наказаніе въ тюрьмѣ. За что?—не пожелалъ отвѣтить. Въ іюлѣ 1911 года былъ снова арестованъ и просидѣлъ четыре дня въ полицейской арестантской Старо-Кіевскаго участка. Причинъ ареста до сихъ поръ не знаетъ—предполагаетъ какое-то недоразумѣніе. Тогда же въ арестантской содержался Борисъ Рудзинскій и другой воръ—Крымовскій. Ночью, лежа рядомъ съ прочими арестованными на нарахъ—всѣхъ

было человекъ 25—Швачко, проснувшись, услыхалъ, что Крымскій спросилъ Рудзинскаго: «а какъ же байструкъ»? и тотъ отвѣтилъ: «пришили его», послѣ чего Швачко снова заснулъ. Почти годъ спустя, когда появились въ «Кіевской Мысли» разоблаченія Бразуля съ портретами предполагаемыхъ убійцъ—Сингаевского, Рудзинскаго и Латышева—онъ, Швачко, въ іюнѣ 1912 года, вспомнилъ разговоръ, происходившій въ арестантской, узналъ въ Рудзинскомъ, на газетномъ портретѣ, того самаго арестанта, изъ устъ котораго тогда, ночью, услышалъ, что пришили байструка, и отправился въ редакцію «Кіевской Мысли» сообщить объ этомъ Бразулю. Не заставъ Бразуля, оставилъ ему записку съ указаніемъ своего адреса и съ увѣдомленіемъ, что располагаетъ данными объ убійствѣ Ющинскаго. Черезъ нѣсколько дней къ Швачкѣ явился съ разспросами Караевъ,—его Швачко раньше не зналъ, а потомъ пришли Красовскій съ Выграновымъ, который попросилъ вымыть голову, завить—и начался разговоръ.

Показаніе о томъ, что свидѣтель ночью услыхалъ какъ разъ сознаніе убійцы, послѣ чего опять заснулъ,—само по себѣ мало правдоподобно, но кромѣ того Швачко не избѣгъ общей участи всѣхъ свидѣтелей «бразулевской версіи» и въ другой области—взаимныхъ противорѣчій. Швачкѣ особенно не дались опредѣленія времени. Такъ, напримѣръ, когда произошло его знакомство съ Караевымъ? Швачко говоритъ: послѣ того, какъ я, прочтя въ газетахъ разоблаченія Бразуля, отправился въ редакцію «Кіевской Мысли» и оставилъ тамъ Бразулю записку—слѣдовательно, не раньше середины *мая* 1912 г. Но тотъ же Швачко заявляетъ, что это онъ свелъ Караева съ Сингаевскимъ. Между тѣмъ, обхаживаніе Сингаевского почтеннѣйшими разслѣдователями-добровольцами и спаиванье его въ номерѣ у Караева происходило уже въ *апрѣль* 1912 г. Значитъ, Швачко познакомился съ Караевымъ не въ то время и не по тому поводу, какъ это онъ рассказалъ суду, а совсѣмъ иначе и такъ, что суду объ этомъ лучше было не рассказывать.

Далѣе, обращаясь къ показанію Красовскаго, мы, правда, находимъ, что сначала тамъ, въ отношеніи Швачки, все какъ будто благополучно. Красовскій сообщаетъ, какъ отвѣчалъ на его разспросы Швачко: онъ, де, увидѣлъ въ журналахъ снимки заподозрѣнныхъ Сингаевского, Рудзинскаго, Латышева и узналъ въ Рудзинскомъ того арестанта, который ночью, въ арестант-

ской, произнесъ слова, на которыя Швачко обратилъ вниманіе, Въ то время Рудзинскаго Швачко не зналъ, но на снимкѣ указалъ Красовскому. Роковыя слова, сказанныя, будто бы, Рудзинскимъ, въ передачѣ Красовскаго оказались нѣсколько иными, чѣмъ въ передачѣ Швачки. Согласно Красовскому, Рудзинскій сказалъ о байструкѣ: «пусть не будетъ предателемъ», тогда какъ самъ Швачко про «предательство» ничего не упоминалъ—дальнѣйшее изложеніе покажетъ, зачѣмъ понадобилось Красовскому вносить такое видоизмѣненіе, но пока обращать серьезное вниманіе только на это разнорѣчіе было бы придираніемъ: надлежитъ признать, что до сихъ поръ рассказъ Швачки въ общемъ согласуется съ рассказомъ Красовскаго.

Однако, дальше Красовскій заявляетъ слѣдующее: «Одной изъ побудительныхъ причинъ убійства Ющинскаго являлось то, что у нихъ было подготовлено грандіозное преступленіе. Было задумано ограбленіе Софійскаго собора и, такъ какъ проникнуть въ Софійскій соборъ посредствомъ взлома не было физической возможности, то нужно было, чтобы кто-нибудь пролѣзъ черезъ рѣшетку, но отверстія рѣшетки были настолько узки, что взрослый человѣкъ туда не могъ пролѣзть. Въ этотъ планъ ограбленія Софійскаго собора былъ посвященъ Ющинскій, котораго думали использовать, чтобы онъ, какъ мальчикъ, пролѣзъ въ соборъ и изнутри отворилъ. *Это передавалъ мнѣ Швачко.* Свѣдѣніямъ Швачки я безусловно повѣрилъ: по даннымъ, имѣвшимся у меня, Ющинскій былъ мальчикъ очень скрытный и вовсе не такъ добродушенъ, какъ его здѣсь обрисовываютъ. По моему глубокому убѣжденію, мальчикъ этотъ былъ далеко не чистоплотенъ».

Такія измышленія на замученнаго ребенка, такое очерненіе его памяти подозрѣніемъ, что онъ собирался обокрасть Софійскій соборъ чуть ли не въ то самое время, когда говѣлъ въ Киево-Печерской Лаврѣ, — не могло остаться безъ дальнѣйшаго выясненія и, когда начался допросъ Швачки, то прокуроръ спросилъ его, что онъ знаетъ о предполагавшемся ограбленіи Софійскаго собора. Швачко отвѣтилъ, что во время его пребыванія въ арестантской, объ этомъ говорилъ Крымовскій, но уже не ночью, а днемъ, при всѣхъ арестантахъ, во всеуслышаніе,— рассказывалъ, что была такая попытка, въ которой участвовалъ, будто бы, и самъ Крымовскій, но она не удалась: пришли вчетверомъ.... двое пробрались за ограду... одного арестовали....

пришлось удирать... Однако, объ участіи въ этой попыткѣ Ющинскаго Крымовскій, по удостовѣренію Швачки, *ничего не упоминалъ*, а потому и онъ, Швачко, не говорилъ, будто тамъ принималъ участіе Ющинскій.

Сейчасъ же былъ приглашенъ на очную ставку съ Швачкою Красовскій, сидѣвшій тутъ же, среди допрошенныхъ свидѣтелей. Онъ немедленно извернулся, заявивъ, что разсказъ Швачки объ участіи Ющинскаго въ ограбленіи Софійскаго собора слышалъ не отъ самого Швачки непосредственно, а черезъ Бразуля.

Былъ приглашенъ сидѣвшій въ залѣ, чуть ли не рядомъ съ Красовскимъ, Бразуль. Однако, на время бразулевскихъ объясненій, Швачку, по моей просьбѣ, удалили изъ залы.

Положеніе Бразуля оказалось не изъ легкихъ. Съ одной стороны нельзя было выдавать головой Красовскаго; съ другой—Швачко въ своемъ показаніи подчеркивалъ, что онъ вовсе не встрѣчался съ Бразулемъ: не засталъ его въ редакціи, оставилъ записку, а по запискѣ пришелъ не Бразуль, а сначала Караевъ, потомъ Красовскій съ Выграновымъ.

Въ семь достаточно безвыходномъ положеніи Бразуль далъ такое объясненіе: 6 іюня онъ получилъ написанную Швачкою записку, а на другой, на третій день, т. е., примѣрно, 7 іюня къ нему на квартиру пришелъ самъ Швачко. Собиравшійся ѣхать въ Крымъ и занятый укладкою Бразуль вышелъ къ Швачкѣ на лѣстницу, и здѣсь Швачко сказалъ, что имѣетъ свѣдѣнія по дѣлу Ющинскаго:—слышалъ разговоръ, что Андрей Ющинскій долженъ былъ участвовать въ ограбленіи Софійскаго собора.

«Я тогда вообще дѣломъ уже не занимался,—продолжалъ Бразуль.—Я сообщилъ объ этомъ Красовскому, передалъ ему записку, сказалъ: будьте добры, пойдите провѣрить».

На дальнѣйшіе вопросы сторонъ, Бразуль пояснилъ, что лѣстничный разговоръ съ Швачкою происходилъ, въ сущности, мелькомъ. Точно этого разговора онъ, Бразуль, не помнитъ. Швачко бросилъ фразу про Софійскій соборъ, объ участіи же въ этомъ дѣлѣ Ющинскаго Бразуль сообщилъ Красовскому *въ формѣ предположительной*.

Однако, тутъ уже вмѣшался Предсѣдатель. «Подойдите сюда,—обратился онъ къ Красовскому,—вамъ Бразуль въ какой формѣ передавалъ—положительной или предположительной?»

Красовскій. Не помню.

Предсѣдатель. А вы намъ какъ показывали?

Красовскій. Не помню.

Должно признать, что Красовскій былъ приведенъ въ положеніе, при которомъ, кромѣ ссылки на внезапное запамятованіе, ничего другого не оставалось. Куда дѣвались категоричность, непререкаемость его первоначальныхъ утвержденій!?

Затѣмъ ввели въ залу засѣданія Швачку, временное удаленіе котораго оказалось предосторожностью, далеко не излишней, ибо свидѣтель, признавая, что онъ ходилъ на квартиру къ Бразулю и видѣлся съ нимъ на лѣстницѣ, заявилъ, однако, что это было послѣ писанія записки не черезъ день—другой, а *спустя полтора—два мѣсяца*, когда, слѣдовательно, онъ уже былъ спрошенъ Красовскимъ во всѣхъ подробностяхъ. Лѣстничный разговоръ, по словамъ Швачки, ограничился только тѣмъ, что онъ освѣдомился, будутъ ли его вызывать въ качествѣ свидѣтеля. Значитъ, и знакомство съ Бразулемъ, какъ и знакомство съ Караевымъ, произошло при столь специфической обстановкѣ, что на судѣ пришлось по этому поводу прибѣгнуть къ измышленію.

Исторія съ показаніемъ Швачки очень ярко обрисовываетъ то, что мною все время отмѣчалось въ предшествующемъ изложеніи: какъ только въ повѣствованіяхъ Красовскаго или въ «версіи Бразуля» стараются добратъся до первоисточника, такъ начинается невѣроятная путаница и сплошныя противорѣчія.

Въ данномъ случаѣ истинную ихъ причину—характера, такъ сказать, органическаго—удалось довести до полного «обнаженія».

Ходъ версіи таковъ: Красовскій сообщаетъ съ полной увѣренностью, что, какъ ему извѣстно, Андрюша собирался обокрасть Софійскій соборъ.

Подъ давленіемъ настойчиваго допроса, начинается выясненіе первоисточника сихъ достовѣрныхъ свѣдѣній.

Оказывается, что Красовскому сказалъ Бразуль, Бразулю—отбывшій за что-то тюремное заключеніе Швачко, а Швачкѣ—невызванный на судъ воръ Крымовскій. При этомъ Красовскій говоритъ о предполагавшемся участіи Ющинскаго въ ограбленіи собора категорически, съ полною увѣренностью. Бразуль показываетъ, что сказалъ Красовскому въ формѣ предположенія, а самъ слышалъ отъ Швачки мелькомъ, на лѣстницѣ, и Швачко заявляетъ, что Крымовскій, хотя и рассказывалъ

что-то насчетъ ограбленія собора, но объ Ющинскомъ не упоминаль.

Итакъ, когда, наконецъ, добрались до первоисточника, то отъ обстоятельства, весьма нужнаго для построений Красовскаго, остался ровнымъ счетомъ круглый нуль. Построения же эти настойчиво требовали, чтобы былъ указанъ мотивъ, побудительная причина, въ силу которой воры вдругъ вздумали убивать Андриюшу. Если убійство совершено въ квартирѣ Чеберяковой Рудзинскимъ, Сингаевскимъ, Латышевымъ, то вѣдь существовали же какія-нибудь основанія у этихъ лицъ нанести ни въ чемъ неповинному мальчику 47 уколовъ!?

Подыскать эти основанія, указать мотивъ, побудительную причину убійства было для разслѣдователей-добровольцевъ дѣломъ не легкимъ. Выходъ они видѣли въ двухъ направленьяхъ: во-первыхъ, Андриюшу, де, убили воры за то, что онъ ихъ выдалъ, а если не выдалъ, то собирался ъдаться, а если и не собирался, то у воровъ создалось такое впечатлѣніе, увѣренность.

Во-вторыхъ, способъ убійства—сорока семью уколами—выбранъ для того, чтобы «поддѣлать убійство подъ жидовъ, подъ ритуаль». Этимъ, де, и отъ себя подозрѣнія отводились, и создавалась возможность устроить еврейскій погромъ, а на погромѣ поживиться.

Построеніе, само по себѣ, достаточно дикое и мало вѣроятное, но въ томъ положеніи, въ которомъ находились изобрѣтатели всевозможныхъ «бразулевскихъ версій», ничего лучшаго, болѣе правдоподобнаго для нихъ, повидимому, не представлялось. И вотъ къ такому построению Красовскій начинаетъ подгонять фактическій матеріалъ. Если, молъ, воры считали, что Ющинскій ихъ выдалъ, то здѣсь нѣтъ ничего удивительнаго, ибо это мальчикъ порочный, нравственно нечистооплотный и вращавшійся въ воровской компаніи настолько, что даже при его участіи хотѣли ограбить Софійскій соборъ. И сейчасъ же легкій штрихъ о «предательствѣ» умѣло вставляется въ разсказъ Швачки.

Но почему, все-таки, у воровъ явилась мысль, что Ющинскій—хотя бы и порочный, хотя бы и вращающійся въ воровскомъ кругу—ихъ выдаетъ или собирается выдать?

И на сей предметъ у Красовскаго заготовлено свѣдѣніе, вродѣ свѣдѣнія объ ограбленіи собора,

Красовскій удостовѣряетъ: Женя Чеберякъ и Андрюша Ющинскій, вмѣстѣ съ какимъ-то третьимъ неизвѣстнымъ, не обнаруженнымъ мальчикомъ, отправились гулять на Загоровщину, гдѣ, вырѣзавъ себѣ по пруту, поссорились, изъ-за того, чей пруть лучше, и, во время ссоры, Андрюша сказалъ Женѣ: «Вотъ я напишу въ сыскное отдѣленіе бумагу, что у твоей мамы скрываются постоянно воры и приносятъ туда краденныя вещи». Женя сейчасъ же пошелъ домой и доложилъ объ этомъ матери.

Таковыя обстоятельства, по словамъ Красовскаго, «были установлены». Вотъ, значить, и основанія, по которымъ воры сочли Ющинскаго предателемъ, а за предательство убили.

Кто и какъ «установилъ» столь невѣроятныя обстоятельства? Этого Красовскій, разумѣется, пояснить не сталъ. «Было установлено»—и точка. Однако прокуроръ и гражданскіе истцы опять проявили настойчивое желаніе добраться до первоисточника «легенды о прутикахъ» и выяснилось слѣдующее: въ серединѣ апрѣля 1914 г. обитательница Лукьяновки, свидѣтельница Репецкая, шла мимо одной изъ мѣстныхъ пивныхъ лавокъ, откуда, уже передъ ея закрытіемъ, появилась группа выпивавшихъ въ лавкѣ, причемъ какая-то пьяная баба сообщала во всеуслышаніе вышеприведенный рассказъ о прутикахъ. Репецкая передала слышанное Пылаеву, Пылаевъ—сторожу лукьяновской водопроводной будки Мащенко, Мащенко—нѣкоей Пимоненковой, а Пимоненкова торжественно была допрошена судомъ, послѣ чего «первоисточникъ» окончательно удостовѣренъ—болтовня неизвѣстной пьяной бабы при выходѣ изъ пивной.

Не больше успѣха имѣли попытки Красовскаго дать «установленныя» свѣдѣнія, которыя, хотя бы косвенно, приводили къ выводу, что, молъ, убійство Ющинскаго было нарочно совершено «подъ жидовъ», «подъ ритуаль», дабы вызвать еврейскій погромъ и на погромѣ ворами поживиться.

Въ этомъ направленіи Красовскій пробовалъ обрабатывать два факта: разброску на похоронахъ Ющинскаго, 22 марта 1911 г., воззваній, направленныхъ противъ жидовъ, и полученіе Ющинскою, за подписью «Христіанинъ», анонимнаго письма, авторъ котораго остался не обнаруженнымъ.

Въ письмѣ—повѣствуетъ Красовскій—давали указанія, что убійство совершено евреями съ ритуальною цѣлью, и говорили

определенно о количествѣ уколовъ на тѣлѣ Ющинскаго. Однако лицамъ, присутствовавшимъ при обнаруженіи трупа, публикѣ, совершенно не были извѣстны число и характеръ раненій, нанесенныхъ Ющинскому. Только послѣ вскрытія стало извѣстно огромное количество уколовъ, а вскрытіе произведено 22 марта около 4 часовъ дня. Между тѣмъ на конвертѣ письма штемпель отъ 24 марта почтоваго вагона, курсирующаго между Херсономъ и Кіевомъ и приходящимъ въ Кіевъ въ шесть часовъ утра. Значитъ, молъ, письмо было написано не позже 23 числа. Слѣдовательно, лицо, его писавшее, было *заранѣе* освѣдомлено о характерѣ раненій на трупѣ Ющинскаго.

Какіе тонкіе и остроумные выводы! Неизвѣстный авторъ писалъ о множествѣ уколовъ въ то время, когда про это множество могли знать только участники убійства. Отсюда выводъ, что самъ авторъ причастенъ къ убійству. Но если лицо, замѣшанное въ убійствѣ, пишетъ въ анонимномъ письмѣ родственникамъ убитаго, что, молъ, убивали жида для ритуальныхъ цѣлей, то, очевидно, де, что на самомъ дѣлѣ убійцы поддѣлывались подъ жидовъ, подъ ритуаль.

Все это, пожалуй, было бы до извѣстной степени убѣдительно, если бы опять-таки фактъ, положенный въ основаніе сего построенія, не оказался измышленнымъ.

Разсужденія Красовскаго зиждутся на томъ, что до вскрытія, т. е. до 4 часовъ дня 22 марта, никто не зналъ о числѣ и характерѣ раненій, о множествѣ ихъ.

Тогда А. С. Шмаковъ предложилъ свидѣтелю такой вопросъ: не извѣстно ли вамъ, что въ номерѣ «Кіевской Мысли» отъ 22 марта (т. е. слѣдовательно, 22 марта *утромъ*, до вскрытія) было *напечатано*, какія раны у Ющинскаго и какое впечатлѣніе производилъ его трупъ.

Этотъ вопросъ воздѣйствовалъ на защиту подобно взорвавшейся бомбѣ, ибо послѣ него наступило слѣдующее:

Зарудный (вскакивая, возвышая голосъ и перебивая). Этого не было... Если повѣренный гражданскаго истца удостовѣряетъ извѣстный фактъ, то равноправіе сторонъ требуетъ...

Предсѣдатель пробуетъ остановить Заруднаго, но тщетно.

Зарудный. Повѣренный гражданскаго истца удостовѣряетъ, что это было напечатано, а въ «Кіевской Мысли» 22 марта это не было напечатано!

Предсѣдатель. Какъ же вы врываетесь въ допросъ въ качествѣ свидѣтеля и удостовѣряете, что въ «Кіевской Мысли» не было напечатано?

Зарудный. Я только сдѣлалъ возраженіе на вопросъ повѣреннаго гражданскаго истца.

Предсѣдатель. Какое же вы имѣете право возражать? Вы можете возражать только съ моего разрѣшенія.

Зарудный. Я къ вамъ и обращаюсь...

Шмаковъ. Вы говорите неправду.

Зарудный. Прошу занести въ протоколъ! Прошу защищать меня отъ оскорбленій! Господинъ Предсѣдатель!! это оскорбленіе — говорить человѣку въ глаза, что онъ сказалъ неправду! Будьте добры защищать меня! (*Съ паѳосомъ*): Я никому не позволю сказать мнѣ, что я говорю неправду! (*Плаксиво*): г. Предсѣдатель, если вы не будете меня защищать, то кто же меня защититъ?

Предсѣдатель. Я просилъ бы васъ не волноваться. Вы сами держите себя некорректно: перебиваете, кричите...

Зарудный (снова перебивая). Онъ сказалъ, что неправда...

Предсѣдатель. Вы первый...

Зарудный (перебивая). Я не говорилъ про неправду, я только сказалъ, что въ «Кіевской Мысли» этого не было, а онъ...

Предсѣдатель. Сядьте и держите себя, какъ подобаетъ. Дѣлаю вамъ выговоръ и предупреждаю, что въ слѣдующій разъ буду принужденъ принять болѣе рѣшительныя мѣры.

Зарудный. Это ваше право, но...

Предсѣдатель. Сядьте и не спорьте со мной. Вы не ждете, пока свидѣтель отвѣтитъ, а сами, вмѣсто него, заявляете, что этого не было. Развѣ вы свидѣтель?

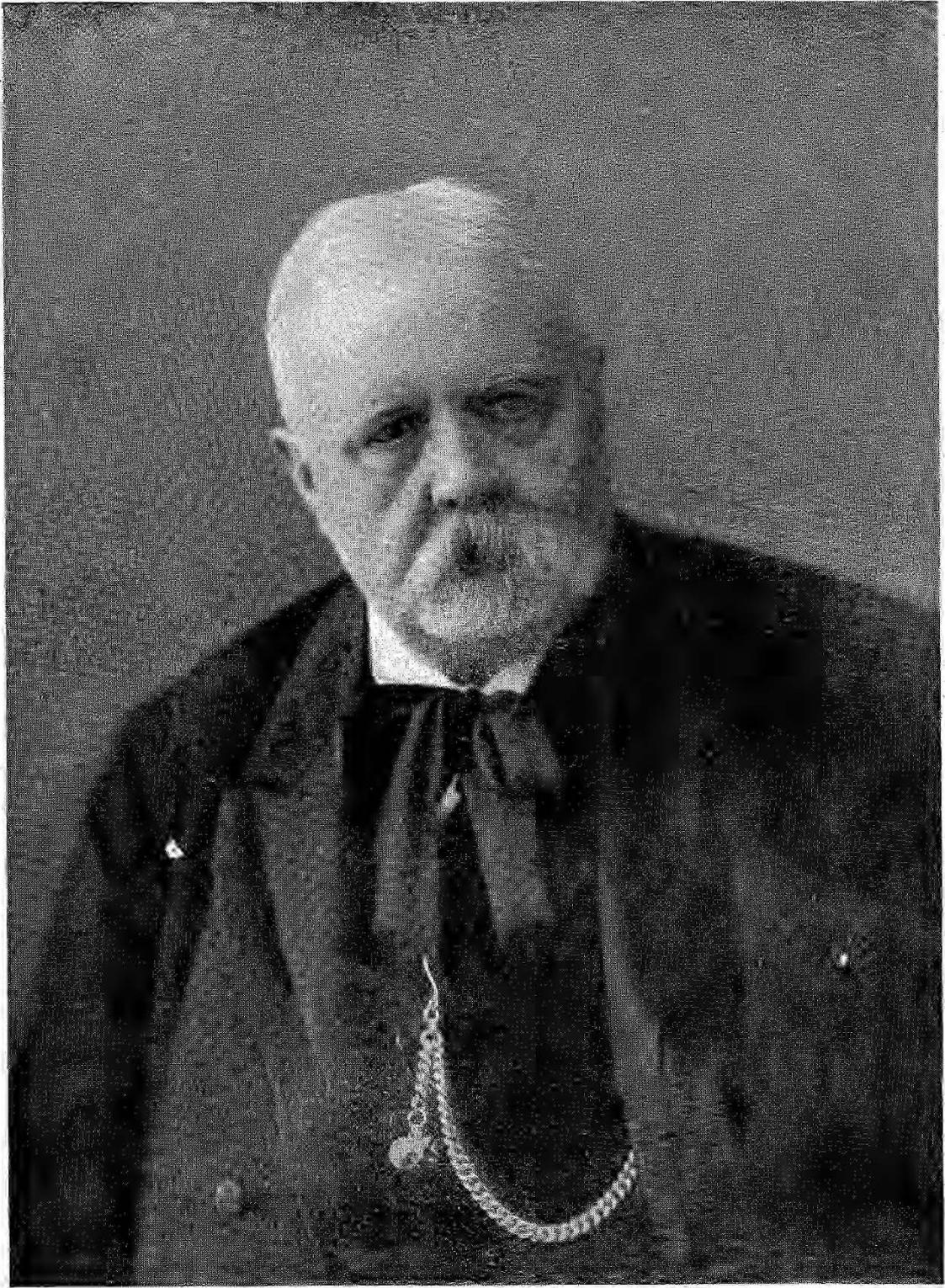
Зарудный. Повѣренный гражданскаго истца спросилъ: извѣстно ли вамъ, что въ «Кіевской Мысли» было напечатано? Значитъ, это было напечатано. А оно не было напечатано.

Предсѣдатель. Садитесь, пожалуйста.

Зарудный. Разрѣшите мнѣ стоять.

Предсѣдатель. Стойте, но молчите.

Когда А. С. Шмаковъ получилъ, наконецъ, возможность вернуться къ вопросу, который онъ предложилъ Красовскому, то Красовскій, по своему обыкновенію, прибѣгъ къ уклончивому отвѣту, что, молъ, было въ «Кіевской Мысли» тогда какое-то сообщеніе, а какое именно — онъ не помнитъ.

W. H. Murray

На этомъ, за позднимъ временемъ, засѣданіе прервалось до слѣдующаго дня, когда А. С. Шмаковъ принесъ комплектъ номеровъ «Кіевской Мысли» за 1911 годъ и нотаріально засвидѣтельствованную копию той статьи отъ 22 марта, которую онъ имѣлъ въ виду. По его настоянію, статья эта, подъ заглавіемъ «Загадочное убійство на Лукьяновкѣ», была оглашена. Въ ней подробно изложено, гдѣ и какъ былъ обнаруженъ трупъ Андриюши Ющинскаго, какія изъ его вещей были найдены въ пещерѣ, какихъ не доставало, а въ заключеніе прописано: «Когда тѣло несчастнаго мальчика было вынесено изъ пещеры, толпа вздрогнула, раздались рыданія среди толпы. Видъ убитаго производилъ ужасное впечатлѣніе. Лицо его посинѣло, въ крови, руки сильно и нѣсколько разъ перетянуты крѣпкимъ шнуркомъ, который въѣлся въ кожу. На головѣ оказались три раны: всѣ нанесены какимъ-то колющимъ орудіемъ. Такихъ же нѣсколько ранъ оказалось и на лицѣ и на обѣихъ сторонахъ шеи. Когда подняли рубашку мальчика, грудь, спина и животъ оказались въ такихъ же колотыхъ ранахъ. Двѣ раны въ области сердца, три на животѣ, нѣсколько въ боку. Число ранъ на тѣлѣ убитаго до двадцати. Всѣ раны, очевидно, нанесены въ голое тѣло, ибо рубаха оказалась безъ прорѣзовъ. Обнаруженіе этихъ ранъ вызвало крайнее негодованіе толпы».

А Красовскій авторитетно увѣрялъ, что до вскрытія «число и характеръ раненій публикѣ совершенно не были извѣстны»— и на этомъ «фактѣ» успѣлъ воздвигнуть цѣлое построеніе, тогда какъ, въ дѣйствительности, лишь только 20 марта трупъ былъ обнаруженъ, такъ сейчасъ же толпа убѣдилась и въ множествѣ раненій, и въ общемъ ихъ характерѣ, послѣ чего тутъ же, не дожидаясь никакого вскрытія, начала говорить, что это жидовскихъ рукъ дѣло. Стоитъ вспомнить, на примѣръ, хотя бы показаніе той же Равичъ, которая категорически удостовѣряетъ, что, уѣхавъ изъ Кіева въ тотъ же вечеръ, двадцатаго, она въ вагонѣ выражала свое убѣжденіе, что убійство ритуальное.

И вотъ, въ заключеніе, оказывается, что даже въ столь непререкаемомъ для разслѣдователей-добровольцевъ источникѣ, какъ «Кіевская Мысль», до вскрытія, чернымъ по бѣлому пропечатано и про негодованіе толпы, и про то, что раны—колотыя, что колоди въ голое тѣло, не черезъ рубашку, и про то, что ранъ очень много, нанесены онѣ и въ голову, и въ лицо, и въ шею, и въ сердце, и въ туловище!

А выступившій на помощь Красовскому присяжный повѣренный Зарудный такъ кричалъ, шумѣлъ и всѣхъ перебивалъ, разъ пять повторивъ, что такой статьи въ «Кіевской Мысли» 22 марта не было.

Когда оную столь быстро разыскали, принесли въ судъ и огласили, для защиты наступилъ великій конфузъ — такое положеніе, гдѣ «податься некуда».

— Будьте впередъ болѣе осмотрительны, — наставительно обратился Предсѣдатель къ Зарудному — такъ какъ это вызываетъ споры, страстность въ преніяхъ и *отвлекаетъ вниманіе присяжныхъ засѣдателей*. Когда дѣлаете заявленія, прошу васъ дѣлать ихъ вооруженнымъ надлежащимъ образомъ.

Зарудному ничего не оставалось, какъ признать, что «по существу повѣренный гражданскаго истца былъ правъ, а я нѣтъ».

Послѣднимъ звеномъ въ измышленіяхъ Красовскаго была обработка эпизода съ разброской «погромныхъ прокламацій» на похоронахъ Андрюши Ющинскаго. Того факта, что воззванія, направленныя противъ жидовъ, тогда разбрасывались — никто не отрицалъ. Къ дѣлу было даже представлено одно изъ такихъ воззваній и на судѣ оглашено, но при закрытыхъ дверяхъ, вслѣдствіе чего я не считаю себя въ правѣ воспроизвести дословное содержаніе прочитаннаго. Однако, появленіе подобныхъ воззваній, фактъ ихъ разбрасыванія — еще рѣшительно ничего не давалъ для бразулевской версіи. Далѣе, Чеберякова не скрывала, что такое воззваніе попало и ей на похоронахъ. Она принесла его домой и показывала кое-кому изъ сосѣдей. Но и здѣсь еще нельзя было усмотрѣть какихъ-либо указаній, что, молъ, къ воззваніямъ причастна «чеберяковская шайка», которая, де, сначала убила, а потомъ хочетъ, сваливъ убійство на жидовъ, произвести погромъ, дабы за жидовскій счетъ поживиться.

И вотъ, въ такомъ положеніи дѣла, допросъ Красовскаго принялъ слѣдующія формы:

Грузенбергъ. Вамъ извѣстенъ нѣкій Павловичъ?

Красовскій. Извѣстенъ.

Грузенбергъ. Какое ояъ имѣетъ отношеніе къ Чеберякъ?

Красовскій. Онъ состоитъ членомъ «Двуглаваго Орла», зарегистрированъ сыскной полиціей, какъ квартирный воръ и грабитель, отбывалъ въ 1908 г. наказаніе.

Грузенбергъ. Судился за кражу со взломомъ и былъ осужденъ!?

Красовскій. На шесть мѣсяцевъ тюрьмы—по несовершеннолѣтію. А въ октябрѣ былъ арестованъ и подозрѣвался въ ограбленіи (какъ, однако, чередуются у Красовскаго, по мѣрѣ надобности, проявленія столь точной, прекрасной памяти съ періодами полного запамятованія).

Грузенбергъ. Въ день похоронъ Ющинскаго Павловичъ разбрасывалъ прокламаціи?

Красовскій. Да. Былъ арестованъ за распространеніе прокламацій.

Грузенбергъ. Этотъ самый воръ и грабитель, осужденный въ тюрьму, былъ, значитъ, разбрасывателемъ прокламацій на кладбищѣ?

Красовскій. Да.

Предсѣдатель. Откуда вы это знаете? Вѣдь вы на кладбищѣ не были.

Красовскій. Не былъ. Но я это устаконилъ. А о томъ, что онъ зарегистрированъ, какъ воръ, мнѣ извѣстно по службѣ.

Предсѣдатель. А откуда вы знаете, что онъ разбрасывалъ прокламаціи?

Красовскій. Объ этомъ открыто говорили среди чиновъ полиціи. Я имѣлъ общеніе съ ними, слышалъ разговоры. Второй разъ онъ былъ арестованъ въ Радомысльскомъ уѣздѣ вмѣстѣ съ членомъ «Двуглаваго Орла» Пащенко—по подозрѣнію въ мошенническомъ полученіи 500 рублей изъ почтовой конторы.

Предсѣдатель. Вы говорите по слухамъ, или излагаете факты?

Красовскій. Я говорю факты.

Предсѣдатель (настоячиво). Да вы хорошо ли помните, что съ Пащенкою?

Красовскій (послѣ нѣкоторой заминки). Кажется, что былъ Пащенко.

Замысловскій. Только что утверждалъ, а теперь отказывается!

Предсѣдатель. Вы категорически удостовѣряете, что Павловичъ съ Пащенкою? Это навѣрное?

Красовскій. О Павловичѣ—это категорически, а о Пащенкѣ не могу удостовѣрять.

Грузенбергъ. Но Павловичъ, который былъ осужденъ за кражу, домовою воръ, грабитель—этотъ самый разбрасывалъ прокламаціи!

Красовскій. Да.

Какой опять удачный допросъ у Грузенберга. Пожалуй, не менѣе удачный, чѣмъ тогда, съ Вышемирскимъ. «Какое отношеніе имѣеть Павловичъ къ Чеберякъ?»—проницательно спрашиваетъ Грузенбергъ.

— «Онъ членъ Двуглаваго Орла, воръ, грабитель, разбрасыватель противоеврейскихъ прокламацій», — отвѣчаетъ Красовскій.

И сразу все становится яснымъ, все завязывается въ одинъ узелъ—воры, грабители, погромщики евреевъ, Чеберякова, члены Двуглаваго Орла, убійцы Ющинскаго—все это, молъ, одна компанія. Правда, предсѣдательскія придирки подпортили номеръ съ Пащенкою, но Грузенбергъ выручилъ, въ третій разъ отгнивъ лестныя качества Павловича и переведя такимъ образомъ вниманіе опять на сего послѣдняго.

Однако, и здѣсь то, что «установилъ» Красовскій, обрушилось весьма быстро. На слѣдующій же день, при дополнительномъ допросѣ Голубева, А. С. Шмаковъ спросилъ его о Павловичѣ, Пащенкоѣ, и Голубевъ удостовѣрилъ, что купецъ Пащенко, дѣйствительно, судился, но лишь потому, что былъ ложно оговоренъ однимъ изъ настоящихъ виновниковъ дѣла. Ложность этого оговора раскрылась и судъ Пащенко оправдалъ. Хотя ему, Голубеву, обстоятельства дѣла, по которому судился Пащенко, въ общемъ извѣстны, но чтобы въ этомъ дѣлѣ былъ замѣшанъ какой-то Павловичъ—онъ ничего не знаетъ. Что касается вопроса о Павловичѣ, то, дѣйствительно, членомъ общества «Двуглавый Орелъ» состоялъ Николай Павловичъ, который на похоронахъ Андрюши Ющинскаго былъ задержанъ по подозрѣнію въ разброскѣ противоеврейскихъ прокламацій. Теперь онъ отбываетъ воинскую повинность въ Ромнахъ. За кражи, мошенничества или грабежи *никогда не судился*. Когда Голубевъ, наканунѣ, услышалъ на судѣ изъ показанія Красовскаго, будто членъ «Двуглаваго Орла» Павловичъ зарегистрированъ сыскной полиціей, какъ воръ и грабитель, то немедленно отправился къ начальнику кievской сыскной полиціи Репойто-Дубяго и убѣдился, что это неправда. Репойто Дубяго выдалъ

даже въ томъ officialную справку, которую онъ, Голубевъ, готовъ представить суду.

На послѣднее обстоятельство не замедлилъ реагировать Карабчевскій. «Частному лицу выдаются справки,—заявилъ онъ:—прошу занести въ протоколъ, что свидѣтель получалъ справки изъ полиціи».

Не вполне понятно, что, собственно, возмутило знаменитаго адвоката? Если при Голубевѣ, являющемся однимъ изъ главныхъ дѣятелей и организаторовъ общества «Двуглавый Орелъ», говорятъ на судѣ — и говорятъ не безъ умысла — что членами этого общества состоятъ воры и грабители, то, разумѣется, Голубевъ не могъ и не долженъ былъ оставаться къ этому равнодушнымъ. Онъ немедленно представилъ officialное документальное доказательство того, что говорившій сказалъ неправду. И вотъ, вмѣсто того, чтобы опровергать самое доказательство по существу, защита заявляетъ о неправильности полученія его свидѣтелемъ. Не значитъ ли это, что ничего иного возразить нельзя было, а такимъ возраженіемъ *вниманіе* все же *отвлекалось* отъ непріятнаго защитѣ обстоятельства въ сторону. Почему начальникъ сыскной полиціи не имѣлъ права выдать справки Голубеву и какое дѣло до этого суду — я до сихъ поръ недоумѣваю. Впрочемъ, я тогда же заявилъ, что если, можетъ быть, защита считаетъ желательнымъ допросъ самого Репойто-Дубяги, то мы будемъ ходатайствовать о немедленномъ же вызовѣ его въ качествѣ свидѣтеля. Карабчевскій отвѣтилъ, что находить подобный допросъ «очень нецѣлесобразнымъ».

Окончательно выяснилъ исторію съ Павловичемъ подполковникъ Ивановъ. Онъ удостовѣрилъ, что, по подозрѣнію въ разброскѣ на похоронахъ Ющинскаго противоеврейскихъ воззваній, былъ задержанъ Николай Павловичъ, но затѣмъ *освобожденъ за недостаточностью уликъ*. Этотъ Павловичъ не воръ и въ кражахъ не обвинялся. Есть другой Павловичъ, *Константинъ* — тотъ сидѣлъ за кражу, но рѣшительно никакихъ указаній на участіе его въ разброскѣ прокламацій не было.

Такимъ образомъ, и эта попытка Красовскаго провалилась столь же плачевно, какъ остальные. Связать разброску прокламацій одной стороной съ ворами, «чеберяковской шайкой», а другой стороной съ «Двуглавымъ Орломъ» — не представилось никакой возможности. А надежды въ этомъ направленіи были, повидимому, большія, по крайней мѣрѣ заявленія Заруднаго

«по поводу прокламацій» сыпались на судебномъ слѣдствіи какъ изъ рога изобилія. Даже по окончаніи допроса всѣхъ свидѣтелей, уже во время экспертизы, защита сдѣлала попытку заручиться хоть чѣмъ-нибудь, позволяющимъ говорить, что убійство было «подъ жидовъ», «подъ ритуальъ». Послѣ заключенія профессора Бехтерева, вызваннаго по ходатайству защиты и давшаго крайне благопріятное защитѣ показаніе, Карабчевскій спросилъ эксперта, не считаетъ ли онъ вѣроятнымъ предположеніе, что люди, убивавшіе Ющинскаго и преслѣдовавшіе *только цѣль убійства*, нанесли цѣлый рядъ ранъ, чтобы *спутать слѣды* и придать убійству *другой характеръ*.

Увы, даже Бехтеревъ отвѣтилъ, что такое предположеніе является *невѣроятнымъ*.

Чтобы покончить съ разказами о ворахъ, которые въ квартирѣ Чеберяковой убивали несчастнаго мальчика «подъ ритуальъ» за какое-то невѣдомое предательство — надлежитъ разобратъ въ томъ, что говорятъ сами воры — Сингаевскій, Рудзинскій и Латышевъ. Хотя Красовскій рекомендуетъ ихъ, какъ видныхъ членовъ «чеберяковской шайки», но обстоятельство это, равно какъ и самое существованіе подобной «шайки», надлежитъ признать совершенно недоказаннымъ. Общеніе съ ворами Чеберякова имѣла, хотя бы уже потому, что братъ ея, Сингаевскій, занимался кражами. Проходили черезъ руки Чеберяковой и кое-какія краденныя вещи, но вотъ и все, что можно считать въ этомъ направленіи болѣе или менѣе установленнымъ по дѣлу. Остальное является совершенно голословнымъ разказомъ Красовскаго, а разборъ цѣлаго ряда подобныхъ же его разказовъ показываетъ, съ какою осторожностью надлежитъ къ нимъ относиться.

Знакомство, якшаніе съ ворами фактъ, конечно, предсудительный. При желаніи и умѣннн его можно раздуть и перелицевать, какъ «участіе въ воровской шайкѣ», но, само собою разумѣется, между этими двумя понятіями большая разница, очевидная не только для юриста, но, я полагаю, и для всякаго обывателя. Точно также, если кто-либо сбываетъ, даже нѣсколько разъ, отдѣльныя краденныя вещи, то отсюда еще нельзя сдѣлать вывода, что у него въ квартирѣ «притонъ», куда тащатъ и укрываютъ чуть не все краденое съ цѣлаго города. Впрочемъ, если даже допустить, въ видѣ предположенія, совершенно произвольнаго, что Чеберякова была участницей воров-

ской шайки и что у нея на квартирѣ шайка эта держала свой притонъ, то даже такое предположеніе, по дѣлу, однако, ничѣмъ не установленное, еще не даетъ, само по себѣ, указаній на связь чеберяковской квартиры съ убійствомъ Ющинскаго. Чеберякова знакомство съ Латышевымъ отрицала совершенно. Знакомство съ Рудзинскимъ признавала, а относительно брата, Петра Сингаевского, заявила, что видѣлась съ нимъ рѣдко. Латышевъ ко времени суда умеръ, а на предварительномъ слѣдствіи на какіе-либо вопросы отвѣчать отказался; Рудзинскій же и Сингаевскій, какъ на предварительномъ слѣдствіи, такъ и на судѣ объяснили въ общемъ слѣдующее: 12 марта 1911 года вечеромъ, они, втроемъ, вмѣстѣ съ Латышевымъ, обокрали на Крепцатикѣ оптичекій магазинъ Адамовича. Мысль украсть возникла еще наканунѣ, 11-го, когда вечеромъ Рудзинскій, запасшись необходимыми инструментами, пробрался въ подвалъ подъ магазиномъ, откуда путемъ взлома предполагалъ проникнуть въ самый магазинъ. Однако, не успѣлъ онъ приступить къ работѣ, какъ у него неожиданно потухъ электрическій фонарикъ и, оставшись въ темнотѣ, онъ вернулся ни съ чѣмъ къ товарищамъ. На другой вечеръ, 12-го, дѣло у Рудзинскаго пошло удачнѣе: онъ проникъ въ магазинъ, гдѣ вмѣстѣ съ Сингаевскимъ—Латышевъ стоялъ на стражѣ—забрали много цѣнныхъ вещей, главнымъ образомъ биноклей. Съ этой добычей на слѣдующій день, 13-го марта, около полудня, они всѣ втроемъ отправились со скорымъ поѣздомъ въ Москву, для сбыта похищеннаго. Приѣхали 14-го утромъ, сбыли, на вырученныя деньги стали кутить и 16-го марта были въ Москвѣ всѣ втроемъ задержаны агентомъ сыскной полиціи въ пивной, гдѣ Латышевъ, во время кутежа, началъ мѣнять крупныя деньги. Относительно того, кто и зачѣмъ убилъ Ющинскаго—ничего не знаютъ. Караевъ и Махалинъ, дѣйствительно, завели знакомство съ Сингаевскимъ, угощали его, поили, предлагали участвовать въ какой-то кражѣ и, наконецъ, завели рѣчь, что на него падаетъ подозрѣніе въ убійствѣ Ющинскаго, что сестры Дьяконовы видѣли его у Чеберяковой во время убійства, что надо подбросить какія-то вещи въ сарай къ Бейлису. Онъ, Сингаевскій, сказалъ лишь, что подобныя подозрѣнія—«чушь», и, видя въ дѣйствіяхъ Караева и Махалина подвохъ, пересталъ съ ними видѣться. Точно также и Рудзинскій объяснилъ, что разговоръ о «бай-струкѣ», о томъ что его «пришили», не велъ никогда, а тѣмъ

болѣе не могъ ихъ вести въ полицейской арестантской, гдѣ вообще «неразговорчивъ».

При допросѣ Сингаевского не обошлось безъ курьезовъ. Его спросили, не говорилъ ли онъ, что Ющинскаго «такъ росписала министерская голова Рудзинскаго».

— «Нѣтъ»,—отвѣчалъ Сингаевскій:—«не говорилъ. Я никогда и не видалъ такой головы, да мнѣ этого и не выговорить».

Еще менѣе вѣроятно, что малограмотный, тупой Сингаевскій могъ употреблять такія выраженія, какъ «поѣхалъ въ Ригу» (въ смыслѣ вырвало, стошнило).

Когда передъ Сингаевскимъ развернули весь лексиконъ тюремнаго, воровскаго жаргона, которымъ такъ щеголяли Караевъ и Махалинъ, то Сингаевскій долго и терпѣливо слушалъ, но, по поводу одного словца рѣшительно запротестовалъ: «Такого слова у насъ нѣтъ»,—заявилъ онъ:—«хоть всю тюрьму спросите. Развѣ вотъ у политическихъ»...

Разсказъ Сингаевского и Рудзинскаго о томъ, какъ они совершали кражу изъ магазина Адамовича, сколько и какихъ взяли оттуда вещей, вполне совпадаетъ съ обстоятельствами дѣла и съ заявленіемъ потерпѣвшаго Адамовича, а затѣмъ задержаніе ихъ втроемъ съ Латышевымъ 16-го марта въ Москвѣ на кутежѣ, при размѣнѣ крупныхъ денегъ—представляетъ фактъ, удостовѣренный съ несомнѣнностью. Такимъ образомъ, считать разсказъ объ этой кражѣ измышленнымъ, въ особенности послѣ тѣхъ подробностей, которыя были приведены Сингаевскимъ и Рудзинскимъ *на судъ*—очень мудро. Впрочемъ, даже защита Бейлиса такъ далеко не шла, а старалась опорочить показаніе Сингаевского и Рудзинскаго другимъ путемъ.

— «Почему вы думаете»,—спрашивалъ Сингаевского Грузенбергъ:—«что, если въ ночь съ 12-го на 13-е вы украли, то это значитъ, что утромъ, часовъ въ десять, одиннадцать вы не могли убить?»

На столь изумительный вопросъ о томъ, что свидѣтель *думаетъ*, отвѣта, разумѣется, не послѣдовало, да и вопросъ, надо полагать, былъ предложенъ не для полученія отвѣта, а чтобы поскорѣе закинуть присяжнымъ засѣдателямъ мысль: «Ну что же, ночью, дѣйствительно, крали, а передъ тѣмъ утромъ убивали—одно другому не мѣшаетъ».

Съ допросомъ какихъ-то воровъ защитники Бейлиса вообще не церемонились настолько, что Карабчевскій, будучи наконецъ

остановленъ предсѣдателемъ на одномъ изъ вопросовъ, предложенныхъ Сингаевскому, сталъ возражать Предсѣдателю, въ результатѣ чего послѣдовало такое заявленіе Шмакова: «Я прошу занести въ протоколъ, что, когда Предсѣдатель сдѣлалъ замѣчаніе Карабчевскому, что онъ въ своемъ вопросѣ Сингаевскому излагаетъ факты, обстоятельства невѣрно, Карабчевскій всталъ и сказалъ:— «Г. Предсѣдатель, какъ вы не хотите понять, что я, быть можетъ, намеренно сообщаю ему невѣрныя свѣдѣнія, для того, чтобы получить отъ него лучшія».

Въ такой формулировкѣ происшедшаго Карабчевскій оспаривалъ только слово «лучшія»: «не *лучшія*, а *отъ него*»,—замѣтилъ онъ на заявленіе Шмакова.

Этимъ не измѣняется выводъ, что допросъ Сингаевского былъ веденъ защитой приемами весьма своеобразными и, во всякомъ случаѣ, не предусмотрѣнными Уставомъ Уголовнаго Судопроизводства.

Но, въ самомъ дѣлѣ, почему нельзя ночью совершить кражу, а утромъ убить?

Если разсматривать только внѣшнее сцѣпленіе событій, то, конечно, Грузенбергъ правъ: можно ночью обокрасть, утромъ убить и, мало того, въ теченіе тѣхъ же сутокъ днемъ бросить бомбу, а подъ вечеръ поджечь. Нѣтъ той *физической* невозможности, которая исключала бы подобное предположеніе. Однако, если обратиться къ внутренней сторонѣ событій, то окажется иное. Утромъ воры, на квартирѣ Чеберяковой, убили ребенка, заподозрѣннаго ими въ предательствѣ... Къ чему должны быть направлены всѣ ихъ дальнѣйшія мысли и усилія? Къ скрытію трупа, къ тому, чтобы съ наступленіемъ темноты вынести его изъ квартиры и понадежнѣе спрятать. Но воры поступаютъ какъ разъ въ обратномъ направленіи: они оставляютъ мертвое тѣло неубраннымъ у Чеберяковой, гдѣ каждую минуту преступленіе можетъ открыться, а сами, какъ ни въ чемъ не бывало, идутъ на кражу, которую, казалось бы, съ такимъ же успѣхомъ можно совершить и завтра, и послѣзавтра, и черезъ недѣлю. Съ похищеннымъ немедленно уѣзжаютъ въ Москву; тамъ принимаются кутить, швырять деньгами, а трупъ убираетъ кто-то другой. При смѣлой фантазіи предполагать можно все, что угодно, но должно призвать, что предположеніе, будто утромъ воры убили, а къ вечеру поплы на кражу, оставивъ убитаго на квартирѣ у своей пріятельницы, и послѣ кражи укатили въ

другой городъ—такое предположеніе представляется явно невѣроятнымъ. Кстати, куда же дѣвалось ихъ намѣреніе поживиться на погромѣ, ради котораго убивали «подъ ритуаль» и разбрасывали прокламаціи, такъ заинтересовавшія Заруднаго?

Хотя данныя экспертизы составляютъ предметъ особой главы, но, чтобы вполне разобраться съ «бразулевской версіей», одного изъ вопросовъ, затронутыхъ экспертизою, необходимо коснуться теперь же. На Андриюшиной курткѣ были обнаружены кровяныя и глиняныя «помарки»—небольшія пятна крови и глины. Они были подвергнуты на предварительномъ слѣдствіи химико-микроскопическому изслѣдованію, согласно актамъ котораго «кровь на курткѣ наблюдается въ трехъ видахъ: 1) въ видѣ пятенъ чистой крови; 2) въ видѣ окровавленной глины, получившейся такимъ образомъ, что глина попала на влажное еще кровяное пятно, пропиталась кровью и присохла къ кровяному пятну болѣе или менѣе толстымъ слоемъ и, наконецъ, 3) въ видѣ окровавленной глины, попавшей во влажномъ еще состояніи на неокровавленные части куртки и присохшей болѣе или менѣе крупными комочками къ ворсу матеріи. Глина на курткѣ по составу и органическимъ примѣсямъ составляетъ большое сходство съ глиной на чулкахъ, на рубахѣ и кальсонахъ Андрея Ющинскаго». Изложенное относится къ пятнамъ «буроватой глины». Кромѣ нихъ были еще пятна другой глины, желтоватой, въ которыхъ крови не обнаружено.

Соотвѣтственно изложенному, среди вопросовъ, предложенныхъ экспертамъ, вопросъ 23-й гласилъ: «Когда и при какихъ обстоятельствахъ могли получиться на курткѣ убитаго глиняныя помарки и кровяныя пятна, бывшія предметомъ химико-микроскопическаго изслѣдованія».

Профессоръ Косоротовъ, дававшій на судѣ заключеніе первымъ изъ экспертовъ, отвѣтилъ такъ: «на курткѣ имѣется разная глина. Есть глина, которая попала на кровь такъ, что сверху чистая глина, а снизу засохшая кровь (см. пунктъ 1 изслѣдованія). Эта глина, очевидно, могла попасть какъ на мѣстѣ преступленія, такъ и въ пещерѣ. Есть, далѣе, глиняныя помарки, пропитанныя кровью (п. 2-й изслѣдованія) и такія, которыя покрыты засохшею кровью (п. 3-й изслѣдованія). Тѣ и другія (т. е. и п. 2-й и п. 3-й) образовались на мѣстѣ преступленія.

При послѣдующемъ допросѣ, профессоръ Косоротовъ привелъ подробныя основанія для такого вывода. «На бѣльѣ и на курткѣ,—заявилъ онъ,—вы можете видѣть кусочки глины, очень смѣшанные съ кровью, причемъ здѣсь возбуждался вопросъ о томъ, какъ скоро *высыхаетъ* кровь и какъ долго она теряетъ способность *смѣшиваться* съ глиной. Это не все равно: кровь совершенно высохшая, или потерявшая способность смѣшиваться. Надо имѣть въ виду, что выпущенная кровь претерпѣваетъ свертываніе, на подобіе свертыванія молока, причемъ отдѣляется сгустокъ и сыворотка. Свертываніе наступаетъ черезъ нѣсколько минутъ, такъ что, если спустя четверть или полчаса насыпать глину, она не смѣшается, потому что кровь уже утратила способность хорошо смѣшиваться: уже свернулась, а свернувшаяся кровь имѣетъ видъ желе, которое нужно сперва растереть, чтобы смѣшать съ глиной. По поводу помарокъ глиною рубашки и изнанки куртки я долженъ сказать, что совершенно нельзя предположить, чтобы мальчикъ, играя въ мартѣ мѣсяцѣ, снялъ куртку, остался въ бѣльѣ и запачкалъ его глиной. На основаніи всего этого я полагаю, что глина на бѣльѣ и на курткѣ происходитъ изъ мѣста преступленія и что преступленіе совершено въ мѣстѣ, гдѣ имѣлась такая глина».

На доводы проф. Косоротова о свертываніи крови, о пропитываніи ею глины никто изъ другихъ экспертовъ (о заключеніи которыхъ будетъ подробный разговоръ въ особыхъ главахъ)—не возражалъ, да едва ли возможны вообще сколько-нибудь научныя возраженія, настолько приведенные доводы очевидны и непререкаемы. Если смѣшиваться съ глиною, *пропитывая* ее, можетъ только кровь несвернувшаяся, а свертываніе происходитъ уже черезъ нѣсколько минутъ послѣ истеченія крови, то гдѣ же, какъ не на мѣстѣ преступленія, могли пристать къ одеждѣ убитаго въ незапачканныхъ, чистыхъ ея частяхъ комочки глины, «очень смѣшанные» съ кровью, ею пропитанные!? Другими словами, расположенная во второмъ этажѣ квартира Чеберяковой быть мѣстомъ убійства никоимъ образомъ не могла.

Все изложенное позволяетъ наконецъ подвести «бразулевской версіи» заключительные итоги. Они выразятся въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1. Никакихъ положительныхъ, фактическихъ данныхъ, указывающихъ, что убійство было совершено ворами въ квартирѣ Чеберяковой,—нѣтъ. Такими данными могли бы быть по-

казанія Дьяконовыхъ, Малицкой, Вышемирскаго, Караева, Махалина и Швачки о различныхъ подозрительныхъ обстоятельствахъ въ квартирѣ Чеберяковой, о сознаніи или «полусознаніи» лицъ виновныхъ. Однако, всякое значеніе перечисленныхъ показаній, какъ уликъ, падаетъ вслѣдствіе того, что они являются придуманными. Эта измышленность устанавливается не только ихъ невѣроятностью, иногда полной фантастичностью («слабый звукъ черезъ носъ», услышанный изъ другого этажа, маски и т. д.), но и непримиримымъ противорѣчіемъ какъ между собою, такъ, главное, съ несомнѣнными обстоятельствами дѣла. Ходъ этихъ показаній, ихъ появленіе и дальнѣйшее развитіе даетъ достаточное основаніе къ выводу, что не они вызвали «бразулевскую версію», а, наоборотъ, сами ею вызваны: сначала была обдуманна, налажена «версія», а потомъ къ ней подогнаны показанія.

2. Самое предположеніе, что Андриюшу убили воры на квартирѣ Чеберяковой, помимо своей совершенной бездоказательности и голословности, еще и *невѣроятно*, ибо убійство было, безспорно, умышленнымъ, значитъ, преслѣдовало извѣстную цѣль, вызывалось опредѣленными побужденіями. Какая же цѣль и какія побужденія могли быть у воровъ убивать Андриюшу? Творцы чеберяковской версіи отвѣчаютъ: месть предателю, желаніе отъ него отдѣлаться. Но чистая, свѣтлая личность Андриюши, такъ ярко обрисовавшаяся на судѣ, и его жизнь, мѣсто, гдѣ онъ жилъ, распредѣленіе его времени — удостовѣренныя многочисленными и разнообразными свидѣтелями, вполнѣ безпристрастными и сторонними дѣлу, — доказываютъ съ несомнѣнностью не только то, что Андриюша не могъ выдавать воровъ, но и то, что ворами подобная мысль не могла взбрести въ голову, какъ совершенно сумасбродная. А если исключить мысль о предательствѣ, то убійство является для воровъ безцѣльнымъ, болѣе того — бессмысленнымъ. Далѣе, если убивали воры, то необъяснимъ способъ убійства — 47-ю уколами. Пробуютъ отвѣтить: это поддѣлывались «подъ жидовъ», «подъ ритуаль», чтобы съ одной стороны отвести отъ себя подозрѣніе, скрыть свой слѣдъ, а съ другой — устроить погромъ и на немъ поживиться. Но на единственный вопросъ, предложенный защитой экспертамъ въ этомъ направленіи, вызванный по ходатайству защиты и наиболѣе благопріятный для нея экспертъ профессоръ Бехтеревъ заявилъ, что предполагать подобную си-

муляцію на основаніі картины раненій съ научной точки зрѣнія *невъроятно*, а въ области фактовъ житейскаго характера оказывается, что мнимые убійцы, рассчитывавшіе поживиться на погромѣ, какъ разъ на это время уѣхали въ Москву, а сокрытіемъ слѣдовъ пренебрегли настолько, что оставили неубранный трупъ въ жилой квартирѣ. Торжественный провалъ исторій съ «прутиками» и съ разброскою прокламацій дополняетъ полную неудачу поползновеній приплести сюда «погромщиковъ».

3. Разсматриваемое предположеніе не только *невъроятно* — оно *невозможно*, опять-таки съ точки зрѣнія и научной, и житейской, обывательской. Невозможность по основаніямъ научнымъ изъяснена въ экспертизѣ профессора Косоротова: убивали тамъ, гдѣ была глина, а въ квартирѣ Чеберяковой глины не было. Невозможность житейская ясна для каждаго, кто былъ на квартирѣ Чеберяковой, хотя бы во время осмотра: тутъ же рядомъ за стѣнкой другая квартира, гдѣ тогда жила многочисленная семья чиновника Балавина; внизу, подъ квартирой, винная лавка, а окна выходятъ на дворъ, гдѣ постоянно народъ. Достаточно все это увидѣть своими глазами, чтобы придти къ твердому убѣжденію, что въ такой обстановкѣ не могло быть такого убійства.

Бразулевскую версію отъ 6 мая 1912 г. выдвинули послѣ безнадежнаго провала цѣлаго ряда другихъ версій, направленныхъ все къ той же цѣли — отвести подозрѣніе въ убійствѣ отъ жидовъ, отъ Зайцевскаго завода. Это была, такъ сказать, послѣдняя ставка. Если въ уличеніи сначала родственниковъ убитаго, а потомъ Кучеренокъ, Цупенокъ, Назаренокъ, Мифле и прочихъ не жалѣли усилій и не церемонились въ выборѣ средствъ, то теперь, на послѣдней позиціи, въ изобличеніи Сигаевского, Рудзинскаго, Латышева была проявлена, какъ и слѣдовало ожидать, особенная энергія, пущено въ ходъ все возможное и даже невозможное. Результатъ оказался, однако, не лучше прежнихъ. Измышленность, *невъроятность* и даже прямая невозможность новыхъ «разоблаченій» отчеканилась не менѣе рельефно, чѣмъ прежнихъ.

Такой исходъ даетъ уже право на выводы не только отрицательные, но и положительные. Если всѣ возможные комбинаціи, отвергающія ритуальъ и участіе жидовъ, были исчерпаны съ отмѣннымъ рвеніемъ и если всѣ онѣ до единой при-

вели въ туникъ—къ нелѣпости, къ абсурду, то не указываетъ ли такой результатъ, что истина именно на томъ пути, который до сихъ поръ предвзято исключался?

Между доказательствами юридическими и математическими сравненіе, параллель можно приводить, конечно, лишь до известной степени. Однако, даже въ математикѣ, въ области точныхъ наукъ, известные истины считаются доказанными, если всякое иное предположеніе приводитъ къ нелѣпости. Нельзя отрицать, что такой способъ разсужденія имѣетъ серьезное значеніе и въ области изслѣдованія преступленій. Если всѣ возможныя построенія, сдѣланныя внѣ Зайцевскаго завода, внѣ ритуала—разсыпались въ прахъ, то не даетъ ли это, само по себѣ, помимо какихъ-либо другихъ соображеній, серьезнѣйшаго указанія, что надо обратиться къ заводу, задаться вопросомъ о наличности іудейскаго изувѣрнаго убійства?

Отрицательный путь, способъ исключенія, привелъ насъ къ выводу, хотя, разумѣется, еще недостаточному для постановленія приговора, но уже весьма знаменательному. Посмотримъ теперь, не приведетъ ли туда же другой путь—положительныхъ уликъ и доказательствъ.

VIII.

Чеберяковы.

Показанія Вѣры Чеберяковой и членовъ ея семьи имѣютъ въ дѣлѣ объ убійствѣ Ющинскаго громадное значеніе.

Это было ясно съ первыхъ шаговъ разслѣдованія и до послѣдняго дня судебныхъ по дѣлу засѣданій. Несмотря на всѣ усилія полицейской власти съ Мищукомъ во главѣ отвести розыски отъ Лукьяновки, Владиміръ Голубевъ, принявшись тамъ за разспросы, очень быстро наткнулся на Женю Чеберяка, который сказалъ ему, что 12 марта утромъ былъ вмѣстѣ съ Андрюшей. Однако, уже черезъ нѣсколько дней Женя началъ передъ Голубевымъ отпираться отъ этого признанія, говоря, что тогда Андрюши не видалъ. Допрошенный 11 мая 1911 г. слѣдователемъ, Женя Чеберяковъ показалъ, что, послѣ переѣзда Андрюши съ Лукьяновки на Слободку (т. е. съ мая 1910 г.) почти съ нимъ не встрѣчался. «За все это время»,—читаемъ

въ показаніи,—«онъ (т. е. Андрюша) былъ у меня раза три. Помню, онъ зашелъ ко мнѣ прошлой осенью раза два, и я тогда гулялъ съ нимъ на улицѣ, а затѣмъ Андрюша уже ко мнѣ совсѣмъ не приходилъ, и я о немъ ничего не слышалъ. Только *дней за десять*, а можетъ быть и больше до того, какъ Андрюшу нашли убитымъ (т. е. до 20 марта), онъ зашелъ ко мнѣ послѣ уроковъ, съ книжками, такъ, приблизительно, часа въ два дня, даже, вѣроятно, было больше тогда... Онъ пригласилъ меня гулять; я отказался, и Андрюша ушелъ.»

Вѣра Чеберякова отодвинула день послѣдней встрѣчи ея сына съ Андрюшей къ еще болѣе раннему сроку. «Когда Андрюша переселился на Слободку»,—говоритъ она въ первомъ своемъ показаніи слѣдователю отъ 22 апрѣля 1911 г.,—«съ тѣхъ поръ я его не видѣла, но сынъ мой Женя мнѣ говорилъ, что къ нему *недѣли за четыре*, а можетъ быть и меньше до того дня, въ который былъ найденъ Андрюша убитымъ, Андрюша приходилъ и предлагалъ идти гулять. По словамъ Жени, Андрюша шелъ изъ училища. Было тогда часа два.»

9 іюля 1911 г. слѣдователемъ былъ допрошенъ жившій рядомъ съ Чеберяковыми фонарщикъ Казиміръ Шаховскій, удостовѣрившій, что 12 марта, получивъ рано утромъ жалованье отъ своего подрядчика и возвращаясь домой, онъ, минутъ въ десять—пятнадцать девятого, около дома, гдѣ жили Чеберяковы, увидѣлъ противъ винной лавки Андрюшу и Женю. Андрюша даже подбѣжалъ къ нему и въ шутку ударилъ неожиданно по плечу.

Это показаніе Казиміра Шаховскаго было вполне подтверждено его женою Ульяною, заявившею, что тогда же она выходила изъ дома въ сосѣднюю бакалейную лавочку и тоже видѣла на томъ же мѣстѣ Женю и Андрюшу, который съ нею поздоровался.

На послѣдующемъ допросѣ Казиміръ Шаховскій пояснилъ, что онъ, дня черезъ два—три послѣ того, какъ видѣлъ Андрюшу и Женю, снова встрѣтился съ Женей и спросилъ его, хорошо ли они тогда гуляли, а Женя отвѣтилъ, что погулять не удалось, такъ какъ на заводскомъ мялѣ, куда они съ Андрюшей пошли кататься, за ними погнался приказчикъ Мендель.

Эту часть своего показанія Шаховскій, котораго допрашивали на предварительномъ слѣдствіи шесть разъ, все время мѣнялъ: то онъ передавалъ слова Жени въ такомъ видѣ, что ихъ

на мялѣ «спугнулъ мужчина съ черной бородой»—а, молъ, выводъ, что это былъ заводскій приказчикъ Мендель Бейлисъ,—сдѣлалъ уже я, Шаховскій, самъ, ибо больше тамъ спугивать было некому; то Шаховскій вовсе отрекался отъ этого своего разсказа, то снова на немъ настаивалъ... О причинахъ такого поведенія Шаховскаго и о степени достовѣрности его показанія въ этой части—будетъ рѣчь впереди, но, во всякомъ случаѣ, другая часть, гдѣ Шаховскій утверждаетъ, что 12 марта утромъ видѣлъ около Чеберяковскаго дома Андрюшу и Женю—никакихъ сомнѣній въ своей достовѣрности не возбуждала. Здѣсь разсказъ свидѣтеля оставался неизмѣннымъ все время и подтверждался показаніемъ Ульяны Шаховской, рѣшительно ничѣмъ не опороченнымъ.

Тѣмъ не менѣе, Женя и послѣ допроса Шаховскихъ продолжалъ отрицать, что Андрюша приходилъ къ нему 12 марта. Въ полномъ соотвѣтствіи съ Женинимъ поведеніемъ было поведеніе его младшихъ сестеръ, Люды и Вали (Людмилы и Валентины): по удостовѣренію Адели Равичъ, онѣ, въ день Андрюшиныхъ похоронъ, говорили свидѣтельницамъ, что Андрюша былъ у нихъ *недавно*, а какъ только начались розыски, дѣвочки стали твердить, что *больше года* не видали Андрюши и даже какъ-то упрекали Равичъ, зачѣмъ она передала ихъ первый разговоръ «мамѣ»—она, де, сердится.

Если принять во вниманіе, что утромъ 12 марта Андрюшу видѣлъ на Лукьяновкѣ мальчикъ Добжанскій и что, при дальнѣйшемъ ходѣ слѣдствія, были обнаружены подруги Люды и Вали, двѣ дѣвочки Волощенковы, которымъ Женя, оказывается, тоже говорилъ на первыхъ порахъ, что Андрюша былъ у него незадолго до того, какъ нашли Андрюшинъ трупъ,—то станутъ безспорными два обстоятельства: во-первыхъ, что 12 марта 1911 г., въ субботу утромъ Андрюша, дѣйствительно, былъ вмѣстѣ съ Женей; во-вторыхъ, что, съ началомъ розысковъ, Женѣ было запрещено объ этомъ говорить—и не трудно догадаться, кѣмъ?—Матерью, Вѣрою Чеберяковой, запретившей не только сыну, но и дочерямъ. Женя сталъ говорить, что видѣлъ Андрюшу за десять дней, а то и больше до находки трупа (т. е., значить, ни въ коемъ случаѣ не 12-го, а, самое позднее, 10-го). Вѣра Чеберякова, «со словъ Жени», утверждала, что это было даже не за десять дней, а недѣли за четыре; Люда же и Валя—что не видали Андрюши больше года. Тѣмъ временемъ

производились усиленные попытки все вниманіе сосредоточить на родственникахъ Ющинскаго, какъ на изобличаемыхъ въ его убійствѣ. Такъ продолжалось дѣло до первыхъ чиселъ августа, когда наступилъ крутой поворотъ, совершенно неожиданный для завѣдывавшаго розысками Красовскаго—какъ онъ самъ это признавалъ: 3 августа состоялось постановленіе судебного слѣдователя Фененки о привлеченіи Бейлиса въ качествѣ обвиняемаго и о содержаніи его подъ стражею.

Эти дѣйствія слѣдователя не были, однако, самостоятельными, а представляли лишь исполненіе предложенія, даннаго 2 августа прокуроромъ Кіевской Судебной Палаты Г. Г. Чаплинскимъ. Согласно закону (ст. 285 У. у. с.), слѣдователь не исполняетъ такихъ предложеній прокурорскаго надзора, если находитъ, что «обвиняемый не навлекаетъ на себя достаточнаго подозрѣнія въ преступленіи». Такимъ образомъ, съ одной стороны, судебный слѣдователь Фененко призналъ, что подозрѣнія, навлекаемыя въ совершеніи преступленія Бейлисомъ, были «достаточны», но, съ другой стороны, привлекъ его и постановилъ содержать подъ стражею только по предложенію прокурора Палаты.

Возвращаемся, однако, къ ходу событій: почти одновременно съ лишеніемъ свободы Бейлиса была арестована въ административномъ порядкѣ, но безъ всякаго постановленія судебного слѣдователя, Вѣра Чеберякова, а вслѣдъ затѣмъ, пока она сидѣла въ заключеніи, заболѣли острымъ желудочнымъ разстройствомъ ея дѣти. Изъ нихъ Женя умеръ очень быстро—8 августа, т. е. черезъ пять дней послѣ привлеченія Бейлиса. Послѣ Жени умерла Валя, а Люда, казавшаяся одно время безнадежною, перенесла болѣзнь и выздоровѣла. Какъ только Женя, заболѣвшій первымъ, почувствовалъ себя плохо, отецъ его, Василій Чеберяковъ, видя, что поносъ и рвота у больного усиливаются, немедленно повезъ сына въ больницу. Положить его туда оказалось не такъ легко: въ двухъ больницахъ отказали, ссылаясь на ремонтъ, наконецъ въ третьей, Александровской, приняли. Однако, по словамъ Василя Чеберякова, Женя скоро началъ жаловаться, что ему тамъ нехорошо, и проситься домой. Въ это время, 7 августа, была освобождена Вѣра Чеберякова. Думая, что теперь сыну обезпеченъ уходъ дома, видя, что въ больницѣ ему съ каждымъ днемъ хуже и хуже, слыша отъ мальчика неотступныя просьбы вернуть его домой, Василій Чеберяковъ

8 августа утромъ взялъ Женю изъ больницы. Дома онъ засталъ сыщиковъ—Выгранова и Полищука,—почти не выходявшихъ изъ комнаты больного. Мальчикъ, видимо, умиралъ. Пригласили священника—отца Федора Сенькевича. Женя исповѣдывался, причастился и къ вечеру того же 8 августа скончался. Передъ смертью онъ тяжело мучился, бредилъ и неоднократно призывалъ «Андрюшу». Сидѣвшая тутъ же, надъ сыномъ, Вѣра Чеберякова говорила, обращаясь къ Женѣ и указывая на сыщиковъ: «скажи имъ, что я тутъ не причемъ». Но умиравшій Женя, которому уже трудно было говорить, не отвѣчалъ. По удостовѣренію отца Сенькевича, послѣ причастія, когда онъ собирался уходить, мальчикъ позвалъ: «батюшка».

— «Съ теплымъ чувствомъ участія,—продолжалъ отецъ Федоръ,—подошелъ я къ нему и спрашиваю: что тебѣ, дитя мое? Но мальчикъ ничего не сказалъ. Затѣмъ онъ еще разъ позвалъ: «батюшка». Я опять говорю: «что тебѣ, дитя мое?» Старался ласковыми словами ободрить мальчика, чтобы онъ высказалъ то, что хотѣлъ, но онъ опять ничего не сказалъ»...

Содержаніе самой исповѣди не должно быть, по закону (ст. 704 У. у. с.), предметомъ свидѣтельскаго показанія. Исповѣдная тайна ограждается закономъ настолько, что даже на судѣ, ради раскрытія преступленія, священникъ не имѣетъ права ее обнаружить, но свое мнѣніе о преступленіи можетъ имѣть каждый. Когда одинъ изъ журналистовъ, Г. І. Клепацкій, присутствовавшій на дѣлѣ Бейлиса и дававшій объ этомъ дѣлѣ отчетъ, попросилъ затѣмъ отца Федора Сенькевича написать ему свое мнѣніе объ убійствѣ Ющинскаго, отецъ Сенькевичъ, въ письмѣ отъ 16 ноября 1913 года, написалъ объ Андрюшѣ такъ:

«Его нѣтъ на свѣтѣ. Въ холодной могилѣ мирно поживаетъ главный свидѣтель по этому зловѣщему дѣлу. Мирно онъ спитъ, съ его очей, по слову Божію, отерта теперь всякая слеза, но кровь его непрестанно вопіетъ къ Богу вмѣстѣ съ кровью другихъ христіанъ-мучениковъ: «Доколѣ, Владыко Святыи и Истинный, не судишь и не мстишь живущимъ на землѣ за кровь нашу». (Откр. І. Б., гл. 6, ст. 10).

Впрочемъ не всѣмъ своимъ тѣломъ этотъ свидѣтель въ землѣ. Часть его внутреннихъ, обезкровленныхъ органовъ, а также черепъ покойнаго предлежали во все время

процесса на судѣ, передъ глазами судей, присяжныхъ засѣдателей и самого виновника печальнаго процесса, будя въ послѣднемъ слѣды уснувшей совѣсти.

И не разъ, лишь заходить на судѣ рѣчь о подробностяхъ преступленія, о мученіяхъ бѣдной жертвы въ рукахъ изверговъ-мучителей, подсудимый плачетъ, ему становится дурно, и конвойные солдаты уводятъ его изъ залы суда на время, пока придетъ въ себя.

Нѣтъ на свѣтѣ и другихъ весьма важныхъ свидѣтелей по дѣлу. Они бы раскрыли его передъ чловѣчествомъ, но неумолимая, роковая смерть прежде времени смежила имъ очи.

Многимъ придетъ по этому случаю въ голову вопросъ: зачѣмъ такъ случилось, почему Господь попустилъ умереть главнымъ свидѣтелямъ и такимъ образомъ какъ бы отнять у людей возможность непосредственнаго изобличенія преступника? Это же обстоятельство, повидимому, создало болѣе благопріятную почву для распространенія всесвѣтной лжи и клеветы, а также для подкупа и иныхъ преступленій, которыми такъ изобиловало это дѣло и все время сопровождалось со стороны евреевъ.

Вотъ посильный отвѣтъ на этотъ вопросъ:

Давно уже многіе и многіе, именуемые русскіе люди, перешли на сторону враговъ Христа—іудеевъ, перешли и не чувствуютъ, что вмѣстѣ съ такимъ переходомъ они позорятъ свое русское имя, идутъ противъ своей матери-церкви, запрещающей всякое общеніе христіанъ съ іудеями подъ страхомъ церковнаго отлученія, наконецъ ведутъ этимъ путемъ Россію къ вѣрной исторической гибели, если, разумѣется, не будутъ остановлены твердой рукой, рѣшительнымъ противодѣйствіемъ здравомыслящей части русскаго общества.

Въ дѣлѣ Бейлиса недостатокъ свидѣтелей-очевидцевъ преступленія вызвалъ къ жизни вопросъ несравненно большей важности, чѣмъ вопросъ о виновности Бейлиса. Выдвинуть вопросъ объ историческомъ, ритуальномъ злодѣяніи жидовскаго народа, и мы видимъ, что на судѣ раздались открыто голоса ученѣйшихъ и весьма авторитетныхъ лицъ, стяжавшихъ большое имя въ наукѣ, за существованіе у евреевъ ритуала вытачиванія крови изъ

христіанскихъ дѣтей для своихъ гнусныхъ религіозныхъ цѣлей.

Подтверждены эти мнѣнія ссылками на разные историческіе документы и ученія сочиненія. Поэтому, отнынѣ, благодаря безпристрастному русскому суду, вопросъ о ритуалѣ у евреевъ, несомнѣнно, получилъ новое освѣщеніе, какое онъ имѣлъ до сихъ поръ только въ глазахъ отдѣльныхъ изслѣдователей, а не передъ лицомъ цѣлаго свѣта. Это — побѣда христіанъ и весьма важная на пути спасенія человѣчества отъ разрушительнаго дѣйствія сообщества съ евреями и довѣрія къ нимъ.

Спаси, Господи, христіанъ отъ жидовъ и дай имъ силы въ борьбѣ съ послѣдними одержать побѣду, дабы не погибло нравственно и исторически наше дорогое отечество.

Священникъ Ѳеодоръ Сенькевичъ».

Письмо это было предано гласности въ книгѣ Юрія Бартошевича «Судъ надъ кіевскими вампирами» (Петроградъ, 1914, стр. 169).

Такое мнѣніе вынесъ изъ процесса исповѣдывавшій Женю о. Ѳеодоръ Сенькевичъ.

Относительно причинъ смерти Жени Красовскій сейчасъ же, не обинуясь, заявилъ, что, вѣроятно, де, отравила сына сама Чеберякова. Въ показаніи его Слѣдователю отъ 11 августа 1911 г., т. е. черезъ три дня послѣ Жениной смерти, читаемъ: «Докладывая Прокурору (Суда) о болѣзни Жени, я высказалъ подозрѣніе, что мать его вмѣстѣ съ другими лицами могла отравить Женю, желая избавиться отъ свидѣтеля, который многое знаетъ по дѣлу объ убійствѣ Ющинскаго... На Лукьяновкѣ ходятъ упорные слухи, что Женя Чеберяковъ отравленъ матерью».

Пріемъ заподозриванія упрощенъ до послѣдней степени... Нѣтъ даже излюбленной у Красовскаго ссылки, что «это мною установлено». «Всѣ на Лукьяновкѣ говорятъ» — и довольно. Для Чеберяковой, молъ, при ея репутаціи, хватить. Есть, правда, статья закона, воспреещающая свидѣтелю повторять слухи, неизвѣстно отъ кого исходящіе, но если слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ тѣмъ не менѣе включаетъ ихъ въ свой протоколъ, то при чемъ же тутъ свидѣтель? А то обстоятельство,

что даже Красовскій ничего, кромѣ слуховъ, противъ Чеберяковой здѣсь привести не сумѣлъ, объясняется просто: почувствовалъ себя Женя нехорошо въ то время, когда Чеберякова уже нѣсколько дней сидѣла подъ стражей. Заболѣвшаго въ ея отсутствіе сына она увидѣла лишь за нѣсколько часовъ до его смерти, когда онъ уже былъ въ безнадежномъ состояніи, а около неотступно стояли сыщики, посланные тѣмъ же Красовскимъ, — это онъ самъ подтверждаетъ въ своемъ показаніи. При такихъ условіяхъ, если бы даже у Чеберяковой явилась столь же чудовищная, сколь и трудно объяснимая мысль: немедленно послѣ ареста Бейлиса отравить собственного сына, то, во всякомъ случаѣ, должно признать, что болѣзнь и смерть Жени произошли безъ всякаго участія его матери. Отсюда полная невозможность выставить противъ Чеберяковой, какъ отравительницы сына, хоть какія-либо улики, но свалить подозрѣніе на злодѣйку—Чеберякову было не менѣе важно, чѣмъ потомъ заявить, что Андрюшу убивали у нея на квартирѣ.

Отсюда такая послѣдшность Красовскаго, ссылающагося хотя бы на лукьяновскіе слухи, за неимѣніемъ ничего другого.

Поведеніе Чеберяковой въ послѣднія минуты ея сына тоже пробуютъ изобразить, какъ улику противъ матери. Она, будто бы, «замыкала Женѣ уста поцѣлуями»... Такими пріемами изъ области психологіи можно какое угодно «поведеніе» обернуть, какъ улику: когда мать цѣлуетъ умирающаго сына, то она, видите ли, старается «поцѣлуями замкнуть уста». А если бы мать не цѣловала! О, тогда была бы сугубая улика: посмотрите, молъ, на этого изверга, у него не нашлось даже поцѣлуя для отходящаго въ вѣчность ребенка!

При жизни сына Чеберякова, несомнѣнно, старалась, чтобы онъ никому не рассказывалъ того, что зналъ про Андрюшу, но когда Женя умиралъ, то, повидимому, взяли верхъ другія чувства, столь присущія всякой матери, даже порочной, даже преступной: родители поспѣшили пригласить священника, чтобы исповѣдывать и причастить Женю. Если бы Чеберякова видѣла въ смерти сына только избавленіе отъ опаснаго свидѣтеля, еще не проболтавшагося, но всегда могущаго проболтаться, едва ли такая рѣшительная и не стѣснявшаяся въ средствахъ женщина, какъ она, стала бы звать духовника. Еще нѣсколько часовъ, и опасная тайна будетъ погребена навѣки... Между тѣмъ, на исповѣди умирающій мальчикъ откроетъ свою душу и, несмотря

на его смерть, опасность раскрытія тайны не уменьшится, а возрастетъ. Правда, священникъ, даже въ судѣ, не имѣетъ права обнаружить признанія, сдѣланнаго ему на духу, но крайне сомнительно, чтобы Чеберяковой было извѣстно отношеніе закона къ исповѣдной тайнѣ, да, наконецъ, какъ легко ребенокъ могъ послѣ исповѣди повторить открыто то, что онъ сказалъ втайнѣ всего нѣсколько минутъ тому назадъ.

Если, тѣмъ не менѣе, священникъ былъ приглашенъ, то для обвиненія Чеберяковой, будто даже въ послѣднія минуты единственнаго сына она думала не о своей утратѣ, а о томъ, какъ бы опасный свидѣтель не проболтался,—нужны данныя покрѣпче одной психологіи и слуховъ, распускаемыхъ неизвѣстно кѣмъ по Лукьяновкѣ.

Согласно актамъ судебно-медицинскаго вскрытія и химико-микроскопическаго изслѣдованія, смерть Жени Чеберякова послѣдовала отъ остро-заразной болѣзни дизентеріи, называемой иначе кровавымъ поносомъ. Что касается причины, отъ которой появилась эта болѣзнь, то Василій Чеберяковъ сначала указалъ на зеленыя, неспѣлыя груши, которыя часто ѣлъ его сынъ, но затѣмъ, на судѣ, объяснилъ иное: послѣ ареста его жены, дѣти остались безъ всякаго призора, такъ какъ онъ самъ, въ качествѣ телеграфнаго чиновника, былъ все время на службѣ. Каждый день къ дѣтямъ стали являться сыщики—Красовскій и его помощники Выграновъ, Полищукъ иногда даже по два, три раза на день. Когда затѣмъ Василій Чеберяковъ началъ спрашивать уже заболѣвшаго сына: «Женичка, не можешь ли припомнить, послѣ чего тебѣ худо стало?»—онъ отвѣтилъ: «Мнѣ припоминается, что тогда, когда я съѣлъ принесенное Красовскимъ пирожное, мнѣ нехорошо стало». Затѣмъ Женья началъ просить: «Папочка, скажи имъ, чтобы они перестали бывать, потому что намъ отъ этого не лучше, а хуже становится». «Я говорилъ тогда Красовскому, — показываетъ далѣе свидѣтель, обтирая слезы, — имѣйте совѣсть... Дѣти нездоровы... Вамъ ихъ болѣзнь извѣстна... Они васъ стѣсняются»... Впослѣдствіи Василій Чеберяковъ обратился съ разпросами относительно пирожнаго къ Полищuku и тотъ подтвердилъ, что пирожныя приносились.

Самъ Полищукъ, командированный сначала въ помощь Красовскому, но затѣмъ Красовскимъ отъ розысковъ отстраненный, на судѣ, на вопросъ предсѣдателя: «знаетъ ли онъ, отчего

заболѣлъ Женья?»—отвѣтилъ: «Я только могу подозрѣвать, что мальчикъ заболѣлъ и умеръ вслѣдствіе того, что ему дали поѣсть пирожнаго».

Изъ дальнѣйшаго допроса Полищука выяснилось, что Красовскій завелъ угощеніе дѣтей-Чеберяковыхъ пирожными, указывая, что такимъ путемъ будетъ пріобрѣтено расположеніе дѣтей и получены отъ нихъ болѣе откровенныя показанія. Однажды Красовскій, въ отсутствіе родителей, привезъ дѣтямъ-Чеберяковымъ такихъ пирожныхъ и оставилъ, попросивъ покушать. Женья заболѣлъ послѣ этого въ ту же ночь.

Согласно экспертизѣ профессора Косоротова, противъ которой въ этой ея части другіе эксперты не возражали, можно считать установленнымъ съ несомнѣнностью, что Женья умеръ отъ кроваваго поноса, отъ дизентеріи. Главное условіе, которое требуется для этой болѣзни—зараза, заразное начало. Дизентерійный микробъ, дизентерійныя «палочки» были обнаружены въ испражненіяхъ Жени. Попасть въ организмъ они могутъ различно, чаще всего въ тѣхъ продуктахъ, которые употребляются въ пищу—могли быть такими продуктами и груши, и пирожное.

Возможно ли дизентерійными палочками нарочно заразить данный продуктъ?

— Да, возможно. Дизентерійныя палочки находятся въ испражненіяхъ. Изъ испражнений легко добыть этотъ матеріалъ.

А возможно ли *установить*, что болѣзнь произошла отъ продукта, *умышленно* зараженнаго?

— Нѣтъ, невозможно. Картина болѣзни не измѣнится отъ того, попала зараза на продуктъ случайно или умышленно.

— Есть ли основанія утверждать, или допускать, что въ случаѣ съ Женей Чеберяковымъ было отравленіе?

— Какъ экспертъ, никоимъ образомъ этого вопроса не могу разрѣшить ни въ ту, ни въ другую сторону.

Въ такомъ же смыслѣ профессоръ Косоротовъ отвѣтилъ и на вопросъ защиты: «Насколько прививку дизентерійныхъ палочекъ можно считать удачно выбраннымъ способомъ для того, чтобы кого-либо уничтожить».

Оба эти вопроса были признаны профессоромъ выходящими за предѣлы научной, судебно-медицинской экспертизы.

Такъ же отнесся Д. П. Косоротовъ къ вопросу, предложенному затѣмъ мною: «Насколько искусственное зараженіе дизентеріей безспорный способъ для того, чтобы отравить совершенно

незамѣтно, не возбуждая никакихъ подозрѣній въ томъ, что человекъ отравленъ? Если такова цѣль у преступника—не вызвать подозрѣній—то искусственное зараженіе дизентеріей пригодный для этого способъ?

— Вторая часть вопроса не имѣетъ, собственно, отношенія къ эксперту—отвѣчалъ Д. П. Косоротовъ,—могу только сказать, что отъ прививки получается такая же болѣзнь: искусственная она или естественная, знать нельзя.

Такимъ образомъ, умеръ ли Женя естественною или насильственною смертію, другими словами, заболѣлъ ли онъ кровавымъ поносомъ случайно, или былъ зараженъ умышленно, нарочно—этотъ гнетущій вопросъ остался неразрѣшеннымъ. Экспертиза оказалась бессильною на него отвѣтить, ибо картина болѣзни не зависитъ отъ того, какимъ путемъ попала въ организмъ дизентеріальная зараза. Рука отравителя не оставляетъ здѣсь слѣдовъ, которые могли бы быть распознаны наукой, а что касается свидѣтелей, то, конечно, рассказъ ихъ о пирожныхъ, которыми потчевалъ дѣтей Красовскій и послѣ которыхъ Женя, будто бы, почувствовалъ себя нехорошо—еще недостаточенъ для какихъ-либо выводовъ. Остаются лишь совпаденія, которыя нельзя не признать роковыми: главный по дѣлу свидѣтель, упорно не желавшій сказать то, что онъ знаетъ, заболѣлъ и умеръ какъ разъ тогда, когда совершенно внезапно былъ привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго и взятъ подъ стражу Мендель Бейлисъ, т. е. когда слѣдствіе вполне опредѣленно повернуло на путь ритуального убійства. Этотъ главный свидѣтель, Женя Чеберяковъ, заболѣлъ кровавымъ поносомъ тогда, когда внезапно остался безъ всякаго присмотра родителей и, заболѣвъ, жаловался, что ему сдѣлалось нехорошо послѣ пирожныхъ, принесенныхъ завѣдующимъ розысками Красовскимъ, по мнѣнію котораго убійство Андрюши Ющинскаго есть «обыкновенное убійство обыкновенныхъ преступниковъ изъ мести».

Послѣ загадочной смерти Жени началось усиленное сближеніе съ Чеберяковой Бразуля-Брушковскаго и Выгранова, уволеннаго къ этому времени отъ официальныхъ розысковъ и перешедшаго на роль «сыщика-добровольца». Чуть ли не ежедневно Бразуль и Выграновъ посѣщали Чеберякову, пока, въ декабрѣ 1911 года, не сочли почву достаточно подготовленной для харьковской поѣздки. Не взирая на то, что таковая кончилась очевидной неудачей, трогательное «довѣріе» къ Чеберяко-

вой продолжается: 18 января 1912 г. Бразуль подаетъ прокурору заявленіе, гдѣ убійство Ющинскаго приписывается Мифле и Назаренкѣ, а Чеберякова указана, какъ главная свидѣтельница и разоблачительница. Даже послѣ полнѣйшаго провала этой «версіи» продолжаютъ ресторанныя свиданія Чеберяковой съ Бразулемъ, Выграновымъ и Красовскимъ, тоже уволеннымъ и тоже вступившимъ въ ряды «сыщиковъ-добровольцевъ».

Только въ маѣ 1912 года, когда предварительное слѣдствіе давно закончилось, обвинительный актъ былъ утвержденъ и судъ надъ Бейлисомъ сталъ дѣломъ самаго близкаго будущаго, только тогда, когда никакого другого исхода не оставалось, «разслѣдователи-добровольцы» выступили съ обвиненіемъ Чеберяковой, съ «чеберяковской версіей».

Дѣло было обращено къ дослѣдованію, поступило въ руки новаго слѣдователя—Н. А. Машкевича и тогда впервые, 13 августа 1912 г., была допрошена десятилѣтняя Людмила Чеберякова.

Люда показала слѣдователю, а затѣмъ подтвердила въ общемъ и на судѣ, что приблизительно за недѣлю до того, какъ нашли Андрюшу убитымъ, онъ, рано утромъ, часовъ въ восемь, заглянулъ къ нимъ, Чеберяковымъ, и сталъ звать дѣтей кататься на мяло. Собрались она, Валя, Женья, ея подруга Дуня Наконечная и, кажется, Назаръ Заруцкій, впрочемъ, этого она твердо не помнитъ. Пришли на заводъ не по улицѣ, а черезъ дыру въ заборѣ. Выбрали мяло подальше отъ дома, гдѣ жилъ Мендель. Дѣвочки сѣли на одномъ концѣ бревна, мальчики на другомъ. Когда во время катанья бревно на мялѣ повернулось такъ, что дѣвочки очутились ближе къ забору, онѣ увидѣли, что съ противоположнаго направленія бѣжитъ къ мальчикамъ Мендель Бейлисъ и еще два человѣка. Дѣвочкамъ, за которыми, впрочемъ, никто и не гнался, легко было убѣжать къ забору и пробраться черезъ дыру къ себѣ во дворъ, а Женю и Андрюшу Мендель поймалъ. Женья какъ-то вывернулся и убѣжалъ, Андрюшу же Бейлисъ сталъ тянуть за руку по направленію къ нижней печи. Люда такъ перепугалась, что поспѣшила домой, а Валя, которая была меньше и не могла такъ скоро бѣжать, оставалась тамъ еще нѣкоторое время и потомъ говорила Людѣ, что видѣла, какъ Мендель, торговецъ сѣномъ и старый еврей потащили Андрюшу къ печкѣ. Когда дѣти рассказали объ этомъ матери, та сказала, чтобы не смѣли ходить на за-

водъ, такъ какъ они, можетъ быть, дѣлаютъ тамъ какія-нибудь пакости и Мендель когда-нибудь надеретъ имъ уши, а то и выбьетъ. Раньше они, Чеберяковы, брали ежедневно у Бейлиса молоко. Однажды, когда еще былъ снѣгъ, она, Люда, пошла съ Женей къ Бейлисамъ за молокомъ. Вошли въ коридоръ; Женя шелъ впереди. Онъ заглянулъ въ комнату, гдѣ жена Бейлиса готовила всегда обѣдъ, и вдругъ, какъ бы испугавшись чего, повернулъ назадъ. Тогда заглянула туда же Люда и увидѣла въ комнатѣ, сосѣдней съ той, гдѣ жена Бейлиса варила обѣдъ, двухъ какихъ-то старыхъ евреевъ съ длинными бородами. На головахъ у нихъ были высокія шляпы изъ черной матеріи, на плечахъ черныя накидки. Оба бормотали что-то непонятное. Она, Люда, также испугалась и побѣжала вслѣдъ за Женей. Послѣ того дѣти уже боялись ходить къ Бейлисамъ и молоко стали брать въ другомъ мѣстѣ. Случилось это до происшествія на мялѣ, но за сколько времени — Люда опредѣлить не могла. Послѣ того, какъ трупъ Андрюши нашли въ пещерѣ, былъ такой случай, что въ гости къ ней, Людѣ, и къ Валѣ пришли дѣвочки Волощенковы и поздно засидѣлись, такъ что Люда даже уснула. Проснулась она отъ дѣтскаго шума и крика, причемъ оказалось, что когда дѣвочки Волощенковы собрались уходить, то впереди пошелъ Женя. Только что онъ вышелъ изъ дома, какъ наткнулся на двухъ человѣкъ, изъ которыхъ одинъ неожиданно схватилъ его. Женя вырвался и побѣжалъ обратно, незнакомецъ погнался за нимъ, но долженъ былъ прекратить погоню, такъ какъ бросились двѣ чеберяковскія собаки. Скоро собаки эти сдохли отъ неизвѣстной причины — повидимому, были отравлены.

Разсказъ Люды о погонѣ за Женей подтвердила старшая Волощенкова, одиннадцатилѣтняя Евгенія; младшая, девятилѣтняя Софья, объ этомъ спрошена не была.

Далѣе, все показаніе Людмилы Чеберяковой, въ цѣломъ, было подтверждено матерью ея, Вѣрою Чеберяковой, на допросахъ у слѣдователя отъ 11—13 іюля 1912 г. и отцомъ, Василиемъ Чеберяковымъ, допрошеннымъ ранѣе. Оба и на судѣ, подъ присягою, удостовѣрили все изложенное, со словъ не только Люды, но также умершихъ Жени и Вали. Василий Чеберяковъ добавилъ, что случай, когда Женя и Люда натолкнулись въ квартирѣ Бейлиса на странныхъ евреевъ, произошелъ

незадолго до обнаруженія Андрюшинаго трупѣ—приблизительно за недѣлю ¹⁾).

Такимъ образомъ, мы имѣемъ прямое показаніе свидѣтеля-очевидца, Людмилы Чеберяковой, не оставляющее никакого сомнѣнія—если оно достовѣрно—въ томъ, что убійство Андрюши произошло на заводѣ при участіи Менделя Бейлиса. Но въ томъ-то и вопросъ, можно ли считать это показаніе достовѣрнымъ? Какъ отнестись къ тому, на первый взглядъ очень сильному возраженію, что дѣвочка говоритъ по наущенію матери, а мать, вообще не заслуживающая довѣрія, старается такимъ путемъ выгородить самое себя и заодно отмстить тѣмъ, кто взводитъ на нее обвиненіе въ убійствѣ? Тогда и ссылка на Женю и Валю, которые, де, говорили родителямъ то же, что Люда—теряетъ свою доказательную силу.

Несомнѣнно, съ этимъ возраженіемъ надо серьезно считаться и, прежде всего, не брать показанія Людмилы Чеберяковой, какъ нѣкую безспорную истину, а подвергнуть подробному разбору: посмотрѣть, подтверждается, или опровергается оно дру-

¹⁾ На судѣ былъ довольно длинный разговоръ по поводу того, что въ домово́й книгѣ Зайцевскаго завода, за время, соответствовавшее, въ общемъ, убійству Ющинскаго, оказались прописанными нѣкіе Эттингеръ и Ландау. Возникло подозрѣніе, что это и есть тѣ два еврея страннаго вида, которыхъ дѣти Чеберяковы видѣли у Бейлиса и о которыхъ возникло предположеніе, что они участвовали въ убійствѣ. Мое мнѣніе, сложившееся еще до суда и на судѣ подтвердившееся, было въ томъ, что, разъ жи́ды пріѣхали на заводъ потайнымъ образомъ, то едва ли они будутъ по заводу *прописываться*, а если ужъ пропишутся, вынужденные обстоятельствами, то, конечно, именами не своими, а по чужимъ или подложнымъ паспортамъ, обзавестись которыми проще простого. Повидимому, я не ошибся, ибо защита представила объясненіе, что Эттингеръ и Ландау заграничные евреи, пріѣхавшіе къ Зайцевымъ, какъ къ родственникамъ, на побывку, а такъ какъ Зайцевы—люди богатые—жили въ одномъ изъ лучшихъ, центральныхъ участковъ г. Кіева—Дворцовомъ, гдѣ могутъ проживать только евреи, пользующіеся повсемѣстнымъ въ Россіи правомъ жительства, а Эттингеръ и Ландау, какъ іудеи иностранные, таковымъ правомъ не пользовались, то ихъ прописали якобы живущими на заводѣ, гдѣ въ районѣ Плоскаго полицейскаго участка, какъ окраиннаго, и иностранные евреи имѣли право жительства. Въ дѣйствительности же, прописавшись по заводу, Эттингеръ и Ландау жили вовсе не тамъ, а въ центрѣ города, на квартирѣ Зайцевыхъ. Въ числѣ другихъ доказательствъ, подтверждающихъ это объясненіе, явились изъ-за границы, въ качествѣ свидѣтелей, сами Эттингеръ и Ландау, на видъ евреи состоятельные и интеллигентные. Въ томъ, что не про нихъ говорили дѣти Чеберяковы—едва ли могло быть сомнѣніе.

гими безспорными обстоятельствами дѣла. Если вдвинуть въ самую середину столь сложныхъ уликъ и доказательствъ измышленное показаніе, то оно сейчасъ же себя выдастъ множествомъ непримиримыхъ противорѣчій, крупныхъ и принципиальныхъ, чему въ предшествующихъ главахъ было дано достаточно примѣровъ.

Съ другой стороны, если показаніе вполне согласуется съ такими обстоятельствами, которыя показывающему даже не были извѣстны, то это надежный залогъ его правдивости. Примѣнимъ этотъ способъ проверки въ дальнѣйшемъ изложеніи къ показанію Люды Чеберяковой, а пока обратимся къ вопросу, дѣйствительно ли оно продиктовано желаніемъ матери выгородить себя и отмстить своимъ изобличителямъ?

Отвѣтъ приходится дать отрицательный. Правда, показаніе Люды появилось въ августѣ 1912 г., т. е. *послѣ* «чеберяковской версіи», послѣ того, какъ разслѣдователи-добровольцы выдвинули противъ самой Чеберяковой обвиненіе въ убійствѣ, но прежде, чѣмъ была допрошена Люда, то, что Люда показала, удостовѣрилъ на слѣдовательскомъ допросѣ со словъ своихъ дѣтей Василій Чеберяковъ, и это случилось значительно *раньше* появленія «чеберяковской версіи». Таковое произошло *въ мартѣ* 1912 года, а Василій Чеберяковъ былъ допрошенъ 20 декабря 1911 года, когда не было еще ни дослѣдованія, ни перваго обвинительнаго акта, когда дѣло находилось въ производствѣ слѣдователя Фененки, а Вѣра Чеберякова состояла въ трогательной дружбѣ съ Выграновымъ и Бразулемъ, который переживалъ періодъ полного къ ней довѣрія. Вѣдь даже первая «бразулевская версія» о томъ, что убивали Мифле и Назаренко, версія, гдѣ Чеберякова обрисована благородной разоблачительницей, появилась 18 января 1912 года, т. е. почти мѣсяцъ спустя послѣ показанія, даннаго Василиемъ Чеберяковымъ. Слѣдовательно тогда, 20 декабря 1911 г., у Вѣры Чеберяковой и мысли быть не могло о самозащитѣ, о мести изобличителямъ, а между тѣмъ уже въ это время Василій Чеберяковъ, на первомъ и единственномъ допросѣ, который былъ сдѣланъ ему на предварительномъ слѣдствіи по дѣлу объ убійствѣ Андрюши Ющинскаго — прямо показалъ, ссылаясь на рассказъ своихъ дѣтей, и о томъ, какъ они видѣли у Бейлиса странныхъ евреевъ, и о томъ, какъ Андрюшу схватили жида во время катанія на мячѣ, и о томъ, какъ была погоня за Женей.

Свидѣтели, дающіе характеристику Чеберяковыхъ, тщательно отдѣляютъ Василю Чеберякова отъ его супруги. Отзываясь, почти поголовно, весьма нелестно о Вѣрѣ Чеберяковой, они совсѣмъ иначе говорятъ объ ея мужѣ, какъ о человѣкѣ порядочномъ, честномъ, труженикѣ, безусловно непричастномъ къ продѣлкамъ жены, но слабомъ, безвольномъ, подчинявшемся женѣ и очень мало бывавшемъ дома вслѣдствіе обязанностей своей службы. Если опорачивать показаніе такого свидѣтеля, то нужно же привести тому какія-либо вѣскія основанія. Если Люда въ августѣ 1912 г. давала свое показаніе по наущенію матери, то кто же наущалъ Василю Чеберякова воспроизвести тотъ же самый рассказъ слѣдователю въ декабрѣ 1911 г.? Правда, и этотъ срокъ довольно поздній, если принять во вниманіе, что убійство было въ мартѣ, но здѣсь Чеберяковы уже не виноваты. Почему, въ самомъ дѣлѣ, судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ Фененко не допросилъ вовсе Людмилы Чеберяковой, а такого важнаго свидѣтеля, какъ Василій Чеберяковъ, допросилъ только черезъ девять мѣсяцевъ послѣ начала слѣдствія и за двѣ недѣли до его окончанія?

Въ отношеніи десятилѣтней Людмилы Чеберяковой можетъ быть данъ, я полагаю, только одинъ отвѣтъ, что слѣдователь считалъ ее слишкомъ маленькой, малолѣтней, чтобы допрашивать. Однако, онъ счелъ нужнымъ допросить сестеръ Волощенковыхъ, изъ которыхъ Евгенія приблизительно на годъ старше Люды, а Софія—на нѣсколько мѣсяцевъ моложе. Этого мало, слѣдователь даже счелъ возможнымъ включить въ показаніе одиннадцатилѣтней Евгеніи Волощенковой фразу: «У насъ на Лукьяновкѣ всѣ говорятъ, что Чеберякова продала Андриюшу Ющинскаго жидамъ»,—хотя законъ прямо воспрещаетъ допрашивать свидѣтелей о слухахъ, неизвѣстно отъ кого исходящихъ. При такихъ условіяхъ трудно понять, почему слѣдователь, допрашивая одну дѣвочку даже о слухахъ, другую дѣвочку, ея сверстницу, не допрашиваетъ вовсе, хотя, по ходу слѣдствія, ясно, что она можетъ располагать свѣдѣніями гораздо большей цѣнности. Еще непонятнѣе, что такого свидѣтеля, какъ Василій Чеберяковъ, оставляютъ безъ вопроса девять мѣсяцевъ, послѣ чего, разумѣется, воспользоваться для раскрытія дѣла тѣми данными, которыя онъ сообщилъ, время было упущено.

Своевременное вниманіе къ столь важнымъ свидѣтелямъ, какъ Василій и Людмила Чеберяковы, помогло бы раскрытію

ВЪРА ЧЕБЕРЯКОВА съ мужѣмъ и дочерью Людмилою.

истины гораздо больше, чѣмъ записываніе слуховъ, ходившихъ по Лукьяновкѣ о Вѣрѣ Чеберяковой.

Ея роль въ дѣлѣ объ убійствѣ Ющинскаго до сихъ поръ является спорною и невыясненною. Конечно, бразудевское повѣствованіе о томъ, что Андрюшу убивала какая-то воровская чеберяковская шайка у самой Чеберяковой на квартирѣ — является сплошнымъ вздоромъ и невѣроятнымъ, и прямо-таки невозможнымъ, но, съ другой стороны, едва ли можно сомнѣваться, что именно Вѣра Чеберякова воздѣйствовала на Женю въ томъ направленіи, чтобы онъ упорно скрывалъ обстоятельства огромной важности, извѣстныя ему, какъ свидѣтелю очевидцу, и даже вовсе отрицалъ приходъ Андрюши на Лукьяновку утромъ 12 марта. Этого мало: установлено съ несомнѣнностью, что Андрюша вышелъ тогда изъ дома въ пальто, между тѣмъ видѣвшіе его на Лукьяновкѣ говорятъ, что онъ былъ безъ пальто. Куда же дѣвалось пальто, такъ и перозысканное? Напрашивается выводъ, что Андрюша, зайдя къ Чеберяковымъ, снялъ тамъ и оставилъ пальто, чтобы затѣмъ погулять или поиграть налегкѣ. Тогда, значить, Чеберякова, вмѣсто того, чтобы, по исчезновеніи мальчика, представить пальто властямъ, скрыла его или уничтожила... Такое предположеніе должно признать вполне допустимымъ, весьма правдоподобнымъ и соответствующимъ обстоятельствамъ дѣла. Не здѣсь ли корень слуховъ, что Чеберякова продала Андрюшу жидамъ? Слухъ не есть доказательство, ибо онъ голословенъ и не имѣетъ за собою фактическихъ данныхъ, но все же слухи бываютъ разные: тогда какъ одни явно-нелѣпы, другіе заставляютъ серьезно призадуматься. Лично я не думалъ и не думаю, чтобы, дѣйствительно, Чеберякова, заманивъ къ себѣ Андрюшу, передала мальчика жидамъ съ Зайцевскаго завода, предварительно уговорясь съ ними и получивъ за это плату. Однако я долженъ признать, что такой слухъ отнюдь нельзя признать нелѣпымъ, или явно противорѣчающимъ обстоятельствамъ дѣла. Нѣтъ, подобное предположеніе, правда не подкрѣпленное вовсе какими-либо доказательствами, ничего *фактически невозможнаго* въ себѣ не заключаетъ. Тѣмъ не менѣе я полагаю, что Чеберякова этого не дѣлала и вотъ почему: лица, задумывающія преступленіе, вводятъ въ свой планъ участниковъ лишь постольку, поскольку они необходимы. Была ли надобность убійцамъ Ющинскаго брать участницей Чеберякову? Нѣтъ, ибо, какъ будетъ доказано

послѣдующимъ изложеніемъ, заманить Андриюшу на заводъ жидамъ было не трудно помимо Чеберяковой. А разъ оказывалось возможнымъ обойтись безъ нея, то ужъ, конечно, лишняго человѣка вводить въ такое дѣло не стали бы. Далѣе, если Чеберякова «продала Андриюшу жидамъ», то за крупныя деньги. Гдѣ же ихъ слѣдъ? Жили Чеберяковы все время въ бѣдности, на какія-либо сколько-нибудь значительныя траты Чеберяковой нѣтъ никакихъ указаній, а предположеніе, что она до поры, до времени припрятала деньги въ кубышку, совершенно противорѣчитъ и ея характеру, и всему складу ея поведенія.

Такое объясняется, я полагаю, проще: Чеберякова должна была раньше многихъ догадаться, гдѣ и какъ убить Андриюша. Что ей дѣлать? Идти къ властямъ со своими догадками и съ подтверждающимъ эти догадки пальто? Она отлично понимала, что это—лучшій способъ нажить себѣ бездну непріятностей, больше того—подпасть самой подъ такія обвиненія, изъ которыхъ можно и не выпутаться. Полиція, съ первыхъ же шаговъ, въ своемъ желаніи оградить евреевъ и ствести отъ нихъ всякое подозрѣніе, схватила рѣшительно безъ всякихъ уликъ несчастную мать убитаго и въ это время Чеберякова, при ея репутациі, при ея знакомствахъ пойдетъ въ полицію заявлять на жидовъ! Она слишкомъ умна, чтобы не понять, какія отсюда проистекаютъ послѣдствія, и въ ней слишкомъ мало нравственныхъ началъ, чтобы ради нихъ она стала причинять себѣ вредъ въ погонѣ за истиной и справедливостью. А выгоды, свои интересы, расчетъ требовали, чтобы Чеберякова поступала именно такъ, какъ она и дѣйствовала: ни ей, молъ, ни Женѣ ни о чемъ не извѣстно... Ничего не знаемъ.

— А Ющинскій у васъ былъ?

— Какъ-то заходилъ, но давно, а когда—не помнимъ.

И замѣчательно, что, изобрѣтая во славу Израиля всевозможныя небылицы о томъ, кто и какъ убилъ Ющинскаго, изобрѣтатели тщательно обходятъ Чеберякову. Сажаютъ подъ стражу чуть не всѣхъ родственниковъ Андриюши, красятъ и завиваютъ Луку Приходьку, а о ней ни слова. Вродѣ взаимнаго страхованія: ты о насъ помолчи, а мы о тебѣ говорить не будемъ. Черезъ четыре съ половиной мѣсяца арестуютъ, наконецъ, Бейлиса, а немедленно всѣдъ затѣмъ загадочно умираетъ Женя. Однако и послѣ этого разслѣдователи-добровольцы стараются сохранить наилучшія отношенія съ Чеберяковой. Ее везутъ въ Харьковъ.

Она говоритъ, что для уговоровъ взять вину на себя и получить хорошія деньги. Разслѣдователи объясняютъ, что для какихъ-то другихъ цѣлей, достаточно, впрочемъ, непонятныхъ. Но вотъ чего нельзя отрицать и разслѣдователямъ, что даже послѣ харьковской поѣздки они дружатъ съ Чеберяковой и выдвигаютъ ее главной разоблачительницей въ новой и явно нелѣпой версіи о Мифле и Назаренкѣ.

Какое упорство въ поддержаніи добрыхъ отношеній, въ стараніи обойтись по-хорошему!

Противъ Чеберяковой пошли лишь тогда, когда ничего больше не оставалось, когда судъ надъ Бейлисомъ иначе былъ неминуемъ. Это было послѣднее средство, пущенное въ ходъ лишь въ маѣ 1912 года.

Такому образу дѣйствій, весьма характерному, были свои, очень вѣскія, основанія. Молчаніе Чеберяковой признавалось настолько цѣннымъ, что пренебречь имъ заставила только крайность и провалъ всѣхъ согласительныхъ предложеній.

Когда начали обвинять самое Чеберякову, она, разумѣется, перестала молчать, ибо молчаніе не давало больше выгодъ, не обезпечивало ея интересовъ. Она рассказала то, что знала, въ тѣхъ предѣлахъ, которые, по ея пониманію, не грозили ея собственной безопасности, какъ личности, заподозрѣнной въ убійствѣ.

Въ этой шахматной игрѣ все было послѣдовательно и стороны отвѣчали другъ другу тѣми ходами, которые требовались положеніемъ.

Во время процесса и послѣ него еврействующія газеты, съ пѣною у рта отрицавшія ритуаль, настаивавшія на непричастности жидовъ къ убійству Ющинскаго и на виновности Чеберяковой, приводили, между прочимъ, тотъ аргументъ, что, молъ, даже многіе, убѣжденные въ ритуальномъ характерѣ убійства, находятъ, что Чеберякова виновна. Если, де, въ этомъ сходятся люди противоположныхъ взглядовъ, то насколько, значить, эта виновность несомнѣнна!

Подкладку такого софизма не трудно обнаружить. Виновность виновности рознь. Законъ знаетъ весьма различныя формы виновности—сообщничество, укрывательство, попустительство, недоносительство и т. д. Нѣтъ виновности вообще, а есть лишь опредѣленная виновность въ опредѣленномъ дѣяніи, которое безусловно должно быть очерчено точными фактическими дан-

ными. Здѣсь и разгадка софизма. Въ чемъ именно виновна Чеберякова? Если въ томъ, что вмѣстѣ съ воровскою шайкою убивала Андрюшу у себя на квартирѣ, то, разумѣется, съ такимъ вздоромъ не согласится никто, признающій убійство Андрюши ритуальнымъ. Если же считать Чеберякову виновною въ томъ, что, заманивъ Андрюшу, выдала его за деньги жидамъ,—то противъ этого будетъ возражать всякій, отрицающій ритуаль. Оказывается, что одна виновность противорѣчитъ другой. Онѣ взаимно исключаютъ другъ друга, чѣмъ и рушатъ весь софизмъ. Въ самомъ дѣлѣ, разъ Чеберякова заманивала и потомъ выдала жидамъ Андрюшу—то, вѣдь, это лишь подтвержденіе, и очень сильное, что убійство было ритуальнымъ.

Какъ ни смотрѣть на Чеберяковыхъ, несомнѣнно, что у нихъ былъ ключъ къ раскрытію дѣла. Онъ долго, слишкомъ долго оставался подъ спудомъ. Если бы Судебный Слѣдователь допросилъ Василя Чеберякова не черезъ девять мѣсяцевъ, а черезъ девять дней послѣ приступа къ слѣдствію, если бы свѣдѣнія, сообщенныя Чеберяковымъ 20 декабря 1911 г., были въ распоряженіи слѣдственной власти при первыхъ шагахъ слѣдствія, если бы слѣдователь Фененко принялся своевременно и съ должной энергіей за ихъ провѣрку, если бы онъ вообще проявилъ побольше инициативы, а не перелagalъ бы ее всецѣло на Красовскаго, то весьма вѣроятно, что картина ритуальнаго убійства предстала бы на судѣ во всей своей полнотѣ и съ достаточнымъ количествомъ подсудимыхъ.

Несмотря, однако, на условія самыя неблагопріятныя, на страшную запоздалость такихъ основныхъ слѣдственныхъ дѣйствій, какъ допросъ Василя Чеберякова, осмотръ и обыскъ заводскихъ помѣщеній, успѣвшихъ сгорѣть за три дня до осмотра, на полное отсутствіе настоящаго полицейскаго розыска, направленнаго въ сторону ритуальнаго убійства,—разказъ Люды и Василя Чеберякова нашелъ себѣ въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ дѣла столь поразительное и неожиданное подтвержденіе, что мысль о придуманности этого разказа должна быть отброшена безповоротно.

Л у к ѣ я н о в к а.

Въ то время, какъ сотрудники «Кіевской Мысли» и разслѣдователи-добровольцы выдвигали одну «версію» за другою для отвлеченія подозрѣнія въ убійствѣ Ющинскаго отъ евреевъ, не менѣе энергичная дѣятельность все въ томъ же направленіи была развита среди обитателей Лукьяновки. Въ показаніи, данномъ Вѣрою Чеберяковою еще на предварительномъ слѣдствіи, 12 іюля 1912 г., она передаетъ слова Бразуля, что стоило большого труда «разсѣять» ту опасность, которая могла грозить Бейлису отъ показанія Лукьяновскихъ жителей. На вопросъ Чеберяковой, чѣмъ «разсѣяли», Бразуль отвѣтилъ: «Металлъ все сдѣлаетъ, да и Добжанскій теперь на нашей сторонѣ. Намъ удалось на Юрковицѣ многихъ склонить на свою сторону; если кто и знаетъ что, то изъ страха будетъ молчать».

На судѣ Владиміръ Голубевъ удостовѣрилъ, что въ 1913 году подъ осень, уже послѣ допроса его Слѣдователемъ, незадолго до слушанія дѣла, онъ, Голубевъ, вмѣстѣ съ другимъ членомъ общества «Двуглавый Орелъ», студентомъ Кіевского университета Александромъ Поздняковымъ, пройдя на Загоровщину, увидѣли около пещеры, гдѣ былъ найденъ Ющинскій, трехъ незнакомцевъ, распивавшихъ водку. Съ однимъ изъ нихъ у Голубева и Позднякова завязался разговоръ. Это оказался Добжанскій, содержатель мѣстной пивной лавки, человѣкъ, хорошо извѣстный на Лукьяновкѣ. Онъ сталъ звать студентовъ въ свою компанію выпить водки и налилъ стаканъ ихъ угостить, а когда тѣ отказались отъ угощенія, выпилъ самъ. Рѣчь зашла о дѣлѣ Бейлиса и Добжанскій заявилъ, что это его другъ, котораго ни въ какомъ случаѣ не осудятъ. «Самъ Марголинъ сказалъ, что Бейлисъ не виноватъ, и его не осудятъ», — такъ нѣсколько разъ повторилъ Добжанскій. На вопросъ Голубева: «А кто такой Марголинъ?» послѣдовалъ изумленный отвѣтъ Добжанскаго: «Какъ!? Вы Марголина не знаете! Значитъ, вы ничего не знаете!» «Во всемъ виновата Чеберякова», — такъ продолжалъ Добжанскій, — «хотите, я покажу вамъ дыру, черезъ которую трупъ вы-

несли?» Когда студенты согласились, онъ повелъ ихъ къ усадьбѣ Захарченки, гдѣ въ 1911 г. жила Чеберякова, и указалъ въ заборѣ, отдѣляющемъ усадьбу отъ Нагорной улицы, огромную дыру, которой раньше не было и черезъ которую, по выраженію Голубева, не то что трупъ, а возъ можно было провезти. Послѣ того, какъ Добжанскій нѣсколько разъ повторилъ, ссылаясь на Марголина, что виновата Чеберякова, а не Бейлисъ, что противъ Бейлиса нѣтъ уликъ, Голубевъ сказалъ, что, по его свѣдѣніямъ, улики есть, что на Бейлиса показываетъ Шаховскій, фонарщикъ.

— «Онъ измѣнилъ свое показаніе»,—возразилъ Добжанскій.

— «Измѣнилъ?»—переспросилъ его Голубевъ.

— «Измѣнить»,—послѣдовалъ отвѣтъ Добжанскаго:—«мы его здорово побили; всѣмъ, кто будетъ противъ Бейлиса показывать, придется плохо».

Студентъ Александръ Поздняковъ, вполне подтверждая показаніе Голубева, привелъ, между прочимъ, такую фразу Добжанскаго: «Дуракъ этотъ фонарщикъ—своего человѣка топить; мы его выручать должны — а онъ его топить»,—и, нѣсколько спустя, Добжанскій началъ хвастать, что они избили Шаховскаго и тотъ больше противъ Бейлиса показывать не будетъ.

На очной ставкѣ съ Голубевымъ и Поздняковымъ, Добжанскій не отрицалъ своей встрѣчи съ ними около пещеры, гдѣ онъ съ двумя товарищами распивалъ водку. По словамъ Добжанскаго, зашелъ разговоръ объ убійствѣ Ющинскаго, и студенты говорили, что Ющинскій замученъ евреями, а онъ, Добжанскій, и его товарищи это оспаривали, причемъ одинъ изъ товарищей будто бы даже сказалъ: «Какъ евреи? Я знаю, что Ющинскій лежалъ въ коврѣ три дня подъ диваномъ у Чеберяковой». Потомъ пошли осматривать дыру въ заборѣ усадьбы Захарченки, однако никакого разговора ни о Шаховскомъ, ни о Марголинѣ не было. Онъ, Добжанскій, Марголина совершенно не знаетъ и даже про него никогда и не слыхивалъ.

Вообще, упоминаніе о Марголинѣ особенно дѣйствовало на свидѣтеля и подъ конецъ очной ставки онъ, совершенно потерявъ самообладаніе и побагровѣвъ, началъ кричать на Позднякова: «Что вы говорите?! Въ первый разъ слышу о Марголинѣ! Ничего подобнаго не знаю! Понятія о Марголинѣ не имѣю!».

— «Свидѣтель Добжанскій, ведите себя прилично»,—унималъ его Предсѣдатель.

Помимо того довѣрія, которое внушали Голубевъ и Поздняковъ своею личностью, помимо совершенно несомнѣннаго впечатлѣнія, которое получилось отъ очной ставки двухъ студентовъ съ содержателемъ пивной лавки Добжанскимъ, заявленіе сего послѣдняго, что онъ, давнишній кievскій житель, столь освѣдомленный въ дѣлѣ Бейлиса, слыхомъ не слыхалъ про Марголина—представлялось само по себѣ невѣроятнымъ, а потому защита не замедлила и этому свидѣтелю протянуть руку помощи, какъ она ее въ свое время протягивала, на примѣръ, Вышемирскому.

— «Свидѣтель», — обратился къ Добжанскому Зарудный, — «вы вотъ говорили, что Марголина не знаете. А не читали ли вы въ газетахъ объ убійствѣ Ющинскаго?».

Добжанскій. Читалъ.

Зарудный. Не читали ли въ газетахъ, что Марголинъ принимаетъ какое-то участіе въ розыскахъ?

Добжанскій. Можетъ быть и читалъ, но сейчасъ не помню. Не одно это у меня въ головѣ.

Зарудный. Такъ что возможно, что вы читали о Марголинѣ и могли рассказать г.г. Позднякову и Голубеву? Припомните!

Увы, и сей свидѣтель руки помощи принимать не пожелалъ...

Добжанскій. Ничего подобнаго не говорилъ.

Зарудный. Не о томъ, что Марголинъ лично вамъ сказалъ а о томъ, что вы читали въ газетахъ?

Вѣдь уже, кажется, разжевано и въ ротъ положено, но что подѣлаешь съ упрямымъ человѣкомъ. «Нѣтъ — отвѣчалъ Добжанскій—о Марголинѣ ничего не читалъ, а если, можетъ быть и читалъ, то не помню».

Предсѣдатель. Вы не слышали этой фамиліи?

Добжанскій. Не слышалъ.

Предсѣдатель. Про Марголина вы первый разъ услышали здѣсь? Раньше не слышали?

Добжанскій. Нѣтъ, не слыхалъ.

Предсѣдатель. Вы дыру не указывали?

Добжанскій. Не помню, можетъ быть и показывалъ, а можетъ быть и нѣтъ.

Зарудный. Давно эта дыра существуетъ?

Добжанскій. Да. Какъ домъ стоитъ.

Предсѣдатель. А вы слышали — студентъ говорилъ, что, когда онъ послѣ убійства осматривалъ заборъ, тогда этой дыры не было?

Добжанскій. Всегда была такая дыра. Я живу тамъ — знаю.

Предсѣдатель. Такъ что студентъ ошибается, а вы говорите намъ всю правду?

Добжанскій. Да.

Если очной ставкой и перекрестнымъ допросомъ достаточно выяснилось, на чьей сторонѣ правда въ вопросѣ о разговорѣ про Марголина, то съ неменьшею очевидностью обнаружилось это и въ отношеніи Шаховскаго.

Началось съ того, что въ первый же день суда, когда судебное засѣданіе только открывалось съ предварительной провѣрки явившихся и неявившихся свидѣтелей, было доложено суду, что вышла задержка изъ-за свидѣтелей Шаховскихъ, мужа и жены, которые въ судъ не явились, хотя, по свѣдѣніямъ полиціи, находятся въ Кіевѣ. Далѣе, стало извѣстно, что чины полиціи, прибывъ на квартиру Шаховскаго, дабы разузнать о причинѣ его неявки, удостовѣрились, что Шаховскіе дома, но, просто-напросто, отказываются идти въ судъ, не хотятъ. Только послѣ весьма настоятельныхъ «приглашеній» со стороны полиціи, они, наконецъ, были доставлены въ судебное засѣданіе, куда прибыли съ большимъ запозданіемъ. Показаніе свое суду Казиміръ Шаховскій, маленькій, взъерошенный, тщедушный и загнанный человѣчекъ, давалъ крайне неохотно. Объяснилъ, что незадолго до суда, когда онъ зажигалъ въ глухомъ мѣстѣ фонарь, его окружили нѣсколько человѣкъ и сильно избили. «Хорошо подъ бокъ дали», — жаловался прерывающимся голосомъ свидѣтель: — «хоть теперь трубку приставьте».

— За что же били?

— За то, что я говорилъ... насчетъ того...

— Насчетъ чего? (*Молчаніе*). Насчетъ Бейлиса?

Шаховскій долго молчалъ, наконецъ отвѣтилъ: «Не могу знать».

По его словамъ, какъ только обнаружилось, что онъ располагаетъ важными свѣдѣніями по дѣлу Ющинскаго, къ нему начали ежедневно ходить сыщики и его спаивать. «Когда они меня совсѣмъ запутали, тогда оставили», — выразился Шаховскій. Всѣ попытки добиться отъ него на судѣ болѣе опредѣ-

ленныхъ отвѣтовъ, привели къ тому, что наконецъ, послѣ долгаго отмалчиванья, онъ, на одинъ изъ вопросовъ г. Предсѣдателя, заявилъ: «Мнѣ свѣтъ милѣй...» и больше ничего не отвѣтилъ.

По существу, свидѣтель и на судѣ далъ такое же показаніе, какъ на шести допросахъ, учиненныхъ ему Слѣдователемъ: онъ удостовѣрилъ, что 12 марта 1911 г. утромъ встрѣтился около Зайцевскаго завода съ Андрюшей и Женей, а потомъ, дня черезъ четыре, слышалъ отъ Жени, что въ тотъ разъ Женя и Авдюша пошли кататься на заводское мяло и тамъ ихъ «спугнули», но *кто*, согласно Жениному разсказу, «спугнулъ»: Бейлисъ ли, или просто «мужчина съ черной бородой», или вообще «незнакомый человѣкъ» — этого такъ и нельзя было узнать отъ Шаховскаго, всячески здѣсь отмалчивавшагося.

Кромѣ семьи Чеберяковыхъ, Шаховскій былъ единственнымъ изъ Лукьяновскихъ жителей, давшимъ показаніе, опасное Бейлису. О томъ, что произошло съ семьей Чеберяковыхъ — изложено въ предшествующей главѣ. Достаточно было взглянуть на Шаховскаго, дабы убѣдиться, что и ему доля выпала не сладкая. Въ побояхъ, нанесенныхъ Шаховскому, и въ причинѣ, по которой они наносились, — сомнѣваться не приходится.

Совершенно иного характера было показаніе другого Лукьяновскаго жителя, Михаила Наконечнаго. По прозвищу «лягушка», по ремеслу сапожникъ, занимавшійся, однако, не только шитьемъ сапогъ, но также писаніемъ прошеній и дачею разнообразныхъ «юридическихъ совѣтовъ», Наконечный, въ противоположность Шаховскому, говорилъ очень много, бойко, самоувѣренно, отнюдь не обнаруживая смущенія или страха, и очень опредѣленно сводя свое показаніе въ пользу Бейлиса.

Какъ упомянуто въ предшествующей главѣ, Люда Чеберякова, рассказывая о томъ, какъ она 12 марта 1911 г. каталась на мялѣ съ Андрюшей, Женей и Валею, упомянула, что въ ихъ компаніи была и Дуня Наконечная — дочь Михаила Наконечнаго. Сей послѣдній по этому поводу объяснилъ суду, что дочь сообщила ему послѣ слѣдовательскаго допроса о ссылкѣ, сдѣланной на нее Людою, однако, онъ, Михаилъ Наконечный, «прямо сказалъ тогда, что этого никогда не могло бы быть, потому что тамъ существовалъ заборъ». Свидѣтель пояснилъ далѣе, что, какъ онъ хорошо знаетъ и твердо помнитъ, заборъ этотъ былъ поставленъ въ ноябрь 1910 г. и «дѣти туда не могли

проникнуть», да и вообще «такой заборъ былъ не только на этой границѣ усадьбы Зайцевыхъ, но и на всѣхъ границахъ». Раньше дѣти часто катались на мялѣ—но все это происходило до ноября 1910 года, а послѣ—не катались.

Такимъ образомъ, столь важное показаніе Людмилы Чеберяковой опровергалось со стороны Наконечнаго самымъ рѣшительнымъ образомъ на основаніи факта, какъ будто непрерываемаго: нельзя было кататься, ибо тому препятствовалъ недавно построенный заборъ.

Если свѣдѣнія Наконечнаго о заборѣ вѣрны, то, конечно, такую улику, какъ рассказъ очевидицы, должно было бы признать разрушенною.

Однако, что говорятъ намъ о состояніи забора другіе свидѣтели?

Шаховскій, жившій тамъ же, по сосѣдству, удостовѣряетъ категорически, что заборъ, отдѣлявшій усадьбу Захарченки отъ Зайцевскаго завода, находился въ мартѣ 1911 г. въ полуразрушенномъ состояніи и проходъ былъ свободный. Но допустимъ, что Шаховскій ошибается или говоритъ неправду: почему Шаховскому вѣрить больше, чѣмъ Наконечному?

Однако, и Панчукъ, и Дыкуша, показанія которыхъ приведены выше, во второй главѣ, опровергаютъ Наконечнаго. Мало того, Голубевъ, нарочно осматривавшій послѣ обнаруженія убійства тамошніе заборы, далъ показаніе, вполне согласное съ Шаховскимъ.

Этого мало: Красовскій, самъ Красовскій, правда, въ первомъ своемъ показаніи, отъ 29 іюля 1911 года, когда онъ еще высказывалъ Слѣдователю свое «мнѣніе», что убійство «скорѣе всего было совершено въ (заводской) печи»—объ интересующемъ насъ заборѣ заявилъ буквально такъ: «Усадьба, въ которой проживаетъ Чеберякова (т. е. усадьба Захарченки), граничитъ съ усадьбой Зайцевскаго завода, причѣмъ заборъ, отдѣляющій эти двѣ усадьбы, былъ поломанъ и въ усадьбу Зайцева изъ усадьбы, гдѣ жила Чеберякова, не только можно было пройти въ мартѣ мѣсяцѣ, но и проѣхать».

Если, однако, даже все изложенное признать недостаточно убѣдительнымъ, то имѣется еще показаніе нѣкоего Степана Васильева, котораго ни единый человѣкъ ни въ чемъ плохомъ не заподозрилъ и который служилъ въ усадьбѣ Захарченки

дворникомъ, т. е., уже въ силу сего обстоятельства, несомнѣнно, вполне освѣдомленъ по такому вопросу, какъ состояніе забора усадьбы.

Ко времени суда Васильевъ умеръ, но на предварительномъ слѣдствіи былъ допрошенъ 18 іюля 1911 г. и показалъ: «Усадьба, гдѣ я живу, отдѣляется отъ усадьбы Зайцевскаго завода высокимъ заборомъ. Заборъ этотъ Зайцевъ ремонтировалъ послѣ Пасхи въ этомъ году, а до этого времени въ заборѣ было очень много дырокъ такой величины, что черезъ нихъ можно было не только пройти, но и проѣхать. Такимъ образомъ, изъ нашей усадьбы въ заводскую усадьбу ходъ былъ совершенно свободный».

Послѣ такого показанія едва ли можетъ быть сомнѣніе, что Наконечный о заборѣ говорилъ неправду. А надо было слышать, какимъ тономъ заявлялъ свидѣтель, что у него «есть доля порядочности», что «изъ-за легкомысленнаго отношенія можетъ невинно пострадать человѣкъ», и въ подкрѣпленіе своихъ словъ ссылался даже на могилу матери: онъ, де, «на Пасху 1911 года хотѣлъ туда пройти и нельзя было—заборъ существовалъ».

Разъ на судѣ сказана неправда, то надлежитъ искать цѣль, для которой это сдѣлано. Въ показаніи Наконечнаго ее не трудно найти, ибо самъ свидѣтель поясняетъ, что всѣ его соображенія относительно забора возникли, какъ отвѣтъ, какъ возраженіе на ссылку Люды Чеберяковой, что, де, Дуня Наконечная каталась на мялѣ вмѣстѣ съ нею, когда пропалъ Андрюша. Такимъ образомъ, цѣль ясна—доказать, что подобнаго катанья не было и *не могло* быть, что Люда выдумываетъ.

Это естественно обращаетъ насъ къ вопросу: а что же говоритъ о катаніи сама Дуня?

Она была допрошена Судебнымъ Слѣдователемъ Машкевичемъ 16 августа 1912 года и показала:

«Андрюшу Ющинскаго я знала и когда онъ жилъ на Юрковицѣ, то я часто съ нимъ и другими мальчиками и дѣвочками гуляла на Загоровщинѣ и катались на заводскихъ мялахъ. Когда Андрюша перебрался на Слободку, то я его видѣла очень рѣдко, всего два раза, насколько помню. Одинъ разъ я его видѣла на Рождествѣ передъ тѣмъ, какъ его убили... Второй разъ я видѣла Андрюшу уже въ постъ передъ Пасхой въ

прошломъ году. Когда именно это было, я не помню... Кто былъ тогда еще съ нами, кромѣ указанныхъ мною лицъ, я не помню... Мы пошли на мяло черезъ усадьбу Захарченки, въ которой жили Чеберяковы. Тамъ въ заборъ было много дырокъ, черезъ которыя можно было пройти на заводъ... Я не помню, какъ долго мы катались, и не помню, чтобы насъ кто-нибудь тогда гналъ съ мяла и кричалъ на насъ за то, что мы катаемся на мялѣ. Насколько помню, мы тогда съ мяла пошли обратно во дворъ Захарченки, гдѣ и продолжали гулять...».

Показаніе, заслуживающее самаго серьезнаго вниманія. Съ одной стороны, Дуня Наконечная какъ будто опровергаетъ показаніе Людѣ Чеберяковой—не было, де, такого случая, чтобы насъ гнали съ мяла, чтобы Андриюшу преслѣдовали и схватили жиды. Съ другой стороны, однако, свидѣтельница не могла отрицать, что «въ постъ передъ Пасхой» было общее катаніе на мялѣ, съ участіемъ и дѣтей Чеберяковыхъ и Андриюши. Но предшествующимъ изложеніемъ твердо установлено, что Великимъ Постомъ 1911 года Андриюша былъ на Лукьяновкѣ только одинъ разъ—именно въ роковой для него день 12 марта. Слѣдовательно, рассказъ Дуни можетъ относиться только къ этому числу, и ни къ какому большѣ. Значитъ, свидѣтельница, хотя и противорѣчитъ Людмилѣ Чеберяковой, но въ то же время закрѣпляетъ улику громадной важности: 12 марта, послѣ встрѣчи съ дѣтьми Чеберяковыми, Андриюша пошелъ вмѣстѣ съ ними на заводскую усадьбу, на мяло. Мною было подробно разобрано соотношеніе времени, та чрезвычайная краткость срока, которая отдѣляетъ моментъ, когда Андриюшу видѣли на Верхней Юрковицѣ, около монополии, отъ того момента, когда онъ уже былъ во власти убійцы. Здѣсь важны каждая пять минутъ и потому тотъ фактъ, что Андриюша и Женя, послѣ своей встрѣчи, собрали цѣлую компанію ребятъ, съ которой пошли на заводское мяло—приобрѣтаетъ рѣшающее значеніе и опредѣляетъ безповоротно, на основаніи *исчисления времени* (о другихъ основаніяхъ пока не говоримъ), что Андриюша попалъ въ руки убійцы именно на заводской усадьбѣ и нигдѣ большѣ. Такимъ образомъ, повторяю, хотя показаніе, данное Слѣдователю Дунею Наконечною, какъ будто опровергаетъ Людѣ, хотя въ этомъ показаніи *прямо*, непосредственно, рѣчи одного слова, уличающаго жидовъ, не сказано, тѣмъ не менѣе, путемъ *вывода*, на первый взглядъ даже незамѣтнаго, показаніе даетъ страшную противъ

нихъ улику, ибо, если про Люду говорятъ, что ее показывать *противъ* жидовъ научили родители, то, вѣдь, Дуня въ *этомъ направленіи*, конечно, родителями не научена—остается разобратъся, не было ли на нее воздѣйствія въ направленіи *обратномъ*. Отмѣтимъ кстаги, что по вопросу о знаменитомъ заборѣ показаніе, данное Слѣдователю Дуней, только подчеркиваетъ ту неправду, которую сказалъ на судѣ отецъ Дуни, ибо она также, какъ и Шаховскій, и Голубевъ, и Красовскій, и дворникъ Васильевъ, удостовѣрила Слѣдователю, что передъ Пасхой заборъ былъ дырявый и никакого препятствія Михаилу Наконечному ходить на могилу матери представить не могъ.

На судѣ Дуня Наконечная производила тяжелое впечатлѣніе. Она не рѣшалась отрицать своего показанія, даннаго Слѣдователю, но и не смѣла подтвердить таковое, а говорила лишь, что забыла, не знаетъ, не можетъ припомнить.

Зато отецъ ея не терялъ увѣренности и принялся объяснять суду, что, молъ, «дочь у меня неразвита: она не могла принять во вниманіе, о чемъ Слѣдователь ее спрашивалъ... Она говоритъ, что ей Богъ на душу положить».

Относительно забора Дуня начала говорить суду уже иное, чѣмъ на предварительномъ слѣдствіи: что былъ построенъ новый заборъ (о которомъ, однако, она Слѣдователю не упоминала), послужившій полнымъ препятствіемъ для катаній на мялѣ. До постройки этого забора дѣти катались, послѣ постройки перестали кататься—заборъ мѣшалъ.

Итакъ, вмѣсто противорѣчія, бывшаго раньше въ этомъ вопросѣ между показаніями отца и дочери, теперь оказалось, что «неразвита» дочь, прежде говорившая то, «что Богъ на душу положить» и «не принимавшая во вниманіе, о чемъ ее спрашиваютъ», — теперь исправилась, развилась, приняла это во вниманіе и стала уже скорѣе подтверждать, чѣмъ опровергать показаніе отца—поскольку такой поворотъ былъ возможенъ при наличности перваго показанія свидѣтельницы, запроколенного Слѣдователемъ.

Не лишенъ интереса допросъ другого участника катаній на мялѣ—одиннадцатилѣтняго мальчика Заруцкаго. Относительно него Люда Чеберякова показала, что, *кажется*, онъ участвовалъ въ томъ катаніи, на которомъ жида схватили Андрюшу, но навѣрное не помнитъ. Назаръ Заруцкій съ самаго начала отрицалъ это обстоятельство. Онъ показалъ Слѣдователю, что «на

мялѣ катался всего два раза: я боюсь кататься, такъ какъ оттуда можно упасть. Оба раза катался съ Женей. Съ Андрюшей никогда не катался».

На судѣ Заруцкій, продолжая утверждать, что его не было на томъ катаніи, о которомъ рассказываетъ Люда, въ другой части показанія существенно измѣнилъ свои первоначальныя слова. О боязни кататься, о томъ, что онъ катался всего два раза—мальчикъ на судѣ даже не упомянулъ, напротивъ, сталъ утверждать, что въ компаніи другихъ дѣтей часто катался на заводскомъ мялѣ, но лишь до опредѣленнаго момента—до того, какъ поставили новый заборъ. Послѣ сооруженія новаго забора—о которомъ, однако, Слѣдователю Заруцкій не сказалъ ни слова—сразу прекратилось катаніе.

Это свидѣтель утверждалъ суду съ настойчивостью, которая невольно обращала вниманіе въ такомъ маленькомъ мальчикѣ.

— Раньше часто катались, а когда загородили—перестали кататься—упорно твердилъ онъ.

Несомнѣнно, и здѣсь скрывалась какая-то неправда: если по первоначальному объясненію мальчика онъ вообще почти не катался изъ боязни упасть, а согласно его послѣдующему заявленію онъ катался часто, пока не появилось тому препятствіе въ видѣ новаго забора,—то, очевидно, одно изъ этихъ двухъ объясненій (если не оба) измышлено, не соответствуетъ дѣйствительности. А неправда, вымыселъ въ свидѣтельскихъ показаніяхъ почти всегда появляются не случайно, а вслѣдствіе причинъ, достаточно серьезныхъ.

И вотъ, сопоставляя показанія Назара Заруцкаго и Дуни Наконечной, какъ между собою, такъ съ показаніемъ Михаила Наконечнаго, мы видимъ, что у Слѣдователя и Дуни, и Назаръ дали совершенно различныя показанія. На судѣ таковыя были измышлены и вдругъ совпали между собою въ обстоятельствѣ и совершенно новомъ, и явно противорѣчащемъ тому, что и одинъ и другой свидѣтель говорили раньше—совпали въ разсказѣ о заборѣ, будто бы мѣшавшемъ кататься на мялѣ. Это обстоятельство, совершенно новое въ устахъ обоихъ малолѣтнихъ свидѣтелей и противорѣчащее ихъ первоначальному разсказу, въ свою очередь совпало съ утвержденіями отца одной изъ нихъ—Михаила Наконечнаго, а его утвержденія о заборѣ во-первыхъ оказались неправдою—какъ это незыблемо доказано предшествующимъ изложеніемъ; во-вторыхъ, были приведены

съ явною цѣлью, которую свидѣтель даже не считъ нужнымъ скрывать,—съ цѣлью опровергнуть уличавшее Бейлиса показаніе Людѣ Чеберяковой—той Людѣ, которая сама сослалась на Дуню и Назара.

Эта цѣль фактовъ неумолимо приводитъ насъ къ вопросу: неужели такое совпаденіе неправды въ показаніяхъ Назара и Дуни возможно, если ихъ кто-нибудь не научилъ? А если научилъ, то кто именно? Какъ объяснить, что произошло это въ отношеніи тѣхъ измышленныхъ обстоятельствъ, изъ которыхъ Михаилъ Наконечный постарался создать такой доводъ, который всецѣло опрокидывалъ бы громадную улику, заключавшуюся въ показаніи Людмилы Чеберяковой? И если задаться этою цѣлью—разрушить показаніе Людѣ,—то развѣ однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ для того способовъ не представляются показанія тѣхъ ея сверстниковъ, на которыхъ она же сама сослалась?

Значеніе свидѣтеля Михаила Наконечнаго въ дѣлѣ Бейлиса очерчено всѣмъ изложеннымъ, я полагаю, достаточно.

Огромное вліяніе, которое могутъ имѣть родители на показанія своихъ малолѣтнихъ дѣтей, понятно всякому. Что показаніе Наконечнаго на судѣ всецѣло клонилось въ пользу Бейлиса—оспаривать не приходится. Какой, однако, переворотъ произошелъ бы въ дѣлѣ при обратномъ положеніи! Представимъ себѣ, что дочь Наконечнаго, Дуня, подтвердила бы рассказъ Людмилы Чеберяковой, удостовѣрила бы, что, дѣйствительно, при ней, на ея глазахъ, утромъ 12 марта 1911 года, во время катанія на мячъ, Андрюша былъ схваченъ жидами, потащившими его вглубь заводской усадьбы. Предположимъ, далѣе, что самъ Михаилъ Наконечный подкрѣпилъ бы такой рассказъ своею дочерію заявленіемъ, что она тогда же все это сообщала ему, отцу. Каково было бы при такихъ условіяхъ положеніе Бейлиса?

Установивъ роль и значеніе свидѣтеля Наконечнаго, надлежитъ перейти къ весьма важной уликѣ противъ подсудимаго, подкрѣпляемой доказательствомъ документальнаго характера. Когда Бейлисъ во время предварительнаго слѣдствія содержался подъ стражею, то въ одной съ нимъ камерѣ помѣщался другой арестантъ, Казаченко. Въ ноябрѣ 1911 года онъ былъ судомъ оправданъ, вслѣдствіе чего подлежалъ немедленному освобожденію. Когда Казаченко уже выходилъ изъ тюрьмы, то

тюремному надзирателю Омельяновскому удалось захватить у него записку, подписанную Бейлисомъ, въ которой, какъ это занесено въ обвинительный актъ, было написано: «Дорогая жена, человекъ, который отдастъ тебѣ эту записку, прими, какъ своего... Онъ можетъ тебѣ очень много помочь въ дѣлѣ моемъ; скажи ему, кто на меня еще показываетъ ложно. Почему никто не хлопочетъ?.. Я чувствую, что не выдержу въ тюрьмѣ, если мнѣ придется еще сидѣть... Если этотъ человекъ попроситъ отъ тебя денегъ, ты ему дай на расходъ, который нуженъ будетъ... Это враги мои, которые на меня ложно показываютъ»...

Какъ выяснилось, письмо это, по просьбѣ Бейлиса и подъ его диктовку, написалъ арестантъ Пухальскій, а Бейлисъ, подписавъ письмо, собственноручно добавилъ: «небеспокойся на это человекъ можно надеичи такъ какъ и самъ». Кроме того въ письмѣ упоминается, что въ тюрьму пріѣзжалъ присяжный повѣренный Виленскій, который хочетъ защищать его, Бейлиса, бесплатно:

Допрошенный Судебнымъ Слѣдователемъ Фененкою 23 ноября 1911 г. въ качествѣ свидѣтеля, Иванъ Петровъ Казаченко показалъ, что, сидя въ тюрьмѣ вмѣстѣ съ Бейлисомъ и относясь къ нему хорошо, сталъ пользоваться его довѣріемъ. Въ убійствѣ Ющинскаго Бейлисъ не сознавался, но говорилъ, что, если его осудятъ, то пострадаетъ вся еврейская нація. Затѣмъ Бейлисъ началъ уговаривать Казаченку отравить свидѣтелей «Фонарщика» и «Лягушку». Онъ, Казаченко, «на такое предложеніе Бейлиса изъявилъ свое согласіе, но, конечно, этого не сдѣлалъ бы, такъ какъ не хочетъ, чтобы жидъ пилъ русскую кровь». Тогда Бейлисъ сказалъ, что на расходы по такому его порученію дали бы рублей триста — четыреста, а то и пятьсотъ, въ случаѣ же удачи — столько денегъ, что хватило бы на всю жизнь. Деньги дала бы «вся еврейская нація». Для этого въ запискѣ Бейлиса къ женѣ и было написано: «Ты ему дай на расходъ, который нуженъ будетъ». Расправиться съ «Лягушкой» и «Фонарщикомъ» Бейлисъ совѣтовалъ посредствомъ стрихнина, который положить въ водку, а достанутъ и дадутъ ему, Казаченкѣ, стрихнинъ изъ больницы, которая есть въ усадьбѣ Зайцевскаго завода.

На судъ Казаченко не явился за нерозыскомъ, такимъ образомъ судить о степени достовѣрности его показанія по лич-

ному впечатлѣнію, производимому свидѣтелемъ, не пришлось. Изъ прошлаго Казаченки для такого сужденія матеріала тоже было недостаточно. Правда, онъ разъ судился—за грабежъ, но въ ноябрѣ 1911 г. въ этомъ оправданъ. Для опороченія Казаченки защитой былъ вызванъ спеціальнѣйшій свидѣтель, Синява, но онъ показалъ лишь, что на какой-то свадьбѣ Казаченко собирался бить жидовъ и что, будто бы, взялъ у него, Синявы, въ долгъ три рубля и не отдалъ—данныя, мало опредѣляющія, насколько достовѣрно свидѣтельское показаніе.

Итакъ, для рѣшенія этого вопроса приходится обратиться все къ тому же способу, къ которому мы обращались и раньше: къ выясненію, насколько данное показаніе соотвѣтствуетъ или, наоборотъ, противорѣчитъ несомнѣннымъ обстоятельствамъ дѣла? Если предположить, что свидѣтель выдумалъ, то можно ли было такъ выдумать?

Для этого нужно прежде всего сопоставить показаніе Казаченки съ письмомъ, которое несомнѣнно исходитъ отъ Бейлиса. Подобныя письма, посылаемыя арестантами «на волю» не черезъ тюремное начальство, а контрабанднымъ путемъ, имѣютъ свои общія черты, проходящія красною нитью въ огромномъ ихъ большинствѣ. Арестантъ отлично понимаетъ и всегда твердо помнитъ, что подобное письмо, несмотря на самый усовершенствованный и потайной способъ его пересылки, можетъ быть перехвачено и попасть въ руки властей. Отсюда всегдашнее стараніе тѣ секретныя свѣдѣнія и порученія, ради которыхъ обыкновенно посылается письмо, изложить въ формѣ настолько замаскированной, чтобы, въ случаѣ неудачи, въ случаѣ обнаруженія письма, оно причинило вреда возможно меньше. Другими словами, задача выражается въ томъ, чтобы лицо, коему письмо посылается, поняло, чего отъ него въ письмѣ ждутъ, требуютъ, начальство же не могло бы понять, а если бы и стало догадываться, то чтобы у арестанта осталась возможность истолковать письмо на невинный манеръ, для себя безвредный.

Таковы общія «правила» сего рода писемъ, хотя и допускающія, разумѣется, исключенія, которыя бывають среди всякихъ правилъ.

Главная цѣль разсматриваемаго письма очевидна: разсѣять въ женѣ недовѣріе, которое у нея естественно возникнетъ къ незнакомому человѣку, убѣдить жену, что на этого незнакомца она можетъ спокойно положиться. Не довольствуясь тѣмъ, что

пишетъ другой арестантъ подь его диктовку, Бейлисъ самъ выводитъ каракулями, чтобы на Казаченку надѣялись «такъ, какъ и самъ».

Письмомъ Казаченко рекомендуетъ, какъ лицо, которое можетъ «много помочь въ дѣлѣ». Надо сообщить ему, «кто еще показываетъ ложно», и дать денегъ «на расходъ, который нуженъ будетъ». А тѣ, кто «показываетъ на меня ложно» — это «враги мои» — считаетъ нужнымъ пояснить въ письмѣ Бейлисъ. Упоминаетъ онъ въ письмѣ и о присяжномъ повѣренномъ Виленскомъ, какъ о своемъ будущемъ бесплатномъ защитникѣ, но мы знаемъ изъ предшествующаго изложенія, что Маркъ Виленскій — тотъ «Мара», о которомъ писалъ Феофилактовъ — сыгралъ въ дѣлѣ Бейлиса иную роль: защитникомъ онъ не выступалъ, но былъ тѣмъ кассиромъ, который завѣдывалъ выдачами свыше пятидесяти рублей.

Итакъ, наличность странныхъ, загадочныхъ мѣстъ и совпадений въ письмѣ едва ли можно оспаривать. Въ чемъ, напримеръ, долженствовалъ заключаться «расходъ, который нуженъ будетъ», требовавшій, чтобы жена Бейлиса давала деньги Казаченкѣ?

При такихъ условіяхъ надлежитъ признать, что, если Казаченко выдумалъ, сочинилъ свой разговоръ съ Бейлисомъ, то, во всякомъ случаѣ, онъ очень ловко, искусно подогналъ его къ тексту письма. Но вотъ что далѣе изумительно и совершенно необъяснимо: Казаченко прямо указалъ тѣхъ двухъ свидѣтелей, которыхъ поручилъ ему отравить Бейлисъ, указалъ даже не по фамиліямъ, ибо фамиліи Бейлисомъ не были названы, а по прозвищамъ, именно такъ, какъ были извѣстны эти люди на Лукьяновкѣ — Фонарщикъ и Лягушка. Насколько былъ обезпокоенъ бейлисовскій лагерь показаніемъ фонарщика — Шаховскаго — стало на судѣ очевиднымъ послѣ того, какъ раскрылась исторія съ Добжанскимъ и было удостовѣрено, что несчастнаго Шаховскаго незадолго до суда избили. Надо признать, что безпокойство было не напраснымъ, ибо, конечно, показаніе фонарщика могло представлять очень серьезную улику противъ Бейлиса. Что касается «Лягушки», свидѣтеля Михаила Наконечнаго, отца «неразвитой» Дуни Наконечной, то его роль тоже нами выяснена. Если задаться вопросомъ, кто изъ свидѣтелей являлись самыми важными, самыми опасными Бейлису, то, безспорно, надлежитъ отвѣтить: самые важные свидѣтели —

это дѣти Чеберяковы, особенно Женя. Они, всѣ трое, немедленно послѣ ареста Бейлиса, въ августѣ 1911 г., тяжело заболѣли отъ неизвѣстной причины и двое, въ томъ числѣ Женя, умерли, а третья, Люда, неожиданно уцѣлѣла, выздоровѣла.

Непосредственно вслѣдъ за дѣтьми Чеберяковыми, по степени важности показаній и опасности ихъ для Бейлиса, идутъ, конечно, Шаховскій и Наконечные. И вотъ, именно о Фонарщикѣ и Лягушкѣ говоритъ совершенно незнающій ихъ Казаченко, какъ о тѣхъ двухъ свидѣтеляхъ, которыхъ поручалъ ему отравить Бейлиса. Исторія съ бейлисовскимъ письмомъ произошла въ ноябрѣ 1911 года, когда сейчасъ же и состоялся допросъ Казаченки, а рассказъ Чеберяковскихъ дѣтей сталъ достояніемъ предварительнаго слѣдствія только 20 декабря 1911 г., когда былъ допрошенъ Василий Чеберяковъ, роль же Наконечныхъ начала выясняться еще гораздо позднѣе, къ осени 1912 года.

Если предполагать, что Казаченко свое показаніе выдумалъ и сочинилъ, то оказывается, что онъ не только приспособился къ настоящему, подогнавъ свой рассказъ съ выдающимся искусствомъ и ловкостью къ письму Бейлиса, но сверхъестественно провидѣлъ будущее, ибо располагать свѣдѣніями о томъ, какое значеніе имѣютъ для дѣла Фонарщикъ и Лягушка, почему какъ разъ этихъ двухъ лицъ имѣлъ основаніе Бейлиса опасаться—сидѣвшій въ тюрьмѣ Казаченко въ ноябрѣ 1911 года знать не могъ, выяснилось это лишь впоследствии.

Рассказъ Казаченки выдумать было невозможно. Едва ли и Чеберякова была въ состояніи измыслить тѣ слова, приведенныя въ началѣ главы, которыя, по ея удостовѣренію, сказалъ ей о лукьяновскихъ жителяхъ Бразуль. Опасность, которая могла грозить Бейлису отъ показаній этихъ жителей, несомнѣнно «разсѣялась». Женя и Валя Чеберяковы умерли. Избитый, перепуганный «Фонарщикъ» бормоталъ на судѣ, что ему «свѣтъ милѣй». Добжанскій и Наконечный дали показанія, Бейлису вполне благопріятныя...

«Намъ удалось многихъ на Юрковицѣ склонить на свою сторону... И Добжанскій теперь на нашей сторонѣ... Если кто и знаетъ что, то изъ страха будетъ молчать»...

Это предсказаніе, о которомъ Чеберякова, со словъ Бразуля, сообщила Слѣдователю больше, чѣмъ за годъ до суда, исполнилось на судѣ въ полной мѣрѣ.

X.

Заводъ Зайцева.

Дѣятельность Зайцевскаго завода, какъ всякаго крупнаго кирпичнаго производства, рѣзко дѣлилась, въ теченіе года, на два періода—лѣтній и зимній. Лѣтомъ шли усиленныя работы какъ по выдѣлкѣ, обжиганію кирпича, такъ по его вывозкѣ. На заводъ съѣзжались многочисленныя артели не только кіевскихъ, но черниговскихъ и даже моголевскихъ рабочихъ, работавшихъ сдѣльно и, въ большинствѣ, своими лошадьми. Число лошадей на заводѣ доходило до 80, даже до 90. Начиналось такое оживленіе со второй половины марта или съ первыхъ чиселъ апрѣля, въ зависимости отъ хода весны и начала строительнаго сезона. Заканчивалось съ окончаніемъ этого сезона, поздною осенью, при наступленіи холодовъ. Жизнь на заводѣ замирала: оставалось лишь нѣсколько постоянныхъ служащихъ и поденныхъ рабочихъ. Лошадей распродавали. Какъ упомянуто во второй главѣ, жилыя постройки завода были расположены, главнымъ образомъ, по Кирилловской улицѣ,—тамъ же помѣщались благотворительныя еврейскія учрежденія, основанныя или самимъ Іоной Мордковымъ Зайцевымъ, или въ его память—богадѣльня, хирургическая больница. За интересующій насъ періодъ времени—съ осени 1910 года до весны 1911 г.—въ Зайцевскихъ помѣщеніяхъ, выходившихъ на Кирилловскую улицу, изъ заводскихъ служащихъ жилъ управляющій заводомъ Хаимъ Дубовикъ съ двумя помощниками: братомъ, Мордкой Дубовикомъ и Бенціономъ Шлемовымъ Заславскимъ, дворникъ Павелъ Панчукъ и человекъ пять-шесть остававшихся на зиму рабочихъ, русскихъ.

Съ противоположной стороны Зайцевской усадьбы, выходя на Верхнюю Юрковицу, былъ расположенъ домъ, въ верхнемъ этажѣ котораго жилъ съ семьей Мендель Бейлисъ, завѣдывавшій отпускомъ кирпича. Въ подвальномъ этажѣ помѣщался помощникъ Бейлиса, Мошка Чернобыльскій. Остальная часть подвального этажа предназначалась для рабочихъ и лѣтомъ ихъ скоплялось въ немъ нѣсколько десятковъ, но на зиму оставалось два—три. Зимой 1910—1911 года тамъ жили трое—Иларіонъ Шидловскій,

Максимъ Алексѣевъ и Максимъ Воробьевъ. Отъ строеній, расположенныхъ по Кирилловской улицѣ, до дома, гдѣ жилъ, на Верхней Юрковицѣ, Бейлисъ, значительно больше версты, въ чемъ не трудно убѣдиться по плану (см. стр. 24—25), принявъ въ расчетъ, что вся усадьба занимаетъ свыше десяти десятинъ.

На огромномъ пространствѣ между домомъ Бейлиса и строениями по Кирилловской улицѣ, отчасти пустопорожнемъ, отчасти занятомъ навѣсами для кирпичей, мялами и двумя кирпиче-обжигательными печами, находилось только одно жилое помѣщеніе. почти посерединѣ была расположена большая конюшня, гдѣ могло стоять до 80 лошадей, и тутъ же, подъ одной крышей, квартира изъ трехъ комнатъ, гдѣ лѣтомъ устраивалась шорная мастерская. Вдоль всего этого строенія, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, тянулся деревянный сарайчикъ. Зимой 1910—1911 года описанная конюшня стояла пустою—по крайней мѣрѣ, въ дѣлѣ нѣтъ ни единого указанія, чтобы въ ней, къ марту 1911 года, продолжали стоять тѣ нѣсколько лошадей, которыя не были распроданы съ осени, а оставались для заводскихъ надобностей на всю зиму. Очевидно, этихъ лошадей, въ виду ихъ малаго количества, было удобнѣе перевести или на Кирилловскую улицу или на Верхнюю Юрковицу. Въ жиломъ помѣщеніи рядомъ съ конюшней жилъ служащій по кирпичнымъ подрядамъ Юдка Прицкеръ. По вопросу о времени его выбытія оттуда, у свидѣтелей-евреевъ оказалось разнорѣчіе, невольно останавливающее вниманіе. Допрошенный Слѣдователемъ очень скоро послѣ привлеченія Бейлиса, 17 августа 1911 г., Бенціонъ Заславскій показалъ, что, «если не ошибаюсь, Прицкеръ выбрался изъ завода числа 20 марта» (день обнаруженія трупа Ющинскаго).

Почти такъ же показалъ допрошенный вслѣдъ затѣмъ, 18 августа 1911 г., Хаимъ Дубовикъ: «Прицкеръ уѣхалъ изъ завода приблизительно 18 марта»—т. е., значить, въ день убійства Ющинскаго, 12 марта 1911 г., Прицкеръ еще жилъ въ помѣщеніи рядомъ съ конюшнею.

Допрошенный Слѣдователемъ нѣсколько позже, 7 октября 1911 г., Мошка Чернобыльскій показалъ менѣе опредѣленно, что «Прицкеръ уѣхалъ изъ завода незадолго до еврейской Пасхи»—а еврейская Пасха была въ 1911 году 27 марта.

Однако, самъ Прицкеръ, допрошенный еще позже, 10 октября 1911 г., удостовѣрилъ совсѣмъ иное: «Около трехъ лѣтъ я служилъ въ заводѣ Зайцева... Жилъ я все время въ помѣщеніи,

находящемся рядомъ съ конюшнею, подъ одною крышею съ этой послѣдней. Службу въ заводѣ я оставилъ 10 января этого года и 5 февраля, вмѣстѣ со своей семьей, уѣхалъ изъ завода. Кто жилъ въ моей бывшей квартирѣ послѣ моего отъѣзда, я не знаю и была ли тамъ шорная мастерская, сказать не могу».

Почему же Хаимъ Дубовикъ и Бенціонъ Заславскій, въ такомъ согласіи между собою, утверждали Слѣдователю, что Прицкеръ выѣхалъ не въ первыхъ числахъ февраля, а во второй половинѣ марта?

Впрочемъ, на судѣ они уже измѣнили свои показанія, согласовавъ ихъ съ утвержденіями Прицкера и заявляя, что сей послѣдній уѣхалъ съ завода отнюдь не въ мартѣ, а, кажется, въ февралѣ или даже въ январѣ. Соответственно такому повороту и Мошка Чернобыльскій пояснилъ суду, что слова свои въ слѣдственномъ протоколѣ, опредѣляющія отъѣздъ Прицкера «незадолго до еврейской Пасхи»—надо понимать въ томъ смыслѣ, что это произошло мѣсяца за полтора передъ Пасхою, т. е. опять-таки въ февралѣ.

Итакъ, жившій на заводѣ, въ помѣщеніи около конюшни, Юдка Прицкеръ вдругъ уѣхалъ оттуда или за мѣсяць съ небольшимъ до убійства Ющинскаго, зимою, въ началѣ февраля, или сейчасъ же послѣ убійства, причемъ вопросъ о времени его отъѣзда вызвалъ у свидѣтелей-евреевъ несомнѣнную заминку и неправду въ показаніяхъ, хотя и прикрытую, насколько было возможно, осторожностью выраженій. Оказывается, такимъ образомъ, одно изъ двухъ: или конюшня и жилое помѣщеніе рядомъ съ конюшнею были во время убійства Ющинскаго совершенно необитаемы, или, если тамъ кто либо и жилъ, то Прицкеръ. Никого изъ христіанъ, во всякомъ случаѣ, не жило. О расположеніи конюшни, жилого помѣщенія при ней и вытянувшася вдоль сарайчика было говорено достаточно: они стояли въ совершенно глухомъ мѣстѣ, на краю обрыва. Ни отъ заводскихъ построекъ, находящихся на Кирилловской улицѣ, ни отъ заводскихъ построекъ съ Верхней Юрковицы нельзя было ни видѣть, ни слышать, что тамъ дѣлается за дальностью разстоянія и пересѣченностью мѣстности.

Относительно шорной работы было установлено, что съ 1911 года шорникомъ на заводѣ былъ Берка Гулько, работавшій въ помѣщеніи на Кирилловской улицѣ, рядомъ съ дворницкой, въ которой жилъ Павелъ Панчукъ. Ночевать Гулько ухо-

диль къ себѣ на квартиру, въ заводской усадьбы. По его словамъ, онъ такъ работалъ до среднихъ чиселъ февраля, когда вовсе прекратилъ работу на заводѣ и пересталъ туда ходить. Снова приступилъ къ заводской работѣ въ первыхъ числахъ апрѣля, но уже въ другомъ помѣщеніи—не на Кирилловской улицѣ, а рядомъ съ конюшней. Проработалъ тамъ до начала мая, послѣ чего Дубовикъ рассчиталъ его и взялъ русскаго шорника, Емельяна Горбатку. Уходя, Гулько на заводѣ оставилъ мѣшокъ со своими шорницкими инструментами, въ числѣ которыхъ было четыре шила, швайки. Этотъ мѣшокъ взяла полиція осенью 1911 г. въ квартирѣ, расположенной при конюшнѣ. Ни одно изъ четырехъ шилъ, оказавшихся въ мѣшкѣ, къ ранамъ Андрюши Ющинскаго, согласно общему заключенію всѣхъ экспертовъ, не подошло.

Однако, и въ разсказѣ Берки Гулько не обошлось безъ противорѣчія съ показаніями другихъ свидѣтелей. Такъ, дворникъ Павелъ Панчукъ категорически удостовѣрилъ и на предварительномъ слѣдствіи, и на судѣ, что шорникъ Борисъ—такъ называли Гульку рабочіе—вовсе не оставлялъ работы съ середины февраля до первыхъ чиселъ апрѣля, а работалъ на заводѣ въ 1911 году непрерывно до мая, когда былъ замѣненъ Горбаткою. Въ судѣ, на очной ставкѣ между Панчукомъ и Гулькою каждый остался при своемъ показаніи. Такимъ образомъ, споръ возникъ опять почти о томъ же періодѣ времени, какъ и въ отношеніи Юдки Прицкера, о періодѣ, обнимающемъ какъ разъ то время, когда былъ убитъ Андрюша. Присяжные засѣдатели заинтересовались, почему Гулько вздумалъ, уйдя съ завода, оставить тамъ свои шорные инструменты. Гулько отвѣтилъ на это, что ушелъ къ такому хозяину, у котораго сталъ работать не своими, а хозяйскими инструментами.

Дальнѣйшая судьба конюшни и жилого при ней помѣщенія была со второй половины марта такова: когда начались весной 1911 г. кирпичныя работы, въ конюшню эту вновь было поставлено до 70 лошадей. Находился при нихъ сначала Павелъ Панчукъ, который и спалъ въ конюшнѣ, а потомъ конюхъ Харитонъ Быховецъ. Въ квартиркѣ около конюшни работали шорники—до мая Гулько, съ мая Горбатко. Такъ продолжалось до ареста Менделя Бейлиса, послѣ чего квартирку начали вдругъ ремонтировать и туда переехала изъ дома съ Верхней Юрковицы семья Бейлиса. На вопросъ, чѣмъ былъ такой переѣздъ

вызванъ, отвѣчали, что женѣ Бейлиса въ прежней квартиркѣ оставаться было страшно, хотя, казалось бы, на новомъ мѣстѣ должно быть еще страшнѣе, потому что оно болѣе прежняго глухое и мрачное.

Съ осени 1911 года, по мѣрѣ окончанія кирпичныхъ работъ, лошадей, по обыкновенію, начали распродавать и въ октябрѣ ихъ осталось въ конюшнѣ 20 штукъ, когда 10 октября конюшня, квартирка при ней, гдѣ жила тогда семья Бейлиса, и сарайчикъ сгорѣли.

По удостовѣренію конюха Харитона Быховца, онъ 10 октября 1911 года, въ понедѣльникъ, водилъ на ярмарку съ завода лошадей для продажи и продалъ 10 головъ. Вернулся на заводъ подъ вечеръ, часовъ около восьми, и пошелъ къ себѣ ужинать,— а такъ какъ семья Бейлиса переселилась въ помѣщеніе около конюшни, то ему, Быховцу, отвели часть той квартиры на Верхней Юрковицѣ, гдѣ жилъ раньше Бейлисъ. Начавъ тамъ ужинать, онъ услышалъ крики, что пожаръ, и, прибѣжавъ къ конюшнѣ, увидѣлъ, что *горитъ снаружси*. Лошадей вывели всѣхъ. Сгорѣлъ кое-какой скарбъ, часть сбруи—остальное вынесли, обгорѣло нѣсколько телѣгъ, а затѣмъ огонь уничтожилъ самыя постройки—конюшню, жилое при ней помѣщеніе и сарайчикъ напротивъ. Семья Бейлиса послѣ пожара вернулась опять въ свою прежнюю квартиру, на Верхней Юрковицѣ. Причина пожара осталась неустановленною. Изъ немногочисленныхъ рабочихъ, оставшихся въ заводской усадьбѣ на зиму, свидѣтель Емельянецъ опредѣленно заявилъ суду, что, по его мнѣнію, былъ поджогъ. Другой рабочій, Дыкуша, также показалъ Слѣдователю: «не иначе, какъ поджогъ былъ, но кто его совершилъ я не знаю».

Послѣ пожара на прежнемъ мѣстѣ снова была построена конюшня и, подъ одной съ ней крышей, небольшое жилое помѣщеніе.

Какъ уже излагалось, на одеждѣ Ющинскаго оказались пятна сѣрватою глины, глиняныя «помарки», мѣстами смѣшавшіяся съ кровью, ею пропитанныя. Таковыя, по заключенію профессора Косоротова, могли образоваться только на мѣстѣ совершенія преступленія.

14 марта 1913 г. Судебный Слѣдователь Машкевичъ взялъ въ различныхъ мѣстахъ Зайцевскаго завода шесть пробъ глины, между прочимъ былъ взятъ образчикъ глины и у крыльца жи-

лого помещенія возлѣ конюшни, тогда вновь отстроеннаго, оштукатуреннаго и выбѣленнаго послѣ пожара—проба номеръ три.

Химическій анализъ этихъ пробъ и сличеніе ихъ состава съ составомъ сѣровой глины на одеждѣ убитаго былъ произведенъ на предварительномъ слѣдствіи экспертомъ Туфановымъ, который далъ суду заключеніе, что пять пробъ не схожи съ глиной на одеждѣ убитаго, а одна проба—подъ номеромъ третьимъ—по органическимъ измѣненіямъ и по количеству примѣсей сходна, но отличается присутствіемъ извести.

Вопросъ о томъ, не могла ли въ глину попасть известь потому, что въ этомъ самомъ мѣстѣ недавно производилось оштукатуриваніе и побѣлка новой постройки—остался открытымъ.

Предшествующимъ изложеніемъ выяснено, какое значеніе для дѣла имѣлъ тотъ или другой періодъ дѣятельности завода. Когда дѣятельность эта, вслѣдствіе холодовъ, затихала—заводъ дѣлался совершенно глухимъ и безлюднымъ. Наоборотъ, въ разгаръ строительнаго сезона тамъ былолюдно и оживленно—сѣзжались многочисленныя артели рабочихъ и, разумѣется, совершить убійство такъ, чтобы оно осталось незамѣченнымъ, становилось гораздо труднѣе. Это обстоятельство было учтено въ полной мѣрѣ: обвиняемый сейчасъ же сослался Слѣдователю на нѣсколькихъ иногороднихъ рабочихъ, изъ деревни Гребенокъ, Кіевской губ., которые не замедлили показать на допросѣ, что уже съ первыхъ чиселъ марта 1911 года пріѣхали на заводъ и принялись возить кирпичъ.

Выходило такимъ образомъ, что ко дню убійства Андрюши, къ 12 марта, заводскія работы были уже въ полномъ разгарѣ, а слѣдовательно и самое убійство, разъ оно совершилось на заводской усадьбѣ, едва ли могло остаться незамѣченнымъ. Однако, провѣркою объясненій этихъ рабочихъ—Бориса Бобровскаго, Григорія Усенки, Андрея и Мины Калитенки—удалось съ несомнѣнностью установить, что показанія ихъ неправильны, что пріѣхали на заводъ они позже, что утромъ 12 марта 1911 года ни одинъ изъ нихъ на заводѣ не былъ и работа, въ скольконибудь широкомъ размѣрѣ, еще не начиналась. Эпизодъ этотъ настолько подробно разобранъ въ моей рѣчи, что здѣсь его можно не повторять. Упомяну еще въ этой области лишь объ одномъ показаніи—рабочаго изъ Черниговской губ., Андрея Ермака. Онъ жилъ въ Кіевѣ, но не на заводѣ, еще съ февраля 1911 г.—возилъ кладъ. Недѣли за 2—3 до убійства, Ермакъ ѣхалъ по

Верхне-Юрковской улицѣ и, увидѣвъ тамъ Бейлиса, котораго зналъ раньше, спросилъ его, когда можно будетъ становиться на заводскую работу. Бейлисъ отвѣтилъ: «Послѣ 12 марта». Такъ Ермакъ и сдѣлалъ.

Если Бейлису не удалась ссылка на рабочихъ изъ деревни Гребенокъ, показавшихъ, что, будто бы, они пріѣхали на заводъ уже съ первыхъ чиселъ марта, то немногимъ больше имѣло успѣха заявленіе обвиняемаго, что у него въ 1911 году не было коровы. На первый взглядъ, довольно длинные разговоры, происходившіе на судѣ о бейлисовской коровѣ, вызываютъ крайнее удивленіе. Причемъ тутъ корова? Однако, и про корову подсудимый говорилъ, надо полагать, не безъ цѣли. Какъ упомянуто выше, дѣти Чеберяковы рассказали родителямъ, а Люда подтвердила и на судѣ, что, приходя къ Бейлису за молокомъ, они, незадолго до убійства Андрюши, увидѣли тамъ двухъ старыхъ евреевъ необычнаго вида, въ странной одеждѣ.

Но если у Бейлиса въ то время не было коровы, то нечего было дѣтямъ Чеберяковымъ приходить къ нему за молокомъ. А если дѣти Чеберяковы не ходили тогда къ Бейлису за молокомъ, то они не могли видѣть того, о чемъ рассказывали...

И вотъ появляется рядъ свидѣтелей, удостоверяющихъ, что «у Бейлиса не было коровы». Заявляетъ это нѣкая Эстеръ Зусева Быкова, іудейка, не допрошенная на предварительномъ слѣдствіи и вызванная прямо въ судъ, по ходатайству защиты; подтверждаетъ Быкову тоже недопрошенный на предварительномъ слѣдствіи, но знакомый намъ по предшествующему изложенію свидѣтель Вышемирскій—тотъ самый, которому уѣзжавшій въ Америку Равичъ столь откровенно рассказалъ, что жена Равича видѣла у Чеберяковой трупъ Ющинскаго, завернутый въ коверъ и положенный въ ванну. Два свидѣтеля изъ заводскихъ рабочихъ—Самоновъ и Мельникъ—тоже говорятъ, что коровы не было.

Любопытное явленіе происходитъ далѣе съ показаніемъ Екатерины Маслапъ, по прозвищу Перепелицы. Она была допрошена Слѣдователемъ 3 августа 1912 года по ссылкѣ обвиняемаго, не касавшейся, однако, вопроса о коровѣ, но Слѣдователь Машкевичъ попутно спросилъ Перепелицу про корову, и Перепелица показала: «У Бейлиса была одна корова и я у него покупала молоко, заходя къ нему сама лично. Молоко я покупала по мѣрѣ надобности, иногда каждый день, иногда черезъ день. Покупала

ли у него молоко Чеберякова, не знаю. Припоминаю, что весной прошлаго года я покупала у него молоко. Лѣтомъ прошлаго года я молока уже не покупала. Чеберякова мнѣ говорила, что она должна Менделю Бейлису деньги. Молоко мнѣ продавала жена Бейлиса. У Бейлисовъ была прислуга, которая доила коровъ. Кромѣ покупки молока, я заходила иногда къ Бейлису попросить взять лучины на заводѣ, и онъ мнѣ разрѣшалъ».

На судѣ допросъ свидѣтельницы Маслашъ происходилъ такъ:

Прокуроръ. Вы торговка фруктами?

Маслашъ. Да.

Прокуроръ. У Бейлиса была корова?

Маслашъ. Была.

Прокуроръ. Вы покупали у него молоко?

Маслашъ. Покупала.

Прокуроръ. Не покупали ли вы весной 1911 года?

Маслашъ. Нѣтъ. Я покупала весной 1907 и 1908 годовъ.

Въ виду явнаго противорѣчія этихъ словъ свидѣтельницы съ тѣмъ, что она говорила раньше Слѣдователю, Судъ огласилъ ея показаніе, приведенное выше.

Грузенбергъ. Свидѣтельница, вамъ читали показаніе насчетъ того, когда была у Бейлиса корова и когда вы покупали молоко?

Маслашъ. Я теперь припоминаю, что это было въ 1907 и въ 1908 годахъ.

Грузенбергъ. А въ 1909 и 1910 году.

Маслашъ. Тогда я не помню, была ли у Бейлиса корова, потому что ребенокъ мой подростъ.

Изъ дальнѣйшаго выясняется, однако, что у свидѣтельницы, по ея же словамъ, пятеро дѣтей: младшему полтора года, слѣдующему пять лѣтъ, слѣдующему семь.

Не обошлось съ коровой и безъ другихъ недоразумѣній. Самъ Бейлисъ заявилъ суду, что корову *продалъ* 20 сентября 1910 года и послѣ этого у него коровы не было. На вопросъ своего собственнаго защитника Заруднаго (?): «Не пала ли у него одна корова», подсудимый отвѣтилъ: «Пала, но это было давно».

Между тѣмъ, изъ свидѣтельскихъ показаній явствовало, что коровы на стало у Бейлиса не потому, что онъ ее продалъ, а именно потому, что она «убилась».

Такъ, свидѣтель Вышемирскій прямо удостовѣрилъ, что у Бейлиса «была одна корова, упала внизъ, разбилась и съ тѣхъ поръ коровы не было».

На мой вопросъ, самъ ли онъ видѣлъ, что корова разбилась, или отъ другихъ слышалъ, свидѣтель отвѣтилъ: «Я рядомъ живу—какъ же не знать несчастья сосѣда».

Другой свидѣтель, Никифоръ Тысовецкій, съ коровою совѣмъ запутался. Слѣдователю онъ показалъ: «Знаю, что у Менделя Бейлиса была одна корова и онъ продавалъ молоко, но въ прошломъ году (допросъ отъ 8 декабря 1912 г.) у него коровы уже не было, такъ какъ она упала въ оврагъ и убилась. Случай этотъ, насколько мнѣ помнится, былъ еще за годъ до убійства Ющинскаго».

На судѣ Тысовецкій отвѣчалъ такъ:

Прокуроръ. У Бейлиса была въ 1911 г. корова?

Тысовецкій. Была.

Прокуроръ. Вы хорошо это помните?

Тысовецкій. Хорошо помню.

Прокуроръ. Не показывали вы Слѣдователю, что корова упала въ оврагъ?

Тысовецкій. Да, показывалъ.

Прокуроръ. Какъ же это вы говорите: то была, то упала? Что же она, упавши, сохранила жизнь, осталась жива?

Тысовецкій. Да, осталась жива.

Прокуроръ. Значитъ, въ 1911 г. была корова?

Тысовецкій. Кажется, не было.

При самомъ снисходительномъ отношеніи къ подобнымъ показаніямъ, полагаться на нихъ не приходится, между тѣмъ, когда еще не было извѣстно о разсказѣ дѣтей Чеберяковыхъ и, слѣдовательно, вопросъ о томъ, была ли у Бейлиса въ 1911 г. корова, представлялся совершенно безразличнымъ и никого не интересующимъ, былъ допрошенъ Слѣдователемъ 18 июля 1911 г. дворникъ усадьбы Захарченки, Степанъ Васильевъ, ко времени суда, какъ уже упомянуто, умершій. Онъ показалъ: «Мендель (Бейлисъ) въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ Чеберяковой и послѣдняя у него покупаетъ молоко. Менделя въ нашемъ дворѣ мнѣ никогда не приходилось видѣть, а то, что къ нему ходитъ Чеберякова,—это я знаю».

Едва ли возможно такому показанію не вѣрить. Дворникъ маленькаго домика на окраинѣ, гдѣ всего нѣсколько квартирантовъ, разумѣется, прекрасно знаетъ, у кого они берутъ молоко, а сказать неправду для этого дворника нѣтъ никакого побужденія, никакого смысла, ибо, повторяю, значеніе вопроса о коровѣ

и молоко выяснилось лишь впоследствии, к тому же заподозрить Степана Васильева, что он держит руку Чеберяковой, решительно невозможно, ибо тут же, в этом же показании, ей дается Васильевым самая скверная характеристика.

Таким образом, надлежит признать полный неуспех попытки опорочить рассказ дѣтей Чеберяковых указаниемъ, что они-де не могли видѣть у Бейлиса тѣхъ странныхъ евреевъ, о которыхъ рассказываютъ, ибо не имѣли никакого повода къ Бейлису придти.

Наличность такого повода—покупка молока—вполнѣ подтвердилась. Достопримѣчательно, однако, до какихъ мелочей, съ неизмѣнной обдуманностью и планомѣрностью, были доведены усилия разрушить, опорочить каждое обстоятельство, неблагоприятное для подсудимаго.

— Дѣти Чеберяковы говорятъ, будто видѣли нѣчто подозрительное, приходя къ Бейлису за молокомъ.

— Пожалуйте свидѣтелей, что не могли приходить, ибо не было молока, не держали коровы.

— Заводская усадьба настолько безлюдна, что на ней можно убить незамѣтно.

Опять свидѣтели, долженствующие доказать, что въ день убійства тамъ было полно людей—самый разгаръ работы.

Лишь тщательнымъ перекрестнымъ допросомъ и очными ставками удалось выяснить, что рабочіе съѣхались на заводскую усадьбу лишь послѣ того, какъ произошло убійство, что, тогда какъ самъ подсудимый говоритъ о продажѣ своей коровы, свидѣтели показываютъ о томъ, что она у него убила и т. д.

Большую настойчивость и энергію проявилъ при перекрестномъ допросѣ поддерживавшій обвиненіе Товарищъ Прокурора Петроградской Судебной Палаты О. Ю. Випперъ. Цѣлый рядъ сооруженныхъ здѣсь махинацій былъ разоблаченъ его усиліями.

Нельзя не остановить далѣе самаго пристальнаго вниманія на той заводской постройкѣ, гдѣ была конюшня и при ней небольшое жилое помещеніе, только что описанное. Среди цѣлага ряда загадочныхъ и роковыхъ совпаденій, которыми такъ изобилуетъ настоящее дѣло, совпаденія, приуроченныя къ этой постройкѣ, занимаютъ не послѣднее мѣсто. Въ глиня, взятой передъ ея крыльцомъ, химическій анализъ обнаружилъ сходство съ глиной, приставшей къ одеждѣ убитаго. Въ жиломъ помещеніи при постройкѣ была шорная мастерская, требовавшая

О. Ю. ВИШПЕРЪ, государственный обвинитель по дѣлу Бейлиса.